Изданіе Парижскаго соціально-революціоннаго литературнаго фонда.

George Kennan. — „LA SIBÉRIE ET L'EXIL"

ДЖОРЖЪ КЕННАНЪ

О РОССІИ

„СИБИРЬ И ССЫЛКА"

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЦѢНА 3 ФР.

ПАРИЖЪ. — 1890.

224925

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страница
Отъ издателей	I
Предисловіе переводчика	III
Предисловіе автора	1
Черезъ русскую границу	7
Отъ Екатеринбурга до Семипалатинска	16
Встрѣча съ политическими ссыльными	27
Административная ссылка	48
Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ	77
Жизнь «большаго сибирскаго тракта»	96
Жизнь административно-ссыльныхъ	118
Иркутскъ	145

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ виду нетерпѣливаго ожиданія, выражаемаго публикою, мы рѣшились издать пока, первымъ выпускомъ, только ту часть сочиненія Кеннана, которая уже готова въ типографіи. Ко второму выпуску, въ который войдетъ какъ то, что уже напечатано Кеннаномъ, но не вошло въ первый выпускъ, такъ и то, что онъ еще напечатаетъ ко времени выхода втораго, будетъ приступлено въ ближайшемъ будущемъ если только вниманіе публики къ предлагаемой книгѣ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ будетъ отвѣчать нашимъ ожиданіямъ.

онъ пережилъ много больше, чѣмъ это выпадаетъ обыкновенно на долю людей. Носить въ самомъ себѣ всю эту массу видѣннаго людскаго горя — слишкомъ тяжело для одного человѣка. Мы должны взять на себя часть этой тяжести. Пусть его опытъ станетъ факторомъ прогресса; пусть рискъ, которому онъ подвергалъ свою жизнь и страданія, которыя онъ вынесъ изъ Сибири, станутъ платою за надежду, столь необходимую для несчастныхъ, охваченныхъ отчаяніемъ. И сегодня, и завтра, и до конца дней своихъ онъ будетъ указывать намъ на далекую страну, полную мученій; будетъ постоянно бить въ одну точку, чтобы раскрыть, наконецъ, глаза исторіи и заставить ее разорвать тѣ цѣпи, которыми скованъ цѣлый народъ.

Нѣсколько словъ о технической сторонѣ дѣла. Предлагаемая книга — не полный переводъ появившихся пока статей Кеннана. Это—подробное изложеніе, во многихъ случаяхъ почти буквальный переводъ. Въ этомъ изложеніи я старался сохранить неприкосновенно тонъ Кеннана и выпускалъ или сокращалъ только мѣста, не имѣющія сами по себѣ интереса и общественнаго значенія, напр., описаніе видовъ, дорожныхъ впечатлѣній, эстетич. отступленій и пр. Какъ ни жаль мнѣ было производить эти сокращенія и урѣзыванія, я не могъ поступать иначе. Полный переводъ составилъ бы слишкомъ объемистую книгу, пока недоступную для издателей по ограниченности ихъ матеріальныхъ средствъ. Во второмъ выпускѣ, въ который, между прочимъ, войдетъ описаніе Карійскихъ каторжныхъ работъ, и часть котораго мною уже приготовлена, я стараюсь прибѣгать возможно рѣже къ сокращеніямъ. Этотъ выпускъ, надѣюсь, будетъ почти полнымъ переводомъ.

И. Кашинцевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

«Одинъ извѣстный писатель, — говоритъ г-жа Laurens Dawes въ своей статьѣ «George Kennan» («The Century». 1888 г. August), — видѣвшійся съ Кеннаномъ послѣ его сибирскаго путешествія, сказалъ: — Я говорилъ съ человѣкомъ, возвратившимся изъ ада. Неудивительно, что подобная характеристика, возбуждая большій интересъ, вызываетъ и большую требовательность по отношенію къ показаніямъ человѣка, къ которому она прилагается. Надо хорошо знать нравственную физіономію и прошлое человѣка, съумѣвшаго пройти черезъ всѣ круги Дантова ада и испытавшаго на самомъ себѣ всю силу его огня. Нужны достаточныя гарантіи правдивости, безпристрастія и опытности того, кто описываетъ намъ невозможные ужасы, какъ дѣйствительные, живые факты, кто требуетъ отъ насъ вѣры въ невѣроятное.“

Такъ начинаетъ свою біографическую замѣтку г-жа Dawes. Намъ, русскимъ, обычнымъ жителямъ этого ада, испытывающимъ на своей шкурѣ (всѣ его прелести, можно бы, пожалуй, обойтись и безъ такой основательной подготовки, чтобы повѣрить. Мы и не то еще слышали своими ушами и видѣли своими глазами, и свирѣпый разгулъ безогвѣтственнаго произвола, который приводитъ въ ужасъ иностранца, насъ не поражаетъ ни новизною, ни рѣзкостью своего проявленія. Жизнь столѣтій, съ характерными

типами правительственнаго воздѣйствія, вродѣ Аракчеевыхъ и Николаевъ, Шешковскихъ и Толстыхъ, выработала въ насъ въ рѣдкомъ совершенствѣ привычку къ пассивному повиновенію и безграничному терпѣнію, глубоко погребла порывы негодованія и возмущенія и одѣла русскую грудь въ броню, которую можетъ пробить только что-нибудь, выходящее изъ ряда даже нашей дѣйствительности. Десятки тысячъ нашихъ дѣтей безжалостно вырываются изъ жизни и выбрасываются на тѣ муки, которыя съ такимъ негодующимъ крикомъ свободнаго человѣка описываетъ намъ Кеннанъ; сотни ихъ гибнутъ на висѣлицахъ, въ сумасшедшихъ домахъ, въ крѣпостныхъ казематахъ, гибнутъ за смѣлое слово, за крикъ, вырванный изъ молодой души мучительною пыткою рабскаго существованія, — но русскій гражданинъ остается тихъ и нѣмъ, и только глухой ропотъ отцевъ и матерей, женъ и сестеръ, какъ рябь, пробѣгающая по зеркальной поверхности озера, указываетъ, что и здѣсь еще не вполнѣ остановилась жизнь, еще сохранилась способность ощущать боль и отзываться на страданія. Народъ систематически доводится до нищеты и вырожденія, и до ушей доносятся время отъ времени раскаты выстрѣловъ, творящихъ судъ надъ его представителями, которые въ своей дѣтски-наивной слѣпотѣ еще не отвыкли искать правды и милости у сидящаго на тронѣ земнаго бога; гекатомбы жертвъ приносятся на алтарѣ вѣрноподданничества; тысячи ищущихъ образованія и свѣта безпощадно отбрасываются назадъ, въ «темное царство», изъ котораго, казалось было, мы уже окончательно вышли, — а россіянинъ только опасливо крестится и, ощупывая себя, приговариваетъ: «слава тебѣ господи, пронесло мимо». Вся жизнь его сводится къ лавированію въ лабиринтѣ дозволеннаго и недозволеннаго; всѣ мечты — къ тому, чтобы «пронесло». Нашъ великій сатирикъ былъ во истину пророкъ, когда рисовалъ своего «статскаго совѣтника», который мирно проживалъ на своей квартирѣ, никого не трогая, ничего не думая и надѣясь въ награду обрѣсти забвенье. И его нашелъ разгулявшійся «старатель», нашелъ и выпо-

ролъ, для шутки, для лишняго доказательства безграничности своего права. Вы знаете, что статскій совѣтникъ не протестовалъ, самъ легъ и сдѣлалъ надлежащій туалетъ. Все, что онъ позволилъ себѣ въ смыслѣ протеста: — «что же это? пришли, распорядились... и ушли», — онъ позволилъ только потому, что его высѣкли не по формѣ, какъ будто безъ разрѣшенія начальства, по собственной инициативѣ «прохвоста».

Въ этой баснѣ — вся русская жизнь, съ ея безотвѣтнымъ — до поры, до времени — страданіемъ и молчаливой покорностью. Мы говоримъ «до поры, до времени», потому, что всему есть граница, а значитъ и русскому долготерпѣнію. Что она есть и, можетъ быть, ближе, чѣмъ думаютъ иные — съ достаточной убѣдительностью доказываетъ то героическое революціонное движеніе, которое взяло на себя пока инициативу великой борьбы, и на которое надо смотрѣть, какъ на начало конца. Кеннанъ при всемъ своемъ уваженіи къ легальности, воспитанномъ на традиціяхъ свободной страны, съумѣлъ понять неизбѣжность и законность этого движенія, несмотря на крайне рѣзкія формы и на рѣдкую интенсивность этой естественной реакціи противъ неумолимаго гнета. Онъ съумѣлъ оправдать насиліе, когда оно является вынужденнымъ и единственнымъ орудіемъ борьбы противъ рабства, и благоговѣйно преклонился передъ самоотверженными борцами. Это умѣніе въ интересахъ истины подавлять свои симпатіи и антипатіи и честно принимать результаты наблюденій, идущіе въ разрѣзъ съ своими предвзятыми мнѣніями, сильно говоритъ въ пользу ума и безпристрастія наблюдателя*).

*) Любопытно, между прочимъ, что даже между революціонерами, которыхъ Кеннанъ имѣлъ случай наблюдать, даже между людьми, въ которыхъ теоретическое сознаніе обязанности протеста проявилось съ такою рѣзкостью и послѣдовательностью въ ихъ жизни и борьбѣ, — Кеннанъ нашелъ ту же обще-русскую черту терпѣливо-равнодушнаго отношенія къ такимъ фактамъ, которые его, иностранца, приводили въ негодованіе и ужасъ. Пытаясь объяснить себѣ это странное явленіе, Кеннанъ не останавливается, къ сожалѣнію, на всемъ строѣ русской исторической жизни, который

Однако-же, хотя русскій читатель вообще и не нуждается, какъ мы сказали, въ такой основательной подготовкѣ, какъ американецъ, чтобы повѣрить «невѣроятнымъ» разсказамъ Кеннана, но и у насъ имѣются цѣлыя категоріи людей, которымъ не мѣшало бы познакомиться съ сочиненіемъ Кеннана. Мягкосердечные идеалисты, мирно проживающіе въ своей скорлупѣ, брезгливо сторонящіеся отъ соприкосновенія съ безобразной дѣйствительностью, и находящіе оправданіе своему прекраснодушію въ принципѣ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“; скептики, которые, не испытавъ по счастью на самихъ себѣ всей тяжести ударовъ россійской дѣйствительности, склонны объяснять игрою въ политику, честолюбіемъ, завистью или молодостью ту борьбу, которую самоотверженные люди подняли и до сихъ поръ несутъ на своихъ плечахъ; скромные штопальщики нашего режима, въ своей слѣпой ограниченности не доходящіе до корня зла и удовлетворяющіеся безсильными и поверхностными соображеніями на счетъ тѣхъ или иныхъ перемѣнъ въ лицахъ или примѣчаніяхъ къ параграфамъ законовъ, — всѣ эти господа найдутъ много новаго и важнаго въ предлагаемомъ сочиненіи, авторъ котораго, — на этотъ разъ ужь несомнѣнно,—не увлекающійся «мальчишка», не подкупный свидѣтель и не человѣкъ партіи, сознательно гнущій факты въ одну сторону, а извѣстный всему образованному міру изслѣдователь, безпристрастіе и авторитетность котораго признаны всѣми и стоятъ выше всякихъ инсинуацій русскаго правительства и нелѣпыхъ выдазокъ продажныхъ газетъ, вродѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

и выработалъ главнымъ обрѣзомъ это свойство, близкое къ фаталистическому спокойствію магометанъ и апатичному равнодушію буддистовъ.

Вѣроятно, это историческое наслоеніе въ русскомъ національномъ характерѣ и даетъ основаніе иностраннымъ наблюдателямъ, вродѣ Вогюэ, устанавливать параллель между нами и индусами, съ ихъ факирами и нирваной.

Итакъ, мнѣ кажется, съ этой стороны нѣтъ нужды тратить лишнія слова въ защиту репутаціи Кеннана и значенія его труда. Обращаясь къ русскому читателю, быть можетъ, надо остановиться на другой сторонѣ дѣла. Быть можетъ, спросятъ: Почему заграницею издается сочиненіе, касающееся одной частной стороны русской жизни, стороны, притомъ, не первостепенной важности, являющейся лишь шестымъ закулиснымъ дѣйствіемъ драмы; именно — ссылки? Прежде всего, какъ это не обидно для нашей національной гордости, нельзя сказать, чтобы у насъ ссылка была частною стороною жизни. При господствѣ административнаго произвола въ его многообразныхъ проявленіяхъ, онѣ до такой степени переплетаются между собою, что сказать, гдѣ начинается одна и кончается другая, гдѣ эпилогъ драмы и гдѣ ея прологъ и дѣйствіе, — положительно невозможно. Очень не рѣдко, — и Кеннанъ приводитъ не одинъ примѣръ этого, — человѣкъ, сосланный „по недоразумѣнію“ и «административной ошибкѣ», возвращается въ Россію рѣшительнымъ и сознательнымъ врагомъ правительства. Очень не рѣдко цѣлыя категоріи людей, вполнѣ полноправныхъ, находятъ въ своей странѣ настоящій ссыльный режимъ, съ тщательнымъ надзоромъ, съ тысячами путъ для мысли и дѣятельности, и, съ другой стороны, въ ссылкѣ наталкиваются на относительную свободу, на симпатіи окружающихъ, на возможность прогрессивнаго воздѣйствія на сочувствующую и воспріимчивую среду. По какому-то, тяготѣющему надъ нами проклятью, „ссылка собственно“ оказывается лишь откровеннымъ и доведеннымъ до своихъ логическихъ послѣдствій выраженіемъ всего строя жизни, этой не подчеркнутой, но систематизированной и всеохватывающей „ссылки на родинѣ“. Являясь въ Сибири лишенною всѣхъ покрововъ, въ своемъ чистомъ видѣ она служитъ прекрасною почвою для наблюденія и правильнаго пониманія истинныхъ началъ русской политической жизни вообще. Эти начала, — административный произволъ и бюрократическая волокита, — царящіе въ ссылкѣ во всей своей безыскуственной наготѣ и красѣ,

губящіе всѣ попытки улучшеній со стороны тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій и обязательно создающіе то положеніе, которое Кеннанъ характеризуетъ словами: «тѣ, которые заботятся, безсильны; тѣ же, которые имѣютъ власть — не заботятся», — это тѣ же начала, которыя отравляютъ своимъ мертвящимъ дыханіемъ русскую землю, характеризуютъ собою всѣ проявленія правительственнаго воздѣйствія и, въ качествѣ неизбѣжно присущихъ бюрократическому деспотизму вообще, служатъ лучшимъ его осужденіемъ. Это — та сторона дѣла, которую мы, русскіе, часто не замѣчаемъ, пока капризъ судьбы не броситъ насъ въ настоящую, формальную ссылку, именуемую таковою и въ юридическихъ учебникахъ и въ полицейскихъ протоколахъ,; но Кеннану, какъ иностранцу, достаточно было немного ближе присмотрѣться къ странѣ сальныхъ свѣчей, медвѣдей и патріархальнаго любвеобилія, какою рисуется Россія изъ прекраснаго далека, чтобы это до очевидности ясно бросилось въ глаза. Оттого-то, какъ это некажется труднымъ и какъ это не было ему трудно въ дѣйствительности, Кеннанъ, свободный гражданинъ Америки, съумѣлъ понять и оправдать революціонный терроръ, какъ естественную и законную форму воинствующаго протеста въ странѣ произвола и насилія, гдѣ нѣтъ инаго способа борьбы, потому что вообще *никакой* борьбы быть не должно и самое представленіе о ея возможности преступно и тщательно вытравливается изъ головъ и сердецъ.

Наконецъ, какъ живой, далекій отъ педантизма, человѣкъ, Кеннанъ, не могъ ограничиться только однимъ спеціальнымъ предметомъ наблюденія. Все, что проходило передъ нимъ, встрѣчало въ немъ строгаго, но справедливаго судью, исходящаго всегда въ своей оцѣнкѣ изъ интересовъ свободы личности и блага народа. Говоря о ссылкѣ, какъ о наказаніи, Кеннанъ не могъ не касаться и того, что вызываетъ ссылку, что въ Россіи подводится подъ категоріи «преступнаго» и «неблагонадежнаго», каковы пріемы борьбы съ этими элементами со стороны правительства, насколько они справедливы, цѣлесообразны и ограничены въ

своемъ распространеніи на посторонніе элементы, на всю Россію...., однимъ словомъ онъ останавливается на всѣхъ выдающихся сторонахъ русской общественно-политической жизни, обращая, естественно, главное вниманіе на то прогрессивное движеніе, которое наполняетъ собою послѣднія десятилѣтія, въ которомъ резюмируется вся русская жизнь, къ которому примыкаютъ всѣ теченія русской мысли и дѣятельности, которое является исходнымъ пунктомъ правительственной политики не только въ области полицейскихъ мѣропріятій, но и въ народномъ образованіи, въ финансовой и экономической политикѣ, во внѣшнихъ отношеніяхъ и во всей сферѣ его дѣйствія вообще. Конечно, не все это обработано въ равной степени основательно. Иныя стороны только намѣчены; въ иныхъ случаяхъ брошены въ скользь замѣчанія; но общая картина получается достаточно цѣльная и вѣрная дѣйствительности.

Что-же касается спеціальнаго предмета изслѣдованія автора—«Сибири и ссылки», то люди близко знакомые съ дѣломъ и имѣвшіе возможность въ теченіи многихъ лѣтъ наблюдать «родную» ссылку во всѣхъ ея формахъ по всѣмъ концамъ страны, удивляются, какою правдою проникнуто все сочиненіе Кеннана, съ какою поразительной вѣроятностью переданы имъ всѣ перипетіи пересыльной жизни, съ ея этапнымъ путешествіемъ, нищетою, голодомъ и страданіями, тюремными порядками, безправіемъ арестанской массы и пренебрежительной безпечностью или жестокостью мелкихъ и крупныхъ представителей власти; съ какимъ умѣніемъ войти въ духъ наблюдаемой жизни изображаетъ авторъ характерныя и интимныя черты сибирскихъ и арестанскихъ нравовъ; какъ, однимъ словомъ, вѣрно понялъ онъ во всѣхъ его подробностяхъ предметъ своего изслѣдованія, съ какимъ талантомъ передалъ его въ цѣльной картинѣ читателю! Намъ не приходилось еще читать ничего подобнаго въ этой области ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ. Русскіе изслѣдователи, которые способны бы были исполнить ту же задачу не хуже Кеннана, не смѣютъ или не могутъ, иностранцы же, отъ времени до

времени снисходящіе до насъ, приходятъ къ намъ съ готовыми взглядами, съ педантическими, чуждыми нашей жизни, мѣрками и пропитанные легкомысленнымъ пренебреженіемъ къ «сѣвернымъ варварамъ», въ большинствѣ случаевъ уѣзжаютъ съ запасомъ глупыхъ анекдотовъ и нелѣпыхъ обобщеній. Мы такъ свыклись съ подобнымъ отношеніемъ къ намъ, что трудъ Кеннана, такъ необычно-пріятно отличающійся отъ упражненій прочихъ иностранцевъ своей серьезностью и правдой. пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе. Мы должны быть въ значительной, вѣроятно, степени обязаны въ этомъ случаѣ американской національности автора и его прошлому.

Вся жизнь Кеннана, какъ бы концентрируется на его путешествіи 1885 г. Изслѣдованіе русской ссыльной системы — это цѣль, къ которой онъ постоянно стремился и подготовлялся, которой такъ отвѣчала его индивидуальность и для которой все его прошлое было какъ бы нарочно приспособленною школою. Живой, рѣшительный и, когда нужно, сдержанный и хладнокровный; что называется—«бывалый» и опытный и выше всего ставящій истину; сильный духомъ и тѣломъ; съ неукротимой энергіей, мужествомъ и страстью къ путешествіямъ, ко всѣму новому и неизвѣданному, — онъ самою природою былъ предназначенъ къ блестящему исполненію своей миссіи. Воспитанный на житейскихъ невзгодахъ, знакомый съ дѣтства съ борьбою и нуждою, онъ успѣлъ выработать въ себѣ рѣдкую настойчивость и находчивость. Жизнь и книга были въ равной степени его учителями и помогли ему стать цѣльнымъ, настоящимъ человѣкомъ. Въ жизни ничто не проходило мимо него не замѣченнымъ, все служило урокомъ и выработало изъ него «практическаго человѣка» par excellence, съ громаднымъ запасомъ того, что янки называютъ „hard common sense“, между тѣмъ, какъ книга не позволила ему стать односторонним и дала ему ту гуманитарно-теоретическую подготовку, которая сдѣлала его практичность благодарнымъ и сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ за правду и прогрессъ. По счастливой случайности и русскій языкъ былъ ему хорошо

знакомъ. Однимъ словомъ онъ былъ положительно провиденціальнымъ человѣкомъ, который долженъ былъ выполнить нелегкое дѣло изслѣдованія русской общественно-политической жизни и, главнымъ образомъ, политической ссылки. Онъ былъ лучшимъ нелицепріятнѣйшимъ судьею въ процессѣ русскаго деспотизма съ возродившейся страною, въ процессѣ, который пока ведется желѣзомъ и кровью, и приговора по которому ожидаетъ пробужденное стонами жертвъ общество.

Отъ отца Джоржъ Кеннанъ получилъ сильную любовь къ природѣ и къ новымъ впечатлѣніямъ, для которой лучшимъ удовлетвореніемъ служатъ путешествія, отъ матери — Mary Morse, принадлежавшей къ семьѣ, въ которой родился извѣстный физикъ Морзъ, — нравственное мужество и склонность къ умственному труду. Но матеріальныя обстоятельства семьи были мало благопріятны для безмятежнаго развитія мальчика, и уже въ 12 лѣтъ Джоржъ долженъ былъ взять на свои дѣтскія плечи часть тяжести, лежавшей на семьѣ. Онъ поступилъ въ телеграфную контору маленькаго городка и, дѣля свое время между службою и ученіемъ, часто просиживалъ за книгами цѣлыя ночи, не переставая лелѣять въ глубинѣ души надежду вырваться наконецъ изъ конторы на широкую дорогу правильнаго образованія въ коллежѣ и университетѣ. 18-лѣтнимъ юношей, пройдя извѣстныя ступени служебнаго повышенія, онъ очутился въ Цинциннати и здѣсь окончательно увидѣлъ неосуществимость своихъ мечтаній. Былъ 63-тій годъ, годъ междуусобной войны. Время было слишкомъ горячимъ, чтобы всецѣло отдаваться личнымъ дѣламъ. Общее возбужденіе и трезвая натура Кеннана помогли ему безъ печальныхъ послѣдствій пережить этотъ кризисъ. Онъ махнулъ рукою на свои „иллюзіи“ и началъ искать мѣста военнаго телеграфиста или какого нибудь другаго отвѣтственнаго назначенія. Наконецъ, генералъ Стагеръ, глава западной телеграфной кампаніи, предложилъ ему принять участіе въ экспедиціи, которая, послѣ неудачной попытки проложенія атлантическаго кабеля, имѣла въ виду устройство телеграфнаго сооб-

щенія между Америкой и Европой черезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Камчатку. Кеннанъ принялъ это предложеніе и, послѣ длинныхъ задержекъ, долгихъ мѣсяцевъ тяжелой жизни въ Центральной Америкѣ и Калифорніи, отплылъ, наконецъ, по назначенію вмѣстѣ съ экспедиціей въ 1865 году. Такимъ образомъ рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и Кеннанъ съ свойственною ему энергіею окончательно похоронилъ свои юношескія мечты и вступилъ въ новую жизнь, съ новыми планами и надеждами.

Два года, проведенные въ Восточной Сибири, съ ея морозами и лишеніями дикой жизни въ дымныхъ шалашахъ бродячихъ коряковъ, были превосходною подготовительною школою для будущаго сибирскаго путешествія. Здѣсь онъ познакомился съ русскимъ языкомъ, здѣсь онъ проникъ въ трудное искусство быстро и интимно сходиться съ людьми самыхъ разнообразныхъ положеній, привычекъ и образованія; здѣсь же онъ окончательно закалилъ себя для борьбы и лишеній, а своей страсти къ путешествіямъ нашелъ опредѣленную цѣль.

Между тѣмъ новая попытка проложенія атлантическаго кабеля окончилась удачно, восточно-сибирская экспедиція сдѣлалась безполѣзной и вернулась въ Америку. Кеннанъ не вернулся съ нею. Онъ предпочелъ проѣхать вдоль всей Сибири и Россіи, обращая на пути вниманіе на все новое и интересное въ незнакомомъ ему быту, замѣчая, записывая, рисуя. Зиму онъ провелъ въ Петербургѣ, употребляя съ пользою каждую минуту своего времени, знакомясь со страною, съ ея нравами, со всѣми проявленіями въ государственной и общественной жизни, заводя знакомства и связи, которыя могли ему пригодиться въ будущемъ. Уже тогда, въ значительной степени платонически, конечно, онъ рѣшился ближе познакомиться съ Россіею, если только обстоятельства сложатся для этого благопріятно.

Возвратившись въ Америку съ запасомъ матеріяловъ, Кеннанъ выступилъ на литературное поприще и, послѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, въ 1870 г. издалъ свой большой трудъ «Жизнь въ Сибири (The life in Siberia)»·

Въ этотъ періодъ времена какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ онъ относился неизмѣнно снисходительно къ системѣ русской ссылки и стоялъ на сторонѣ русскаго правительства, защищая его противъ, какъ онъ тогда думалъ, инсинуацій и пристрастныхъ нападеній враговъ. Но и являясь защитникомъ русскаго правительства, онъ всегда сознавалъ, что его личныхъ наблюденій было слишкомъ мало, чтобы съ полнымъ правомъ и компетентностью поддерживать свои взгляды. Полемика доказала это тѣмъ болѣе. Поэтому все время своей американской жизни, отъ 1870-85, онъ лелѣялъ одну мечту: пріобрѣсти такое право и для этого сдѣлать второе путешествіе въ Сибирь, на этотъ разъ съ вполнѣ опредѣленною цѣлью: изслѣдовать русскую ссылку. Наконецъ, въ 1885 г. издатель журнала «The Century» предложилъ ему средства для такого путешествія. Кеннанъ съ радостью, конечно, схватился за это предложеніе и скоро отплылъ изъ Нью-Іорка съ новыми надеждами и полный юношескаго пыла.

Въ Августѣ 1886 года онъ возвратился изъ своего знаменитаго путешествія и можно быть увѣреннымъ, что болѣе Россіи онъ не увидитъ, пока не рухнетъ въ ней царство деспотизма. Правительство не пуститъ болѣе въ свою страну человѣка, который такъ «дерзко и безстыдно» обманулъ его довѣріе. Отъ него ожидали показаній «достовѣрнаго лжесвидѣтеля» и сикофанта, и вдругъ — такое разочарованіе! Онъ честно и правдиво передаетъ результаты своихъ наблюденій; онъ не можетъ и не хочетъ играть въ руку грязнаго политиканства! Это — такое преступленіе, котораго не прощаютъ люди, привыкшіе къ всеобщей продажности и рабской лести вокругъ. Какъ велика должна быть ненависть къ Кеннану въ оффиціальныхъ русскихъ кругахъ, видно изъ газетъ, въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя въ порывѣ безсильной злобы, открываютъ мотивы своего негодованія: на него понадѣялись, думали, что онъ „свой человѣкъ“, а оказывается, пустили волка въ псарню; и что обиднѣе всего, такъ это то, что его выпустили. И

вотъ теперь, выбравшись въ безопасное мѣсто, гдѣ его не достанутъ руки даже русской полиціи. онъ, не стѣсняясь, разсказываетъ публикѣ обо всемъ, что видѣлъ за кулисами. Когда читатель познакомится съ сочиненіемъ Кеннана, онъ пойметъ всю естественность этого растерянаго озлобленія. Вотъ, между прочимъ, характерный отрывокъ одного изъ его писемъ, писанныхъ по возвращеніи въ Америку.

«Мое послѣднее путешествіе было самымъ труднымъ, но за то и самымъ интереснымъ. Я не повѣрилъ бы 2 года назадъ, чтобы въ мой возрастъ, послѣ всѣхъ житейскихъ испытаній, для меня были еще возможны столь сильныя, свѣжыя и новыя впечатлѣнія. Я не хочу этимъ сказать, что я потухшій вулканъ — мои чувства никогда не имѣли въ себѣ ничего вулканическаго — но мнѣ казалось, что время мое прошло, что я испыталъ уже все лучшее, что дано испытать человѣку, что никогда болѣе я не съумѣю чувствовать такъ, какъ нѣкогда, въ той порѣ жизни, когда весь міръ такъ новъ, такъ возбудителенъ. Какая ошибка! То, что я увидѣлъ и узналъ въ Сибири, затронуло самыя затаенныя струны моего сердца, открыло мнѣ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, очистило и возвысило мои нравственныя понятія. Я познакомился тамъ съ характерами, воистину, героическими, съ типами, столь же великими, какъ самые великіе, какіе только извѣстны намъ въ исторіи человѣчества. Я встрѣтилъ тамъ людей мужественныхъ и сильныхъ, съ изумительной преданностью, до гибели, своимъ убѣжденіямъ, съ безконечною готовностью и способностью къ жертвѣ... Объ этихъ людяхъ, которыхъ мы зовемъ «нигилистами», я и хочу говорить съ вами. Вы не можете представить себѣ, какое дѣйствіе имѣло для меня знакомство съ этими людьми. Вы знаете, что я ѣхалъ въ Сибирь, сильно предубѣжденный противъ политическихъ ссыльныхъ; а уѣзжая, я разставался съ ними съ глазами, полными слезъ, цѣлуя и сжимая ихъ въ своихъ объятіяхъ... Вы поймете, конечно, что нужны были необыкновенныя условія, чтобы вызвать во мнѣ такую перемѣну....“

„Кеннанъ — говоритъ г-жа Dewes — еще не старъ, но

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Прежде, чѣмъ перейти къ предмету сочиненія, мнѣ кажется нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ я совершилъ свое путешествіе, и о тѣхъ мнѣніяхъ о Россіи и русскихъ дѣлахъ, которыхъ я держался въ то время. Мысль заняться изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ наименѣе извѣстныхъ частей Сибири и, въ связи съ этимъ, поближе ознакомиться съ системою русской ссылки приняла у меня опредѣленную форму въ 1879 г. Изъ своего 2½-лѣтняго пребыванія въ странѣ и затѣмъ путешествія въ 5000 миль до Петербурга я вынесъ такое впечатлѣніе, что Сибирь представляетъ собою крайне интересное и многообѣщающее поле для добросовѣстнаго и серьезнаго путешественника. Въ то вре-

мя для меня, какъ и для американцевъ вообще, это была такая же „terra incognita“, какъ какой нибудь Тибетъ или Центральная Африка. Убійство Александра II-го въ 1881 г. и послѣдовавшая затѣмъ высылка значительнаго числа революціонеровъ въ рудники Забайкалья еще болѣе усилили мое желаніе отправиться въ Сибирь для ознакомленія на мѣстѣ не только съ русской ссылкой, но и съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ вообще. Тамъ единственно, думалъ я, можно заняться этимъ съ надеждой на успѣхъ. Искать революціонеровъ въ Петербургѣ или Москвѣ, искать тамъ объясненія политическихъ и общественныхъ явленій, которыя меня интересовали, — было, очевидно, безполезно. Большинство выдающихся дѣятелей драмы 1878-79 были уже въ Сибири; и если сама императорская полиція не могла открыть тѣхъ немногихъ, которые оставались еще въ Россіи, тѣмъ менѣе могъ надѣяться на это я. Въ Сибири же конечно возможны непосредственныя сношенія съ изгнанными туда нигилистами, и только тамъ, поэтому можно найти необходимыя свѣденія. Но личныя обстоятельства и недостатокъ средствъ для такого далекаго и продолжительнаго путешествія не позволяли мнѣ сдѣлать никакого практическаго шага къ осуществленію своихъ плановъ до лѣта 1884 г., когда издатель „The Century“ предложилъ мнѣ отправиться въ Сибирь на средства этого журнала. Я съ радостью схватился за это предложеніе и съѣздилъ предварительно въ Петербургъ, чтобы ощупать тамъ почву. Результаты этой поѣздки были

вполнѣ благопріятны, и въ октябрѣ я возвратился въ Америку вполнѣ увѣренный, что мои планы были вполнѣ исполнимы, что въ Сибири не было ничего такого, что надо бы было скрывать отъ нескромнаго глаза, и что моя литеранурн репутація, — насколько она вообще имѣлась на лицо — предрасполагала правительство въ мою пользу, — что, однимъ словомъ, меня ждали не препятствія, а содѣйствіе и помощь. Мои взгляды на взаимное положеніе русскаго правительства и нигилистовъ ни для кого не были тайной. Я откровенно высказалъ ихъ въ своемъ адрессѣ Нью-Іорскому Географическому обществу и въ вызванной этимъ адрессомъ газетной полемикѣ. Я думалъ тогда, что русское правительство и его система ссылки были ложно изображаемы такими писателями, какъ Степнякъ и князь Крапоткинъ, что Сибирь была далеко не такой страшной, какъ представляли ее себѣ американцы, и что описаніе сибирскихъ рудниковъ и тюремъ въ только что появившемся трудѣ Henry Lansdell'a вполнѣ отвѣчало дѣйствительности. Я думалъ, что нигилисты, террористы и вообще недовольные, которые такъ долго держали Россію въ состояніи смятенья, были безумными фанатиками того анархистскаго типа, съ которымъ въ послѣднее время познакомились и Соединенные Штаты. Однимъ словомъ мои симпатіи были въ пользу русскаго правительства. Я обращаю вниманіе на это не потому, чтобы мои мнѣнія того времени имѣли какое нибудь значеніе сами по себѣ. Нѣтъ, но мнѣ кажется, что для оцѣнки результатовъ изслѣдованія не-

обходимо принять во вниманіе и тотъ багажъ, съ которымъ изслѣдователь приступаетъ къ своему дѣлу, — его предвзятыя мнѣнія и симпатіи. Къ тому же это объясняетъ и покровительственное положеніе, которое русское правительство заняло по отношенію ко мнѣ: разрѣшеніе посѣщать тюрьмы и рудники и возможность входить въ такія знакомства и отношенія, которыя казались подозрительными въ глазахъ мѣстныхъ властей и при другихъ обстоятельствахъ могли бы повести къ обыскамъ и арестамъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы путешественнику, мнѣнія котораго несовпадаютъ съ интересами правительства, былъ открытъ свободный путь въ Сибирь для ознакомленія съ ссылкой. Сомнѣваюсь, чтобы и съ такимъ разрѣшеніемъ онъ могъ избавиться отъ многихъ непріятностей, разъ его заподозрили въ дружбѣ и интимномъ знакомствѣ съ политическими преступниками самаго опаснаго сорта. Въ моихъ многочисленныхъ столкновеніяхъ съ полиціей и должностными лицами въ далекихъ сибирскихъ деревняхъ только письмо отъ Министра Внутреннихъ дѣлъ спасало меня отъ арестовъ и обысковъ, которые повели бы, конечно, къ изгнанію моей особы изъ страны и къ гибели всего собраннаго мною матеріала. Этого письма, безъ сомнѣнія, я не получилъ бы, еслибъ не былъ извѣстенъ раньше, какъ защитникъ русскаго правительства, и если бы не увѣренность Министра, что найди я даже ссылку много худшею, чѣмъ ожидалъ, я изъ самолюбія не рѣшусь признаться въ своихъ прежнихъ ошибкахъ. Въ какой мѣрѣ основательна была эта

увѣренность, и на сколько мои тогдашніе взгляды отвѣчали дѣйствительности, — читатель увидитъ самъ.

Прежде, чѣмъ окончить это предисловіе, я считаю долгомъ выразить искреннюю и глубокую благодарность многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, которые горячо ободряли меня въ моемъ трудѣ, помогали ему и доставили мнѣ наиболѣе цѣнные матеріялы. Нѣкоторые изъ нихъ — политическіе изгнанники, которые не боялись испортить свою и безъ того достаточно испорченную и несчастную судьбу, передавая мнѣ правдивую исторію своей жизни; иные—чиновники ссыльной администраціи, которые довѣряя моей скромности, откровенно передавали мнѣ результаты своего опыта; иные — честные и гуманные тюремные смотрителя, которые послѣ неоднократныхъ и безплодныхъ донесеній по начальству о темныхъ сторонахъ тюремной организаціи, въ концѣ концовъ обращались ко мнѣ, какъ къ послѣднему средству указать на нихъ обществу и правительству. Я не называю этихъ людей. Хотя ихъ поведеніе заслуживаетъ только похвалы и поощренія, но, къ несчастью они живутъ въ странѣ, гдѣ всякое свободно выраженное мнѣніе — „неблагонадежность“, гдѣ всякое самостоятельное стремленіе къ улучшенію положенья вещей — преступленіе. Назвать ихъ — значитъ вызвать противъ нихъ гоненія и надзоръ, лишить ихъ и той ничтожной возможности дѣлать добро, какою они еще пользуются. Все, что я могу сдѣлать для выраженія своей благодарности, — это воспользоваться ихъ разоблаченіями въ интересахъ гуманности и свободы. Къ

Россіи и русскому народу я чувствую самую горячую симпатію, и если безпристрастнымъ отчетомъ о своемъ путешествіи я съумѣю познакомить съ ними міръ, съумѣю хоть немного облегчить судьбу тѣхъ, для которыхъ „богъ высоко, а царь далеко“ — я буду вполнѣ вознагражденъ за свои труды и лишенія.

СИБИРЬ И ССЫЛКА

Черезъ русскую границу.

Я съ своимъ спутникомъ, Жоржемъ Фростомъ, отплыли изъ Нью-Іорка 2 Мая 1885 г. Оба мы говорили по русски, оба были уже раньше въ Сибири, оба принимали участіе въ экспедиціи, снаряженной „Русско-Американской телеграфной компаніей". Тамъ мы сблизились, тамъ познакомились съ трудностями и лишеніями путешествія по Сибири. Средствами мы были обезпечены и надѣялись на успѣхъ, хотя и знали, что передъ нами серьезное и нелегкое дѣло. 20-го Мая мы были въ Петербургѣ. Чтобы вполнѣ воспользоваться драгоцѣннымъ для насъ лѣтнимъ временемъ, я хотѣлъ по возможности меньше задерживаться по дорогѣ, но, къ несчастью, нашъ пріѣздъ совпалъ съ цѣлымъ рядомъ праздниковъ, и изъ 10-ти дней, которые мы пробыли въ Петербургѣ, я только 4 могъ употребить съ поль-

зой. Какъ только я добился свиданія съ господиномъ Влангалли, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, я поспѣшилъ представить ему свои рекомендаіи и откровенно высказаться о цѣли своего путешествія. Я сказалъ ему, что по моему убѣжденію Сибирь и ссылка подвергались несправедливымъ нареканіямъ со стороны предубѣжденныхъ писателей, что справедливое описаніе страны, тюремъ и рудниковъ скорѣе выгодно, чѣмъ вредно для русскаго правительства, и что, наконецъ, я слишкомъ открыто выступилъ въ литературѣ его защитникомъ, чтобы меня можно было заподозрить въ желаніи прійти въ своемъ изслѣдованіи къ результатамъ, противнымъ своимъ собственнымъ прежнимъ утвержденіямъ. Рѣчь моя, въ которой не было ни малѣйшей фальши, произвела, казалось, благопріятное впечатлѣніе, и послѣ 20-ти минутной бесѣды министръ сказалъ, что мнѣ, конечно, будетъ разрѣшено отправиться въ Сибирь и что онъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ все, что можетъ: дастъ намъ отъ себя и отъ министра внутреннихъ дѣлъ рекомендательныя письма къ сибирскимъ губернаторамъ. На вопросъ, дадутъ ли мнѣ эти письма право на свободный входъ въ тюрьмы, Влангалли уклончиво отвѣчалъ, что это зависитъ отъ мѣстныхъ властей, но что, конечно, онѣ не будутъ имѣть ничего противъ. Я видѣлъ, что мнѣ не хотятъ дать carte-blanche и оставляютъ за собой на всякій случай извѣстную свободу дѣйствій. Это было непріятно, но что-же дѣлать. Я не настаивалъ, и мы разстались. На второмъ свиданіи Влангалли передалъ мнѣ обѣщанныя письма и настоятельно совѣтовалъ задержаться немного въ Москвѣ и познакомиться съ извѣсттнымъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Катковымъ. Посредникомъ въ этомъ знакомствѣ долженъ былъ служить баронъ Бюллеръ, для котораго я получилъ тутъ же запечатанный конвертъ. Имя Каткова не было мнѣ неизвѣстно; я имѣлъ нѣкоторое понятіе объ этомъ сильномъ борцѣ русскаго самодержавія и не безъ удовольствія бы съ нимъ познакомился. Но въ ус-

тахъ Вланталли эти настойчивые совѣты были, очевидно, плодомъ невысказанной боязни, какъ бы мои будущія сношенія съ политическими преступниками не произвели на меня тлетворнаго вліянія; противъ этого то вліянія онъ и хотѣлъ предохранить меня при помощи авторитетной и сильной особы Каткова. Я не безъ внутренней улыбки выслушивалъ его настоянія: мои взгяды были слишкомъ опредѣленны, чтобы нуждаться въ какихъ нибудь предохранительныхъ мѣрахъ противъ заразы.

31-го Мая, купивъ фотографическій аппаратъ, запасшись книгами, картами и вообще всѣмъ необходимымъ, съ чуть ли не 50 письмами къ сибирскимъ учителямъ, инженерамъ и чиновникамъ, мы, наконецъ выѣхали изъ Петербурга. Въ Москвѣ я первымъ дѣломъ отправился къ барону Бюллеру, который долженъ былъ представить меня Каткову. Но, къ сожалѣнію, въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ насъ ждало разочарованіе: оказалось, что Каткова нѣтъ въ городѣ, и онъ долженъ былъ вернуться только черезъ 2—3 недѣли. Ждать его мы не могли конечно и тотчасъ же отправилисс по желѣзной дорогѣ дальше, въ Нижній Новгородъ, куда и прибыли 4-го Іюня, рано поутру.

Нижній, для человѣка, посѣщающаго его въ первый разъ, представляетъ собою нѣчто крайне поразительное. Чуть ли не цѣлую милю отъ пристани вы проходите по чистымъ, хорошо вымощеннымъ улицамъ, съ громадными зданіями по сторонамъ, по широкимъ бульварамъ, осѣненнымъ роскошными березами и тополями, мимо канала съ перекинутыми черезъ него изящными мостами, мимо церквей, биржи, отелей, театровъ;— все указываетъ на большой культурный и промышленный центръ, — но живыхъ существъ, движенія, указывающаго на жизнь, — не видно и слѣда. Трава растетъ на пустыхъ улицахъ и по щелямъ тротуаровъ, птицы беззаботно щебечутъ на бульварныхъ деревьяхъ, колокола молча и сиротливо висятъ на своихъ колокольняхъ, лавки и склады всѣ заперты и заложены желѣзными

болтами, и удивленный путникъ можетъ долго проходить по этому заколдованному царству, не увидавъ ни одной открытой двери, ни одного проѣхавшаго экипажа, ни одного живаго существа. Если вы вспомните, чѣмъ знаменитъ Нижній Новгородъ, вы поймете, что находитесь на ярмарочной сторонѣ. Въ ярмарочное время нашли бы совершенно иную картину. На рѣкѣ возвышается цѣлый лѣсъ мачтъ, и пыльный горячій воздухъ ежеминутно разрѣзается пронзительными свистками пароходовъ: товары, на 125,000,000 руб., разложены повсюду, загромождая и берегъ и пристань и 6,000 лавокъ. Все полно народомъ. 60,000 человѣкъ ежедневно толпятся на понтонномъ мосту, соединяющемъ ярмарку съ старымъ городомъ; военный оркестръ играетъ на большомъ бульварѣ противъ губернаторскаго дворца, и на всѣхъ улицахъ возрожденнаго къ жизни города волнуется громадное человѣческое море.

Кажется даже невѣроятнымъ, чтобы такой большой городъ со всѣми внѣшними признаками комфорта, цивилизаціи и дѣятельности велъ такую странную эфемерную жизнь, похожую на перемежающуюся лихорадку съ ежегодными пароксизмами напряженной дѣятельности, отдѣленными одинъ отъ другого длинными періодами оцѣпененія и смерти. Въ первый разъ я увидѣлъ этотъ странный городъ при очень фантастической обстановкѣ. Это было свѣтлымъ морознымъ январскимъ вечеромъ. Холодный мѣсяцъ лилъ свой волшебный свѣтъ на пустыя улицы, серебря тысячи крышъ и церковные куполы; глубокій нетронутый снѣгъ толстымъ слоемъ лежалъ на тротуарахъ, образуя цѣлыя горы у подвѣтренныхъ стѣнъ домовъ, и нигдѣ ни живой души, ни огня, ни собачьяго лая. Какъ то жутко было смотрѣть на этотъ большой городъ, не то что необитаемый, а какъ будто бы вымершій, или пораженный небеснымъ проклятьемъ.

Не разъ выражались опасенія, что съ протяженіемъ русской желѣзно-дорожной сѣти и облегченіемъ развозки товаровъ по всей странѣ, Нижній Новгородъ поте-

ряетъ свое значеніе, какъ ярмарочный центръ. Но результаты не оправдали такихъ опасеній. Съ 1868—1881 г, цѣнность товаровъ, свозимыхъ сюда ежегодно поднясь 125,000,000 р. до 245,000,000, а число лавокъ съ 5723 до 6,298.

Американцы привыкли думать о Юго-Восточной Россіи, какъ о странѣ полупастушеской, полуземледѣльческой, производящей достаточно для своего полудикаго, немногочисленнаго населенія, но не могущей выдержать сравненія съ самымъ отсталымъ штатомъ по своей комерческой и промышленной жизни. Они не мало удивились бы, увидѣвъ во время ярмарки, какъ велики ея матеріальные рессурсы, и какая бойкая, могучая дѣятельность проявляется на ея главныхъ пунктахъ сообщенія. Вдоль пристани, по Волгѣ, тянутся на 6—8 миль пароходы и баржи; Имѣется „рѣчной судъ“ съ своею спеціальной юрисдикціей, а „пристань‘ находится подъ вѣденіемъ особаго чиновника, назначаемаго прямо министерствомъ, съ цѣлымъ штатомъ подчиненныхъ. На Волгѣ и ея притокахъ пароходовъ больше, чѣмъ на Миссисипи (на Миссисипи 681, на Волгѣ 700). Только на одной Камѣ сплавляется на 15,000,000 ф. ст. товаровъ ежегодно, а по всей волжской системѣ 5,000,000 тонъ товаровъ ежегодно даютъ занятіе 7000 судовъ и 200,000 матросовъ. Вотъ нѣсколько цыфровыхъ данныхъ, не лишенныхъ интереса и, вѣроятно, неожиданныхъ для амариканцевъ.

Утромъ 6-го Іюня мы сѣли на пароходъ бр. Каменскихъ и поплыли внизъ по Волгѣ. Говорятъ Египетъ есть созданіе Нила. Съ такимъ же правомъ можно сказать это о значеніи Волги для Восточной Россіи. Эта рѣка, тянущаяся на 2,800 миль и достигающая ниже Царицына 30 миль ширины, играла и играетъ вполнѣ соотвѣтствующую своей величинѣ созидающую роль въ исторіи и жизни страны. Съ нею связано благоденствіе и процвѣтаніе 10,000,000; она омываетъ 9 губерній, и на ея берегахъ стоятъ 39 городовъ и болѣе 1.000 деревень и мѣстечекъ. Съ эстетической точ-

ки зрѣнія она тоже можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго цѣнителя. Лѣвый ея берегъ, правда, низменъ и мало интересенъ, но какъ прекрасенъ за то правый, нагорный, покрытый лѣсами, изъ за которыхъ отъ времени до времени поднимаются къ небу разноцвѣтные куполы монастырей, возлѣ которыхъ ютятся маленькія хутора и деревушки! Иногда горы надвигаются совсѣмъ близко, какъ бы грозя рухнуть своими выдающимися надъ рѣкою вершинами, иногда онѣ отступаютъ далеко, далеко, и рѣка, пользуясь просторомъ, разливается широкимъ озеромъ до горизонта.

Нѣсколько ниже Казани мы повернули въ грязную и бытрую Каму. Картина перемѣнилась. Ландшафтъ гораздо болѣе первобытенъ и дикъ, лѣса на берегахъ мрачнѣе и гуще, деревень и населенныхъ мѣстъ меньше. Чувствовалось близость Сибири. Но погода во время нашего плаванія была такъ хороша, воздухъ такъ мягокъ, и тепелъ, и свѣжъ, что сидѣть цѣлыми часами на верхней палубѣ и безъ конца смотрѣть на дикіе пустынные берега, — было истиннымъ наслажденіемъ.

Но вотъ и Пермь, городъ съ 32,000 жителей, расположеннный на лѣвомъ берегу Камы, въ 125 миляхъ отъ сибирской границы. Это обыкновенный русскій губернскій городъ, и хотя онъ высматриваетъ чище и благодушнѣе Нижняго, но далеко уступаетъ ему въ архитектурѣ и живописности положенія.

Здѣсь мы имѣли первое столкновеніе съ русской полиціей, и хотя этотъ эпизодъ самъ по себѣ не важенъ, я считаю не лишнимъ разсказать о немъ читателю. Онъ отлично иллюстрируетъ ту подозрительность, съ которою смотрятъ на иностранцевъ на этой большой дорогѣ ссылки, и ту безграничную власть на аресты и обыски, которою пользуется русская полиція.

Подъ вечеръ, въ день нашего прибытія я съ Фростомъ отправились къ высокому холму, на восточной окраинѣ города, чтобы набросать нѣсколько рисунковъ. На нашемъ пути, оказалось, была расположена городская тюрьма, и, такъ какъ это была первая

тюрьма, которую мы увидали, къ тому же лежащая на сибирскомъ тракту, мы естественно смотрѣли на нее съ любопытствомъ и вниманіемъ Пройдя немного дальше мы увидѣли, что холмъ еще далеко, а часъ уже поздній. Поэтому, отложивъ рисованіе на завтра, мы вернулись домой, опять пройдя мимо тюрьмы. На слѣдующій день рано утромъ мы вышли изъ дому и не зная никакой другой дороги, лучшей или удобнѣйшей, снова прошли по улицѣ, шедшей мимо этой злополучной тюрьмы. Сдѣлавъ нѣсколько рисунковъ, часа черезъ два, мы тронулись обратно и на широкомъ открытомъ мѣстѣ позади тюрьмы встрѣтили двое дрожекъ, на которыхъ сидѣли 4 какихъ-то офицера, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Первыя дрожки проѣхали мимо, причемъ господа, сидѣвшіе въ нихъ, очень внимательно насъ осматривали. Вторые дрожки остановились, не доѣзжая до насъ. Двое военныхъ, сойдя съ нихъ, начали какъ-то маневрировать: они сначала розошлись другъ отъ друга футовъ на 60, потомъ начали сходиться по направленію къ намъ. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ, что первыя дрожки тоже стоятъ, а ихъ сѣдоки такимъ же точно образомъ направляются къ намъ. Я не зналъ еще формы русскихъ жандармовъ и полицейскихъ и поэтому сначала не обратилъ было на встрѣтившихся военныхъ никакого вниманія, но тутъ у меня блеснула мысль, что это должно быть полицейскіе и что мы, какимъ то непонятнымъ для насъ образомъ, внушили имъ подозрѣніе. И дѣйствительно, когда всѣ эти господа сошлись съ нами, одинъ изъ нихъ, приличный на видъ молодой офицеръ лѣтъ 30-ти, поклонившись намъ офиціальнымъ поклономъ, сказалъ:

— Позвольте спросить, кто вы такіе?

— Сколько угодно, отвѣчалъ я, мы американскіе путешественники.

— Когда Вы прибыли въ Пермь?

— Вчера.

— Откуда Вы прибыли?

— Изъ Нижняго-Новгорода.
— Куда Вы ѣдете?
— Въ Сибирь.
— А! въ Сибирь! Позвольте узнать, зачѣмъ Вы туда ѣдете. У Васъ есть, вѣроятно, какая нибудь опредѣленная цѣль? Какова она?

Я объяснилъ ему, что американскіе путешественники вообще любятъ путешествовать и что цѣль ихъ — знакомство съ новыми странами и народами, и вообще „познаніе всякаго рода мѣстъ“. Но офицеръ казалось, ни чуть не былъ удовлетворенъ такимъ общимъ отвѣтомъ и началъ закидывать меня различными вопросами, съ очевидною цѣлью вырвать какъ нибудь признаніе, „зачѣмъ отправляемся мы въ такую далекую страну, какъ Сибирь!“ Наконецъ онъ сказалъ:

— Вчера вы изволили проходить мимо тюрьмы?
— Да, отвѣчалъ я.
— Зачѣмъ Вы это сдѣлали?

Я объяснилъ.

— Вы очень внимательно присматривались къ ней.
— Да.
— Почему?

Я снова объяснилъ.

— Но вѣдь Вы не дошли до холма? Пройдя немного, Вы вернулись? И проходя туда и назадъ, Вы все свое вниманіе обращали на тюрьму. Сегодня утромъ опять тоже. Почему вы съ такимъ вниманіемъ смотрѣли на нее?

Когда я понялъ, какимъ образомъ мы попали подъ подозрѣніе, я не могъ не улыбнуться въ лицо офицеру. Но моя улыбка не вызвала ни малѣйшаго отзвука. Всѣ 4 офицера оставались серьезны и строги. Они, очевидно, видѣли въ нашемъ любопытствѣ по отношенію къ тюрьмѣ очень важное преступленіе. Я снова началъ свои объясненія. Наконецъ жандармскій офицеръ, которому мои объясненія казались совершенно неудовлетворительными (онъ ихъ называлъ, вѣроятно, „увертками“), сказалъ мнѣ болѣе рѣшительно:

— Позвольте мнѣ ваши паспорта.

На отвѣтъ — „наши паспорта въ гостиницѣ“ — онъ объявилъ намъ, что впредь до удостовѣренія нашихъ личностей онъ насъ арестуетъ. Насъ раздѣлили; Фроста посадили въ одни дрожки, подъ надзоръ жандармскаго офицера, меня въ другіе къ сѣдому полицейскому офицеру, вѣроятно полиціймейстеру, и мы поѣхали къ гостиницѣ. Ясно было, что насъ приняли за политическихъ злоумышленниковъ, прибывшихъ въ Пермь съ цѣлью освободить кого-нибудь изъ заключенныхъ въ тамошней тюрьмѣ, и когда я вѣжливо пригласилъ нашихъ стражей въ квартиру, предложилъ имъ сигаръ и чаю, пока они будутъ просматривать наши бумаги, подозрительный жандармскій офицеръ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто бы я былъ представителемъ какой то неизвѣстной породы дикихъ звѣрей, не занесенной въ книги и таящей въ себѣ невѣдомую способность ко злу и преступленію. Наши паспорта оказались почему-то недостаточными. Тогда я прибѣгнулъ къ радикальному средству и вынулъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ Письмо сразу прекратило всю эту комедію недоразумѣній. Щеки жандармскаго офицера вспыхнули легкимъ румянцемъ, когда онъ читалъ его. Послѣ короткаго совѣщанія съ своимъ сотрудникомъ, онъ подошелъ ко мнѣ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и сказалъ, что онъ надѣется, что мы съумѣемъ простить имъ это „несчастное недоразумѣніе“; что насъ приняли за двухъ важныхъ германскихъ (?) преступниковъ, которыхъ они разыскиваютъ, и что, задержавъ насъ, они только исполняли свою обязанность. Онъ надѣется, что по отношенію къ намъ не были преступлены правила вѣжливости и приличія, и мы оказали бы имъ большое одолженіе, если бы соизволили пожать имъ руки въ знакъ того, что эта „прискорбная ошибка“ не оставитъ въ насъ злаго и недоброжелательнаго чувства. Мы торжественно пожали другъ другу руки, и наши гости удалились.

Это маленькое приключеніе, ярко рисующее русскіе

полицейскіе порядки, показалось мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ. Если насъ могли арестовать здѣсь, еще за 125 миль до Сибири, и за то только, что мы съ любопытствомъ смотрѣли снаружи на тюрьму, что-же ожидаетъ насъ впереди, когда мы въ серьезъ примемся за свою работу?

11-го Іюня, размышляя такимъ образомъ о своемъ будущемъ, мы оставили негостепріимную Пермь и по желѣзной дорогѣ отправились въ Екатеринбургъ.

Отъ Екатеринбурга до Семипалатинска.

Въ Екатеринбургѣ мы должны были на долго оставить пути сообщенія цивилизованныхъ странъ и начать свое безконечное, въ 8,000 миль, путешествіе на лошадяхъ, пользуясь прекрасно организованнымъ здѣсь почтовымъ сообщеніемъ. Путешественникъ, запасшись подорожной, можетъ изъѣздить всю Сибирь, до ея самыхъ крайнихъ предѣловъ, съ быстротой 8 миль въ часъ, мѣняя лошадей на станціяхъ, расположенныхъ по тракту въ 15-20 миляхъ одна отъ другой. Самая неудобная, кажется, сторона почтовой ѣзды, это — тарантасъ, грубой, топорной работы 4-хколесная телѣга, страшно тряская, безъ сидѣнія, съ кожаннымъ верхомъ отъ дождя. 16-го Іюля запасшись подорожной, мы выбрали на станціи экипажъ, набили его своимъ багажемъ съ подушками на верху и кое-какъ усѣлись; сѣдобородый ямщикъ подобралъ возжи, свистнулъ, крикнулъ: „ну, родные“, и мы съ мѣрнымъ звяканіемъ двухъ подвѣшенныхъ подъ дугой колокольчиковъ, тронулись по улицамъ Екатеринбурга. Мы были наконецъ на знаменитомъ „большомъ сибирскомъ трактѣ“, который тянется на 3000 миль до верховьевъ Амура. Пер-

вое время путешествіе было и пріятно, и поучительно, Если бы мы еще и полагали, что Сибирь сплошь дикая непроизводительная полярная страна, то мы скоро должны бы были отказаться отъ такихъ взглядовъ, чуть не на каждомъ шагу встрѣчая громадные обозы, тянувшіеся къ Россіи. Эти обозы — характернѣйшая черта сибирскаго тракта. Они составлены изъ неуклюжихъ возовъ въ одну лошадь, нагруженныхъ сибирскими продуктами, покрытыхъ цыновками и соединенныхъ веревкою одинъ съ другимъ. Иной обозъ составленъ изъ 50-100 возовъ и тянется чуть не на полъ-мили. Менѣе, чѣмъ въ два часа я насчиталъ 538 встрѣчныхъ возовъ и во весь первый день путешествія ихъ намъ повстрѣчалось 1445. Этого достаточно, кажется, чтобы убѣдиться въ томъ, что Сибирь — не пустыня. Къ вечеру обозы начали располагаться на ночлегъ тутъ же возлѣ дороги, подъ открытымъ небомъ, и мы черезъ каждыя 1-2 мили проѣзжали мимо ихъ живописныхъ бивуаковъ, разбитыхъ гдѣ-нибудь подъ лѣсомъ, съ десяткомъ-двумя обозныхъ, сидящихъ вокругъ яркаго и веселаго костра, среди своихъ телегъ съ поднятыми оглоблями и спутанныхъ лошадей, щиплющихъ тутъ же траву. Суровый вѣчно зеленый лѣсъ, освѣщенный снизу пылающимъ костромъ и тонущій верхушками въ таинственномъ полумракѣ сѣверныхъ сумерокъ; красныя и черныя рембрандтовскія линіи возовъ и группа людей въ длинныхъ кафтанахъ и красныхъ или синнихъ рубахахъ, пьющихъ свой чай вокругъ веселаго огня, — представляли живописную и оригинальную, непривычную для насъ, чисто-русскую картину.

Мы ѣхали днемъ и ночью, останавливаясь только на станціяхъ для перепряжки, и дѣлая по 8-10 миль въ часъ. По дорогѣ часто попадались деревни, и большія и маленькія, но всѣ удивительно однообразнаго, шаблоннаго вида. Онѣ всегда тянулись въ одну улицу, какъ бы длинны онѣ не были (одна изъ нихъ тянулась на 5 миль вдоль дороги), съ удивительно похожими другъ на друга домами, различающимися только вели-

чиной, съ обязательнымъ огороженнымъ вокругъ деревни мѣстомъ, называемымъ поскотиной, съ въѣздными и выѣздными воротами и хижиной поскотника около нихъ. Поскотникъ — обыкновенно больной и увѣчный старикъ, въ большинствѣ случаевъ ссыльный; онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ворота всегда были заперты и скотина не разбрелась по лѣсу. Онъ получаетъ 3-4 рубля въ мѣсяцъ отъ общества и живетъ кое-какъ, изо дня въ день, въ полуразрушенной хатѣ, или землянкѣ.

Скоро стали намъ попадаться „этапы“ и арестантскія партіи, — другая характерная черта сибирскаго тракта, — но, такъ какъ до самаго Томска мнѣ не пришлось путешествовать съ ними вмѣстѣ, то я пока и не буду останавливаться на ихъ дорожной жизни. На второй день пути мы переѣхали наконецъ и сибирскую границу. Мы ѣхали большимъ лѣсомъ между станціями Марковой и Тугулинской, когда ямщикъ вдругъ остановилъ лошадей и, повернувшись къ намъ, сказалъ: — „вотъ граница“! Мы встрепенулись. Возлѣ дороги стоялъ невзрачный кирпичный столбъ, футовъ 12 въ вышину, съ гербами Пермской губерніи на одной, и Тобольской на другой сторонѣ. Это и былъ сибирскій пограничный знакъ. Никакой другой столбъ отъ Петербурга до Тихаго океана, вѣроятно — никакой другой столбъ въ цѣломъ мірѣ не наводитъ путника на болѣе тяжелыя мысли, ни одинъ не вызываетъ къ себѣ столь меланхолическаго и мучительнаго интереса, какъ этотъ скромный и незамѣтный кирпичный столбъ; ни одинъ не видѣлъ большаго количества страданій и не пропускалъ мимо себя большей массы людей съ разбитою жизнью и истерзаннымъ сердцемъ. Сотни тысячъ изгнанниковъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и мужиковъ здѣсь навсегда прощались съ родиной, съ друзьями и домомъ. Болѣе 178 тысячъ изгнанниковъ прошло здѣсь съ 1878 года и болѣе полумилліона съ начала столѣтія. Этотъ столбъ находится на полдорогѣ между двумя этапами, и всякая партія оста-

навливается тутъ на нѣсколько минутъ для отдыха и послѣдняго прощанія. Русскій крестьянинъ, даже преступникомъ, сохраняетъ всегда въ глубинѣ души неискоренимую привязанность къ родной землѣ. Какія раздирающія душу сцены должны происходить тутъ, вокругъ этого столба, когда партія, подъ снѣгомъ и морозомъ поздней осени, посылаетъ послѣдній земной поклонъ матери-родинѣ. Иные рыдаютъ, иные на колѣняхъ, лицемъ къ Россіи, собираютъ въ тряпку горсточку родной земли, иные, плача, цѣлуютъ холодный камень, выливая въ этомъ поцѣлуѣ всю свою тоску, всю тяжесть вѣчной разлуки... Но раздается суровая команда — „стройсь“, „маршъ“, — и толпа въ сѣрыхъ халатахъ, гремя кандалами, поспѣшно утирая слезы и занимая мѣста, трогается дальше, окруженная блестящими штыками. Во время нашего проѣзда многочисленныя надписи на столбѣ были старательно соскоблены, но все же можно было разобрать кое-что. „Прощай, Марья!“ прочиталъ я въ одномъ уголку. Кто писалъ это? Кто была Марія? — неизвѣстно. Быть можетъ для изгнанника, который нацарапалъ это прощаніе, въ Маріи сосредоточивался весь міръ? Быть можетъ, оставляя Россію, онъ оставлялъ не только родину и друзей, но и любовь... Сорвавъ на память нѣсколько цвѣтковъ у подножья пограничнаго столба, мы, въ свою очередь, сказали прости Европѣ, взобрались въ свой тарантасъ и тронулись дальше, уже по Сибири.

Нашъ маршрутъ, составленный послѣ долгихъ и основательныхъ соображеній, шелъ до Томска по иртышскимъ степямъ черезъ Омскъ, Семипалатинскъ и Барнаулъ. Правда, этотъ путь былъ болѣе длиненъ и менѣе конфортабеленъ, чѣмъ обычный, по сибирскому тракту, но онъ имѣлъ свои, для насъ очень важныя, преимущества. Мы здѣсь должны были проѣхать по наиболѣе культурнымъ частямъ губерній Тобольской и Томской; здѣсь были разселены главнымъ образомъ мѣстные политическіе ссыльные; здѣсь я могъ познакомиться съ магометанскимъ Семипалатинскомъ и коче-

выми киргизами; здѣсь наконецъ я увидѣлъ бы знаменитый Алтай, о которомъ съ такимъ восторгомъ, какъ о „Сибирской Швейцаріи", говорили мнѣ многіе русскіе офицеры. Но главное основаніе, по которому я этотъ путь предпочелъ обычному, было слѣдующее. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, предполагая, что мы безъ сомнѣнія выберемъ этотъ послѣдній, предупредилъ мѣстныя власти о нашемъ проѣздѣ и снадбилъ ихъ на этотъ случай инструкціями. Каковы были эти инструкціи, — я и до сихъ поръ не знаю, но онѣ ждали насъ вездѣ до самой Читы. Узналъ я объ этомъ въ Тюмени и, такъ какъ онѣ грозили значительно затруднить исполненіе моихъ плановъ, особенно въ вопросѣ о политической ссылкѣ, я и предпочелъ неожиданно повернуть на другой трактъ, гдѣ насъ никто не ждалъ и, значитъ, ничему не помѣшалъ бы. Это рѣшеніе оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ. Я проѣхалъ тамъ, гдѣ политическіе ссыльные пользуются наибольшей свободой, гдѣ съ ними можно было легко знакомиться, гдѣ никакія инструкціи не мѣшали свободѣ нашихъ дѣйствій и гдѣ губернаторъ области былъ гуманный и либеральный человѣкъ. Итакъ, запасшись всѣмъ необходимымъ, 30-го Іюня мы повернули изъ Тюмени на Омскъ. Я упоминалъ уже объ организаціи русской почтовой гоньбы. Она существенно отличается отъ западно европейской и американской системы дилижансовъ. Въ Сибири вы не стѣснены ни опредѣленными часами отъѣзда, ни опредѣленными мѣстами и временемъ остановокъ, ни какой бы то ни было зависимостью отъ другихъ пассажировъ. Вы вольны ѣхать, куда вамъ угодно, гдѣ только есть почта, останавливаться—гдѣ и сколько вамъ нравится. Вы вполнѣ независимы въ своихъ дѣйствіяхъ. Кромѣ этихъ удобствъ, ѣзда на почтовыхъ поражаетъ насъ, американцевъ, своей дешевизной. Мнѣ иногда было прямо совѣстно за какіе-нибудь 60 центовъ будить среди бурной ночи ямщика, который за эту плату долженъ былъ на тройкѣ везти насъ 20 миль. Какъ ни ничтожна, однако, эта плата, и она кажется завидной си-

бирскимъ крестьянамъ, которые, рядомъ съ правительственной и соперничая съ нею, имѣютъ свою почтовую организацію „вольныхъ“, или „дружковъ.“ Ямщикъ, подъѣзжая къ деревнѣ, постоянно обращается къ вамъ съ вопросомъ: „куда заѣзжать, на станцію или къ дружку?“ И такъ какъ вольныя лошади обыкновенно лучше содержатся, а вольные ямщики лучше везутъ, то часто предпочитаютъ послѣднихъ.

Первые дни нашего путешествія были мало интересны. Погода стояла скверная, дорога была грязна и трудна, а постоянная ѣзда, безъ отдыха и почти безъ сна, совершенно измучила и изломала насъ. Человѣкъ, самъ не испытавшій этого удовольствія, не можетъ себѣ представить до какого мучительнаго состоянія можно дойти, если ѣхать безъ отдыха. Чтобы пріучиться спать въ русской почтовой телѣгѣ, мнѣ кажется, надо цѣлые годы предварительно поѣздить по Россіи. Мы проѣхали 200 миль отъ Тюмени до Ишима въ 35 часовъ, съ короткимъ 4-часовымъ отдыхомъ, и на нашихъ тѣлахъ не осталось, что называется, живаго мѣста; мы едва находили въ себѣ достаточно силъ, чтобы выходить на станціяхъ изъ своего забрызганнаго грязью, тряскаго до невозможности тарантаса. За Ишимомъ мы встрѣтили чуть не единственное развлеченіе. Верстахъ въ 4-хъ отъ города мы увидѣли впереди какую-то густую толпу народа. Подъѣхавъ ближе, мы могли лучше разсмотрѣть, въ чемъ дѣло. Значительная масса, съ открытыми головами, мѣся грязь и тѣснясь по дорогѣ, шла намъ на встрѣчу. Въ серединѣ толпа была гуще: тамъ несли хоругви, какіе-то высокіе фонари съ зажженными свѣчами, тяжелые кресты и въ самомъ центрѣ, на длинныхъ шестахъ какой-то образъ въ тяжелой золотой рамѣ. Передъ образомъ шелъ старый священникъ, окруженный дьяконами въ полныхъ облаченіяхъ. Вся толпа грубыми, гнусливыми голосами, въ унисонъ пѣла церковные гимны, обгоняя и давя другъ друга и стараясь протѣсниться поближе къ образу.

Для насъ это было невидано и непонятно. Мнѣ по-

чудилось. что я какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ 11-ое столѣтіе, и передо мною проходитъ отрядъ тѣхъ крестьянъ-крестоносцевъ, которые нѣкогда, возбужденные вдохновеннымъ призывомъ Петра Пустынника, съ крестами, хоругвями и священнымъ пѣніемъ, шли на завоеваніе гроба господня. „Какъ вы думаете, что это такое?“ — спросилъ я мистера Форста.

— Не имѣю ни малѣйшаго представленія, — отвѣчалъ онъ: — очевидно это церковная процессія, но что она можетъ дѣлать тутъ въ лѣсу, — не понимаю, положительно не понимаю.“

Когда процессія прошла и звуки пѣнія замерли вдали мы обратились за разъясненіями къ ямщику. Послѣ долгихъ усилій мы поняли наконецъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, въ Ишимѣ имѣется старая икона божьей матери. считаемая жителями чудотворной. Такъ вотъ, чтобы сдѣлать всѣхъ участниками въ ея благодѣяніяхъ, въ опредѣленное время ее носятъ съ торжественной помпой по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ.. Процессія, которую мы встрѣтили, несла икону въ ея резиденцію, или, какъ это на своемъ наивномъ языкѣ констатировалъ ямщикъ: „богородица теперича домой вертается“.

Мы чувствовали себя ужасно усталыми и нуждались въ отдыхѣ. Степь, испещренная цвѣтами, уступила мѣсто обработаннымъ полямъ, но, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ нигдѣ открыть ни изгороди, ни дома, ни малѣйшаго признака близости деревни, которой принадлежали эти поля. Но вотъ ямщикъ оправился на козлахъ, подобралъ возжи, взмахнулъ кнутомъ и, опустивъ его по всѣмъ по тремъ, закричалъ дикимъ фальцетомъ „гей-а-а-а“. Привычная тройка рванула и ринулась съ мѣста бѣшеннымъ галопомъ, безжалостно бросая насъ изъ угла въ уголъ въ нашемъ тарантасѣ. Очевидно деревня была близко. Сибирская тройка только въ пол-мили отъ станціи показываетъ, на что она способна, но за то она тогда дѣлается воплощеніемъ энергіи. Съ опасностью откусить себѣ языкъ я кричалъ „постой!“, „тише!“, но все было напрасно. И ямщикъ,

и тройка знали, что это — послѣднее, конечное усиліе и желали непремѣнно исполнить свой долгъ. Лошади летѣли, какъ бѣшенныя, а ямщикъ, безъ устали щелкая по нимъ кнутомъ, акомпанировалъ этому дикими взвизгиваніями. Остановить его не было возможности, и все, что мы могли сдѣлать, это — закрыть глаза и ротъ, и отдаться на волю провидѣнія. Тарантасъ прыгалъ, закидывая насъ комьями грязи. Вотъ и поскотина; вотъ и поскотникъ, несчастно-выглядящій старикъ съ воспаленными глазами и бѣлой бородой. Онъ напоминаетъ мнѣ Rip Van Wincle'a послѣ его 20-лѣтняго сна. Какъ жаль, что нельзя остановиться и снять фотографію съ этого дикаго и живописнаго воплощенія нищеты и забросанности Онъ снимаетъ съ головы остатки шапки и кланяется. Но мы пролетаемъ мимо и моментально теряемъ его изъ виду. Вотъ и столбъ съ надписью: Деревня Крутая. — Отъ Петербурга 2992 версты. Отъ Москвы — 2526 верстъ. — Домовъ — 42. Ревизскихъ душъ 97. — Вотъ и деревня. Ямщикъ круто заворачиваетъ во дворъ своего „дружка“ и кричитъ: — запрягай. —

Нашъ пріѣздъ для деревни событіе, и со всѣхъ концовъ ея сбѣгается народъ. Пока распрягаютъ лошадей и приготовляютъ перемѣну, собравшаяся толпа стариковъ и дѣтей почтительно-любопытно слѣдитъ за нашими движеніями, комментируетъ нашъ „новомодный тарантасъ“, и пытается разузнать у ямщика, кто мы и куда ѣдемъ. Наконецъ одинъ лысый и сѣдой старикъ рѣшается. „Баринъ, — обращается онъ ко мнѣ, — позвольте спросить, куда васъ Богъ несетъ?“ — Въ Семипалатинскъ, — отвѣчаю я. „А-а-а“ проносится по толпѣ шопотъ удовлетвореннаго любопытства. „Откуда ѣхать изволите?“ продолжаетъ старикъ свой допросъ. — „Изъ Америки.“ „А-а“ шепчетъ толпа снова. „Это русскій городъ? Америка?“ спрашиваетъ старикъ. „Америка не городъ, — выкрикиваетъ какой-то свѣтлоголовый мальчуганъ: Свѣтъ дѣлится на 5 частей: Европу, Азію, Африку, Америку и Австралію. Россія занимаетъ

двѣ трети Европы и половину Азіи", цитируетъ онъ очевидно недавно вытверженный урокъ. Но дальше не простираются даже и его географическія свѣденія. Въ толпѣ оказывается, однако, человѣкъ, бывшій въ Омскѣ, когда тѣла членовъ экспедиціи Жаннеты провозились черезъ городъ. Онъ беретъ въ свои руки дѣло просвѣщенія толпы и говоритъ, что „Американцы самый умный народъ, какой только есть на свѣтѣ, и одни только плаваютъ по ледовитому морю." Одинъ старикъ, защищая русскую честь, возражаетъ, что и русскіе, хотя можетъ быть и не столь умны, какъ Американцы, тоже хорошіе моряки — въ сѣверныхъ водахъ. Въ толпѣ подпимается горячій споръ о полярныхъ экспедиціяхъ... Но лошади запряжены, ямщикъ взбирается на козлы, и, съ мѣрнымъ звяканьемъ колокольчика и шлепаньемъ копытъ по грязи, мы оставляемъ деревню. Съ такими однообразными дорожными впечатлѣніями, встрѣчами и проводами на станціяхъ, мы добрались до Омска.

Омскъ — чисто казенный городъ, съ 30,000 жителей, не замѣчательный ни въ архитектурномъ, ни въ иномъ какомъ-нибудь отношеніи. Въ немъ нѣтъ ни газеты, ни публичной библіотеки, и половина жителей носитъ казенный мундиръ и занимается управленіемъ другой половины. Характеръ отношеній этихъ двухъ половинъ достаточно освѣщается тѣмъ, что одинъ интеллигентный и честный чиновникъ этого чиновничьяго города, бывшій очень полезнымъ для насъ своими сообщеніями, при прощаніи сказалъ: „Г-нъ Кеннанъ, если ужъ вы найдете нужнымъ назвать меня по имени въ вашей книгѣ, ради бога не отзывайтесь обо мнѣ благопріятно." — „Но почему же, боже мой?" — „Потому что я не думаю, что ваша книга будетъ особенно пріятна правительству, и если ваши отзывы обо мнѣ будутъ хороши, мнѣ предстоитъ не мало непріятностей со стороны моего начальства. Какъ ни нелѣпа кажется вамъ моя просьба, пожалуйста, исполните ее."

Мы мало что осмотрѣли въ Омскѣ, если не счи-

тать небольшаго музея, въ мѣстномъ отдѣленіи Географическаго Общества, да бѣдной пригородной колоніи уголовныхъ ссыльныхъ. Мнѣ хотѣлось розыскать острогъ, въ которомъ геніальный романистъ Достоевскій провелъ столько лѣтъ своей жизни и гдѣ онъ дважды былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, но мнѣ сказали, что этотъ острогъ уже давно уничтоженъ. Я не удивляюсь, что правительство постаралось стереть съ лица земли слѣды стѣнъ, которыя были свидѣтелями всѣхъ ужасовъ и безобразій, записанныхъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома.“ Было, положимъ, въ Омскѣ еще одно учрежденіе, которое я хотѣлъ осмотрѣть, — мѣстный острогъ, но губернаторъ принялъ насъ съ такой пренебрежительной нелюбезностью, что мы ушли изъ его канцеляріи даже безъ приглашенія сѣсть.

Изъ Омска до Семипалатинска мы ѣхали вдоль Иртыша степями, заселенными кочующими киргизами и, по берегу рѣки, казачьими деревнями. Эти деревни производятъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе своимъ сравнительнымъ довольствомъ, опрятностью и зеленью садовъ и огородовъ. Погода стояла сухая и жаркая. Песокъ становился все болѣе и болѣе господствующимъ элементомъ вплоть до Семипалатинска, который русскіе не даромъ называютъ „чертовой песчаной дырой.“ Этотъ городъ имѣетъ до 15,000 жителей, русскихъ, татаръ и киргизовъ. Онъ лежитъ на правомъ берегу Иртыша въ 900 миляхъ отъ Тюмени и служитъ административнымъ центромъ области и средоточіемъ мѣстной промышленности и торговли, благодаря своему положенію на одномъ изъ караванныхъ путей въ Ташкентъ и Центральную Азію. Окрестная страна главнымъ образомъ — пастушеская, и изъ ея 547,000 обитателей 497,000 — номадовъ. Область производитъ ежегодно между прочими продуктами 45,000 фунтовъ меду, 370 тысячъ фунт. табаку, и болѣе 12,000,000 бушелей зерна. Обороты ея 11-ти ярмарокъ достигаютъ до 1,000,000 фунт. стер. и каждый годъ 40-50 каравановъ выходятъ

изъ Семипалатинска въ разные пункты Монголіи и Средней Азіи, унося съ собою русскихъ товаровъ на 150,000 до 200,000 ф. ст.

Послѣ этихъ цифръ едва ли нужно еще доказывать, что Сибирь далеко не вся представляетъ собою полярную пустыню. Табакъ — не полярный продуктъ, и верблюды — не тотъ вьючный скотъ, который употребляютъ эскимосы. Если бы мы съ Фростомъ и держались еще этой иллюзіи, то короткой прогулки по городу было достаточно, чтобы разсѣять ее окончательно. Термометръ показывалъ 90 градусовъ по Фаренгейту въ тѣни и при вѣтрѣ, и мѣстные жители находили день еще сравнительно прохладнымъ.

Въ воскресенье утромъ мы отправились съ визитомъ къ губернатору Челинскому. Я представилъ ему свои рекомендательныя письма отъ министра и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что его никто не предупреждалъ о нашемъ прибытіи. Онъ принялъ насъ очень любезно, далъ разрѣшеніе на осмотръ городской тюрьмы, обѣщалъ представить въ наше распоряженіе полиціймейстера, въ качествѣ чичероне, и приготовить для насъ къ отѣзду рекомендательныя письма къ своимъ подчиненнымъ въ области. Отъ губернатора мы отправились въ городскую публичную библіотеку. Тутъ мы нашли небольшой антропологическій музей, удобный кабинетъ для чтенія, снабженный всѣми русскими газетами и журналами, и хорошо подобранную коллекцію книгъ въ 1000 томовъ слишкомъ. Я былъ не мало удивленъ, найдя въ ихъ числѣ такихъ авторовъ, какъ Спенсеръ, Льюисъ, Милль, Тэнъ, Тейлоръ, Дарвинъ, Лайель, Тиндаль, Мэкензи-Уэллесъ и романы Скота, Диккенса, Троллопа, Поэ и Брэтъ-Гарта. Особенно полонъ былъ отдѣлъ политической экономіи, и подборъ книгъ дѣлалъ большую честь устроителямъ. Положительно, я началъ съ большимъ сочувствіемъ относиться къ городу.

Встрѣча съ политическиими ссыльными.

Первой моею встрѣчей съ ссыльными я былъ обязанъ счастливой случайности и, странно сказать, посредничеству правительственнаго чиновника. Среди первыхъ нашихъ знакомыхъ въ Семипалатинскѣ былъ нѣкій П., образованный джентльменъ, занимавшій значительный служебный постъ, представленный намъ, какъ человѣкъ, хорошо знающій Сибирь и степную область и могущій быть намъ очень полезнымъ въ нашемъ дѣлѣ. Хотя съ перваго же знакомства П. произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, какъ человѣкъ образованный, гуманный и либеральный, я, конечно, никогда не касался въ разговорахъ съ нимъ вопроса о политическихъ ссыльныхъ. Въ Петербургѣ меня предупреждали, что начальство очень недружелюбно посмотритъ на наши попытки подойти поближе къ нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ и познакомиться лично съ представителями политическихъ изгнанниковъ. Я не зналъ еще тогда, что подъ оффиціальной внѣшностью среди правительственныхъ чиновниковъ очень часто можно найти симпатію къ политическимъ преступникамъ, и мнѣ никогда не пришло бы въ голову знакомиться съ вторыми при посредствѣ первыхъ.

Однажды, среди оживленной бесѣды объ Америкѣ, П. круто повернулъ разговоръ и сказалъ:

— Г. Кеннанъ, Вы никогда не обращали вниманія на усиленное движеніе молодежи въ Сибирь?

Я сначала не понялъ вопроса и отвѣчалъ, что нѣтъ, не обращалъ, но что я, быть можетъ, не вполнѣ понимаю, о чемъ говоритъ мой собесѣдникъ.

— Я говорю о той массѣ молодежи, мущинъ и женщинъ, которая теперь наводняетъ — изъ Россіи — Сибирь. Мнѣ кажется, — это движеніе должно бы обратить на себя ваше вниманіе.

Серьезный, многозначительный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, какъ бы зондируя почву и ощупывая меня, заставилъ меня понять, о какой молодежи онъ говоритъ. Но я не забылъ, что мой собесѣдникъ—русскій офицеръ, и потому отвѣчалъ очень осторожно, что я слыхалъ кое что объ этомъ движеніи, но самъ не имѣлъ возможности наблюдать его лично.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ П., глядя на меня тоже значительно, — что это — замѣчательный общественный феноменъ, который естественно долженъ остановить на себя вниманіе иностранца.

Я отвѣтилъ, что, конечно, мнѣ интересны всѣ явленія русской жизни и что, имѣй я больше свѣдѣній о предметѣ нашего разговора, я, несомнѣнно, обратилъ бы на него должное вниманіе.

— Многіе изъ этихъ людей, продолжалъ П. — люди очень выдающіеся: мущины съ университетскимъ образованіемъ; женщины — съ рѣдкими характерами.

— Да, отвѣчалъ я: — мнѣ приходилось это слышать, и я думаю, что съ ними, пожалуй, было бы очень любопытно познакомиться.

— Не только „пожалуй“, — возразилъ П. — Это люди, которые при иныхъ обстоятельствахъ могли бы оказать много услугъ своей странѣ. Я удивляюсь, какъ вы не заинтересовались ими до сихъ поръ.

Такимъ образомъ разговоръ шелъ въ теченіи нѣкотораго времени, причемъ оба мы были на сторожѣ, не открывая вполнѣ своихъ взглядовъ на предметъ и стараясь вывѣдать ихъ другъ отъ друга. И слова, и тонъ П., казалось мнѣ, говорили ясно, что онъ самъ съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ относится къ

„молодымъ людямъ, наводняющимъ нынѣ Сибирь“, но не увѣренный въ моей скромности, не рѣшается въ этомъ признаться открыто. Я съ своей стороны боялся, какъ бы этотъ разговоръ, начатый безъ вызова съ моей стороны, не оказался просто ловушкой, съ цѣлью вывѣдать отъ меня настоящую цѣль нашего путешествія. Повторяю, я не зналъ еще, что между слугами правительства и его рѣшительными врагами часто существуетъ тайная связь и симпатія... Наконецъ, уставъ притворяться, я прямо спросилъ П.:

— Г-нъ П. Вы говорите о политическихъ ссыльныхъ? Не правда-ли?

— Да — отвѣчалъ П.— мнѣ казалось, Вы понимаете, о комъ я говорю. Я думаю, что высылка такой значительной доли русской молодежи изъ родной страны — явленіе, заслуживающее вниманіе путешественника.

— О, конечно! Но какъ я могу познакомиться съ нимъ? Я не знаю, ни гдѣ искать ссыльныхъ, ни какъ подступить къ нимъ? Къ тому же мнѣ говорили, что начальство очень косо будетъ смотрѣть на мои попытки въ этомъ отношеніи.

— Ссыльныхъ найти не трудно, — оттѣчалъ П. — область полна ими, и (пожимая плечами), сколько я знаю, ничто не могло бы помѣшать Вамъ познакомиться съ ними, если бы вы этого хотѣли. Ихъ у насъ до 30 человѣкъ. Они ходятъ по улицамъ такъ же, какъ и другіе жители города, и я, право не понимаю, какъ Вы не встрѣтились съ ними до сихъ поръ.

Разъ ледъ былъ разбитъ, разговоръ принялъ открытый и свободный характеръ. Мы не старались болѣе обманывать другъ друга. Я, между прочимъ, передалъ П. свои представленія о характерѣ „нигилистовъ“ вообще и спросилъ его:

— Не съумасшедшіе ли они фанатики, эти „нигилисты“; не дикіе ли они соціальные теоретики, которые всюду, во всякой странѣ, должны бы были вызвать смуту и борьбу?

— Напротивъ, — отвѣчалъ П. — Я нахожу ихъ спо-

койными, разсудительными людьми. Намъ здѣсь они не причиняютъ безпокойства. Губернаторъ относится къ нимъ сколько можно снисходительно, и вообще они — вполнѣ хорошіе граждане.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ П. передалъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о семипалатинскихъ ссыльныхъ. Ихъ считалось до 30 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 4-5 женщинъ. Всѣ они были сосланы безъ суда, административнымъ распоряженіемъ, подписаннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ. По окончаніи срока, если поведеніе ихъ заслужитъ одобреніе мѣстныхъ властей, они получаютъ право вернуться на свой счетъ въ Россію. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ здѣсь занятія; другіе получаютъ помощь отъ родныхъ, остальные содержатся, или вѣрнѣе, охраняются отъ голодной смерти правительственнымъ пособіемъ въ 6 рублей въ мѣсяцъ — для привиллегированныхъ, и въ 2 р. 60 коп. — для непривиллегированныхъ.

— ....Конечно, говорилъ П., такого пособія недостаточно и для одной пищи, не говоря о квартирѣ и пр., и, если бы не взаимная помощь, имъ пришлось бы терпѣть много горя. Большинство изъ нихъ — образованные люди, и губернаторъ, который собственными глазами видитъ всю тяжесть ихъ положенія, сквозь пальцы смотритъ на занятія уроками, которыя, по инструкціи, имъ запрещены. Женщины шьютъ и вышиваютъ, и такимъ образомъ кое-какъ сводятъ концы съ концами. Имъ позволяютъ писать и получать письма, имѣть книги, и хотя они подлежатъ полицейскому надзору, у насъ онъ не очень строгъ.

— За что собственно они сосланы? — спросилъ я — Были ли они заговорщиками? Принимали ли участіе въ убійствѣ царя?

— О, нѣтъ! — улыбнулся П. — Это — просто неблагонадежные. Нѣкоторые принадлежали къ запрещеннымъ обществамъ, у другихъ были найдены запрещенныя книги; иные были знакомы съ другими, болѣе

опасными людьми, иные принимали участіе въ университетскихъ безпорядкахъ.... Настоящіе заговорщики ссылаются въ болѣе отдаленныя мѣста и на каторгу. Ссылка въ Степную Область считается самымъ легкимъ наказаніемъ....

Однимъ словомъ мы разговорились, и П. предложилъ себя въ качествѣ посредника для знакомства моегосъи мѣстными ссыльными.

— Поѣдемъ сейчасъ, если хотите, — сказалъ онъ — ну, хоть — къ г-ну Лобоновскому. Онъ въ нѣкоторой степени артистъ и занятъ теперь занавѣсью для нашего театра. У него есть коллекція сибирскихъ видовъ; Вамъ не мѣшаетъ посмотрѣть на нее.

— О, да, — отвѣчалъ я. — Рисунки — моя страсть; къ тому же я знатокъ въ дѣлѣ занавѣсей. Нигилистъ, или нѣтъ нашъ художникъ, — я долженъ его видѣть.

Мнѣ теперь чрезвычайно трудно возстановить отчетливо въ памяти то представленіе, которое я имѣлъ о русскихъ политическихъ преступникахъ до знакомства съ ними; до тавой степени личныя наблюденія измѣнили его. Я ожидалъ увидѣть, сколько мнѣ помнится, мрачныхъ, непонятныхъ оригиналовъ, съ нѣкоторымъ образованіемъ, съ большимъ фанатическимъ мужествомъ, съ безграничной способностью къ самопожертвованію, но съ самыми нелѣпыми и фантастическими представленіями о правительствѣ и общественной организаціи, безъ малѣйшаго слѣда того, что мы, американцы, называемъ „Lard common-sense“. Я думалъ, что между ними не найдется болѣе общихъ идей, чѣмъ между мною и анархистомъ—вродѣ Louis Lingga. Хотя я рѣшился смотрѣть вполнѣ безпристрастно на нихъ, на ихъ положеніе и ихъ дѣло, я былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что изъ личнаго знакомства съ ними я вынесу только подтвержденіе своихъ взглядовъ. Даже послѣ разговора съ П. я ожидалъ увидѣть въ Лобоновскомъ традиціонный образъ „нигилиста“, т. е. человѣка съ длинными волосами и безумнымъ взглядомъ, который съ перваго слова началъ бы длинный безсвязный

разсказъ о своихъ обидахъ и страданіяхъ, объявилъ бы всякое правительство грубой деспотіей и потребовалъ бы отъ меня восхищенія передъ убійствомъ Александра II-го.

Когда П. отворилъ дверь квартиры г. Лобоновскаго, я увидѣлъ его посреди комнаты передъ большимъ полотномъ, съ красками и кистью въ рукахъ. Его крѣпкая фигура была пропорціональна; манеры — джентельмена. Онъ былъ прекраснымъ типическимъ обращикомъ русскаго блондина — съ своими свѣтло-голубыми глазами, русыми, подстриженными волосами, нѣсколько по дѣтски вьющимися на лбу, и окладистой бородой, придававшей мужественное достоинство его хорошо сформированной головѣ. Его открытое и добродушное лицо показалось мнѣ лицомъ сердечнаго, импульсивнаго, но въ тоже время сильнаго и уравновѣшеннаго человѣка. Во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ не гармонировало съ моими ожиданіями. Г. Лобоновскій насъ встрѣтилъ просто и дружелюбно и тотчасъ же принесъ свои рисунки и наброски. Они были дѣломъ не вполнѣ умѣлой руки, но носили слѣды силы и вѣрности дѣйствительности. Нашъ разговоръ въ этотъ первый визитъ не касался политическихъ вопросовъ и вращался около этихъ рисунковъ. Г-нъ Лобоновскій передавалъ мнѣ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были набросаны, разсказывалъ о своемъ невольномъ путешествіи въ Сибирь, но разсказывалъ такъ, какъ будто бы оно было вольное, и если бы не ссылки на тюрьмы и этапы, ничто въ этихъ разсказахъ не указывало бы, что я говорю съ „нигилистомъ“. Манеры его были просты и спокойны, онъ съ тактомъ и умѣніемъ слѣдилъ за бесѣдой и легко переходилъ на соприкасающіяся темы. Онъ не могъ не замѣтить, что я слѣжу за нимъ и критически его наблюдаю, — вѣдь передо мной былъ первый обращикъ любопытнаго типа — но онъ не показывалъ виду, что замѣчаетъ это и велъ себя, какъ истый джентельменъ, спокойный, хорошо воспитанный и умѣющій владѣть собою. При прощаніи

онъ пригласилъ на вечеръ меня и г. Фроста. „У меня будетъ нѣсколько товарищей“ — прибавилъ онъ.

— Ну что, — спросилъ П., когда мы вышли, — что Вы думаете объ этомъ „нигилистѣ?“

— Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе, — отвѣчалъ я. — Другіе похожи на него?

— Не вполнѣ. Но, вообще, они всѣ — хорошій народъ. Вы познакомитесь еще здѣсь съ нѣкіимъ Леонтьевымъ. Онъ работаетъ у здѣшняго судьи М. и занимается съ нимъ антропологическими изслѣдованіями среди Киргизовъ. Они оба — интересные люди.

Я конечно воспользовался этимъ указаніемъ и, какъ только П. со мной простился, отправился съ визитомъ къ г-ну М., какъ человѣкъ, интересующійся киргизскими нравами. Г-нъ М. былъ очень доволенъ, кажется, найдя во мнѣ собрата по оружію, съ удовольствіемъ разрѣшилъ мнѣ доступъ въ антропологическій музей, однимъ изъ директоровъ котораго онъ былъ и представилъ мнѣ своего секретаря, г-на Леонтьева, который, сказалъ онъ, „спеціально занимается этимъ предметомъ и можетъ быть мнѣ очень полезенъ“. Г-нъ Леонтьевъ былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, съ свѣтлорусыми волосами и бородой, умными сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ и твердымъ, хорошо-очерченнымъ подбородкомъ. Его черты ясно говорили о научныхъ наклонностяхъ, и если бы я встрѣтилъ его на улицахъ Вашингтона, я принялъ бы его за молодого ученаго изъ Симпсоньянскаго института, или Національнаго Музея. Какъ я узналъ потомъ, онъ былъ сыномъ семипалатинскаго офицера, воспитывался въ петербургскомъ пажескомъ корпусѣ, поступилъ въ университетъ и на 4-тый годъ пребыванія въ немъ былъ административно сосланъ въ Западную Сибирь за участіе въ сношеніяхъ съ заключенными Петропавловской крѣпости. Хотя манеры г-на Леонтьева были болѣе формальны и сдержанны, чѣмъ г-на Лобоновскаго, и его отношеніе ко мнѣ носило характеръ скорѣе холодной и

наблюдательной критики, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Вернувшись къ себѣ домой, я долженъ былъ признаться, что если прочіе нигилисты похожи на этихъ двухъ, мнѣ прійдется радикально измѣнить о нихъ свое мнѣніе И по уму, и по воспитанію Лобоновскій и Леонтьевъ могли бы съ успѣхомъ выдержать самое придирчивое сравненіе съ своими американскими сверстниками моими знакомыми.

Въ 8 ч. вечера я и г. Фростъ постучались въ дверь квартиры Лобоновскаго. Это была чистая, бѣдно меблированная комната съ голыми стѣнами и поломъ, простой деревянной кроватью и нѣсколькими стульями. На этажеркѣ стоялъ рядъ книгъ, между которыми я замѣтилъ „Essays“ и „Principles of psychologie“ Спенсера, небольшой, но очень недурной гербарій, бинокль и пр. По срединѣ комнаты стоялъ большой некрашенный столъ, на которомъ лежала раскрытая книга, которую хозяинъ читалъ передъ нашимъ приходомъ. Это былъ французскій переводъ „Сохраненія энергіи“ Balfour Stewart'a. Все было чисто, но обстановка ясно говорила, что хозяинъ не можетъ позволить себѣ ничего лишняго, ничего напоминающаго комфортъ.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о цѣли нашего путешествія, Лобоновскій, повернувшись ко мнѣ съ шутливой улыбкой, спросилъ:

— Воображаю, г-нъ Кеннанъ, какихъ только страховъ не наслушались Вы у себя на счетъ русскихъ нигилистовъ?

— Признаюсь, — отвѣчалъ я, — мы всегда слышимъ о нихъ въ связи съ покушеніями что-нибудь взорвать, или кого-нибудь убить; и я былъ о нихъ не очень хорошаго мнѣнія. Самое слово „нигилистъ“ понимается у насъ только въ примѣненіи къ людямъ, которые ни во что не вѣрятъ и стремятся къ уничтоженію всѣхъ существующихъ учрежденій.

— „Нигилистъ“, — старое слово, — отвѣчалъ Лобоновскій,—и если оно еще было примѣнимо когда-нибудь, теперь оно ни на что не указываетъ и ничего

не говоритъ въ примѣненіи къ русскимъ революціонерамъ. Боюсь, что вы не найдете среди насъ „нигилистовъ“ въ вашемъ значеніи слова. Разумѣется, среди революціонеровъ есть люди съ самыми разнообразными взглядами на вещи. Есть такіе, которые вѣрятъ въ пользу террора и считаютъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему въ борьбѣ съ правительствомъ, но и они не стремятся къ уничтоженію всего существующаго. Каждый изъ нихъ отложилъ бы оружіе въ сторону, если бы правительство усвоило конституціонныя формы и гарантировало Россіи свободу рѣчи и прессы, свободу отъ произвола, арестовъ и ссылокъ.. Читали ли Вы когда-нибудь письмо русскихъ революціонеровъ къ Александру III, при восшествіи его на престолъ?

— Нѣтъ, слышать о немъ — слышалъ, но не читалъ.

— Въ немъ очень ясно изложены цѣль и требованія партіи. Партія обязуется даже, если государь дастъ свободу и созоветъ народное собраніе для рѣшенія вопроса о формѣ правленія, — прекратить терроръ и не бороться этимъ оружіемъ съ правительствомъ, которое явится результатомъ свободно выраженной народной воли. Едва ли можно сказать, что люди, предлагающіе подобный договоръ, стремятся къ уничтоженію всего существующаго. Вы, вѣроятно, знаете, что сообщеніе объ убійствѣ Вашего президента, Гарфильда, было заключено въ „Народной Волѣ“ въ черную рамку, въ знакъ печали и сочувствія, а на страницахъ этого органа террористовъ убійство это было строго осуждено, какъ недопустимое въ странѣ, гдѣ существуетъ гласный судъ и свободная пресса и гдѣ должностныя лица правительства избираются свободно страною.

— Я не зналъ этого — отвѣчалъ я. Тутъ нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ новыхъ гостей, 3-хъ молодыхъ мущинъ и одной дамы. Въ наружности молодыхъ людей не было ничего особеннаго, бьющаго въ глаза. Одинъ изъ нихъ былъ веселый студентъ, лѣтъ

23-24; двое другихъ — интеллигентные рабочіе, или крестьяне, на типическихъ русскихъ лицахъ которыхъ, холодныхъ и безстрастныхъ, въ сосредоточенныхъ манерахъ было видно, что жизнь и ссылка не даромъ достались имъ и оставили въ нихъ достаточный запасъ горечи и придавленности. Дама—г-жа Диескуло, принадлежала, очевидно, къ иному общественному классу и съумѣла сохранить болѣе ясное и веселое настроеніе. Она была лѣтъ 30, съ высокой и стройной, хотя нѣсколько худощавой фигурой, съ короткими черными волосами, волною падающими на плечи, и съ подвижнымъ и оживленнымъ лицемъ, которое повидимому когда-то, и не очень давно было очень красиво. Теперь оно было слишкомъ худо и истощено, и загрубѣло отъ морозовъ и вѣтра, отъ тяжелыхъ условій этапной и тюремной жизни. Она была одѣта прилично и со вкусомъ въ простенькое платье, съ бѣлымъ кружевомъ на шеѣ и рукавахъ. Когда въ разговорѣ лице ея освѣщалось внутреннимъ огнемъ, она казалась мнѣ очень красивой и интересной особой. Въ ней не было и тѣни напускной развязности, угловатости и эксцентричности, которыхъ я ждалъ отъ ссыльной. Говорила она быстро и хорошо, временами весело смѣялась, припоминая разные эпизоды своего путешествія. Природная веселость умѣрялась въ ней тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое сквозило въ ея разсказахъ на трогательныхъ или грустныхъ подробностяхъ. Такъ, я уловилъ слезинку въ ея глазахъ, когда она передавала мнѣ, какъ камышловскіе крестьяне выразили ихъ партіи свое сочувствіе: это было на Троицу, и крестьяне, приготовляя этапъ къ пріему политической партіи, старательно вымыли его грязныя, прогнившія стѣны и украсили ихъ зелеными вѣтвями и полевыми цвѣтами...

Въ 9 ч. г-нъ Лобоновскій внесъ въ комнату кипящій самоваръ, и остальной вечеръ мы провели возлѣ него, въ тѣсномъ кругу вокругъ стола, какъ будто бы годы знакомые другъ съ другомъ, бесѣдуя о русскомъ революціонномъ движеніи, о ссылкѣ, о литературѣ, объ ис-

кусствѣ и американской политикѣ. Сдержанный и трезвый тонъ, въ какомъ эти изгнанники обсуждали общественные вопросы, правительственныя задачи и свои личныя испытанія, чрезвычайно поражали меня. Въ нихъ не было замѣтно ни горечи, ни преувеличеній, ни малѣйшаго намѣренія подольше останавливаться на своей судьбѣ, чтобы вызвать сочувствіе. Г-жа Дическуло, напр., лишилась во время ареста почти всего своего имущества, болѣе года просидѣла въ одиночномъ заключеніи, затѣмъ сослана безъ была суда въ какой то дикій уголокъ Акмолинской области, откуда, наконецъ, черезъ киргизскія степи суровою зимою была перевезена сюда. Не мало горя и тяжелыхъ испытаній должна была пережить эта непривычная къ лишеніямъ молодая женщина при всѣхъ этихъ передрягахъ—и что-же? Въ своей бесѣдѣ она совсѣмъ не останавливалась на этой сторонѣ дѣла, какъ будто бы ея совсѣмъ не было. Камышловскіе крестьяне съ своими цвѣтами занимали ее гораздо болѣе. Въ 11 часовъ ночи мы пожелали нашимъ новымъ знакомымъ доброй ночи и возвратились къ себѣ.

На слѣдующій день Лобоновскій, Дическуло, Фростъ и я отправились за городъ въ гости къ нѣсколькимъ ссыльнымъ, которые „жили на дачѣ“, т. е. попросту разбили свои палатки подъ открытымъ небомъ въ двухъ миляхъ отъ города. Ихъ жило тамъ семеро, въ томъ числѣ три женщины. Двѣ изъ нихъ были 16-17-лѣтнія дѣвушки, почти дѣти. Какъ онѣ могли попасть въ ссылку? — не понимаю. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ какой бы то ни было странѣ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, можно было смотрѣть на нихъ, какъ на опасныхъ для общественнаго порядка или устойчивости правительства. Когда я пожалъ ихъ руки и увидѣлъ ихъ застѣнчивыя, полудѣтскія манеры и краску румянца, загорѣвшуюся на щекахъ, я въ первый рязъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ презрѣнія къ русскому правительству.

— Если бы я былъ царемъ,— сказалъ я Фросту, —

съ арміей солдатъ и полиціею за спиною, и если бы тѣмъ не менѣе я не могъ спокойно спать изъ страха передъ этими робкими дѣвочками, пока онѣ не высланы куда-нибудь за тысячи миль, — я отказался бы отъ престола въ пользу кого-нибудь болѣе сильнаго и менѣе трусливаго.

Мысль, что могущественное русское правительство не можетъ защитить себя отъ гимназистокъ, не вырвавъ ихъ изъ семьи и не бросивъ въ далекую азіатскую пустыню, — казалась мнѣ просто нелѣпостью.

На этой своеобразной дачѣ, среди зелени, у берега рѣки провели мы почти весь день и разстались совершенными пріятелями. Вечеромъ того же дня мы отправились къ г-ну Леонтьеву, гдѣ должны были собраться ссыльные, которыхъ мы еще не видали. Комната Леонтьева была нѣсколько больше помѣщенія Лобоновскаго, но убрана почти въ томъ же родѣ. Обратилъ на себя мое вниманіе большой портретъ Спенсера, висѣвшій надъ постелью.

Когда мы вошли, все общество было уже въ сборѣ. Кромѣ Лобановскаго, г-жи Дическуло, тутъ были, между прочимъ, докторъ Богомолецъ, жена котораго находится на каторгѣ, двѣ сестры Присѣцкихъ и др. Когда насъ перезнакомили, завязался общій разговоръ, веселый и живой, на самыя разнообразныя темы. Г-нъ Леонтьевъ передалъ мнѣ исторію Семипалатинской библіотеки и выразилъ мнѣніе, что она не только большое благо для ссыльныхъ, но и возбуждаетъ интеллектуальные интересы въ городѣ. „Даже киргизы пользуются ею;“ — сказалъ онъ:

— Я знаю одного старика киргиза, Ибрагима Конобая, который ходитъ въ библіотеку и читаетъ даже такихъ авторовъ, какъ Дрэперъ и Милль“.

— Ну, Вы шутите! воскликнулъ веселый студентъ.

— Нисколько, — холодно отвѣчалъ Леонтьевъ. — Сначала онъ и меня удивилъ, попросивъ у меня объясненія, что такое индукція и дедукція; но потомъ я узналъ, что онъ усердно изучаетъ англійскую филосо-

фію и читаетъ, въ русскомъ переводѣ, конечно, этихъ авторовъ.

— Вы думаете, что онъ что-нибудь въ нихъ понимаетъ? спросилъ студентъ.

— Я разъ цѣлый вечеръ бесѣдовалъ съ нимъ на счетъ Дрэперовской „Исторіи умственнаго развитія Европы“, и оказалось, онъ имѣетъ довольно ясное представленіе о предметѣ.

— Я замѣтилъ, — обратился я къ публикѣ,— что многія книги, особенно англійскихъ ученыхъ, изъяты изъ библіотекъ, между тѣмъ, какъ онѣ прошли цензуру и были пропущены. Что это значитъ?

— О, — отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — наша цензура очень капризна. Какъ Вы объясните, напримѣръ, что такая книга, какъ „Богатство народовъ“ Смита запрещена, а Дарвина „Происхожденіе человѣка“ дозволено? Вѣдь, вторая во всякомъ случаѣ опаснѣе первой.

— Объясняютъ, — подхватилъ другой, — что списокъ запрещенныхъ книгъ составлялся безъ особенно тщательнаго разсмотрѣнія ихъ содержанія. Въ него часто вносились книги, которыя были находимы при обыскахъ. „Богатство народовъ“ случайно нашли у какого-нибудь революціонера, — значитъ „Богатство народовъ“ опасная книга.

— Когда меня арестовали, — сказалъ Лобановскій, — у меня взяли книжку по французской исторіи, принадлежавшую публичной библіотекѣ. Просматривая ее, тамъ и сямъ встрѣчали слово „революція“; этого было достаточно. Напрасно объяснялъ я, что французская исторія должна обязательно трактовать о революціи; — ничто не помогло. Они отобрали у меня тогда и игрушку, которую сдѣлалъ себѣ мой маленькій братъ, предполагая, что это какая нибудь адская машина.

И посреди всеобщаго хохота полились безконечные юмористическіе разсказы о невѣжествѣ русской полиціи и о разныхъ курьезахъ изъ ея практики. Затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы.

Интеллигентность этихъ ссыльныхъ, широта ихъ взглядовъ, интересовъ и симпатій положительно поражали меня. Они проявляли далеко не поверхностное знакомство даже съ англійской и американской литературой, съ американскими учрежденіями и исторіей. Въ бесѣдѣ мы касались Шекспира, Спенсера, Стьюарта, Гейне, Гегеля, Ланге, Ирвинга, Лонгфэло, Бретъ-Гарта; и всѣ они были имъ близко и хорошо знакомы. Они знали прошлое нашего президента, съ полнымъ знаніемъ дѣла диспутировали о его реформахъ и вообще показывали такой интересъ и знакомство съ нашими американскими дѣлами, какой трудно встрѣтить гдѣ бы то ни было, помимо Америки, и тѣмъ болѣе трудно бы ожидать въ Сибири. Послѣ простаго, но сытнаго ужина мои знакомые спѣли намъ нѣсколько грустныхъ русскихъ мелодій. Мы съ Фростомъ, съ своей стороны, попытались дать имъ понятіе о нашихъ пѣсняхъ и о музыкѣ негровъ. Около полуночи только мы съ большой неохотой оставили пріятное общество и возвратились къ себѣ въ гостинницу.

Я не буду передавать пока сущность тѣхъ бесѣдъ о русскомъ правительствѣ и революціонномъ движеніи, которыя я велъ съ Семипалатинцами. Я надѣюсь сдѣлать это потомъ, суммируя всѣ мои сибирскія бесѣды и наблюденія. Пока я ограничиваюсь возможно точнымъ и безпристрастнымъ отчетомъ о непосредственномъ впечатлѣніи, которое ссыльные произвели на меня. И если семипалатинскіе ссыльные могутъ служить представителями ссыльныхъ вообще, то та концепція нигилизма, которую я раздѣлялъ со всѣми американцами, совершенно ошибочна. Я не нашелъ въ нихъ ничего мрачнаго, трагическаго, анормальнаго, что должно бы удалять отъ нихъ симпатіи здравыхъ умовъ и цивилизованнаго міра. Эти люди оказались добрыми, интеллигентными, просвѣщенными, съ готовностью сочувствія всему хорошему, съ великодушными импульсами, съ непоколебимыми идеалами чести и долга. Они, какъ сказалъ мнѣ П., при иныхъ обстоятельствахъ могли бы

оказать великія услуги своей странѣ. Если, вмѣсто такой службы своей родинѣ, они прозябаютъ въ изгнаніи, то вина въ этомъ лежитъ не въ отсутствіи въ нихъ патріотизма и сознанія долга, а въ ихъ правительствѣ, которое безумно расточаетъ дорогія силы, которое, беря на себя — думать и дѣйствовать за русскій народъ, оказывается въ противорѣчіи съ своимъ временемъ.

18-го іюня, осмотрѣвъ городскую тюрьму и собравъ, сколько было возможно, свѣденій о практикѣ русской ссылки, мы, запасшись подорожной и простившись съ новыми друзьями, оставили Семипалатинскъ для своей алтайской экспедиціи. На разстояніи 220 миль дорога шла вверхъ по Иртышу, по безконечной песчаной пустынѣ, съ рѣдкими оазисами, въ видѣ казачьихъ деревень, расположенныхъ всегда у рѣки и полныхъ прохлады и зелени. Эти оазисы были особенно интересны и живописны по воскресеньямъ, когда жители наряжались въ свои праздничныя разноцвѣтныя платья и наполняли улицы пѣніемъ и шумомъ веселой толпы. Но и ихъ было недостаточно, чтобы вознаградить путешественника за тяжесть дороги. И чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ она становилась невыносимѣе. Песокъ наполнялъ собою все; онъ забивался въ ротъ, носъ, глаза, уши; а жара, доходившая до 100—105° въ тѣни, положительно грозила задушить насъ. Противъ нея ничто не помогало. Мнѣ припомнилось, какъ я скептически улыбался, когда одинъ омскій офицеръ разсказывалъ мнѣ о солнечныхъ ударахъ, случавшихся съ его солдатами въ долинѣ Иртыша. „Солнечные удары! Въ Сибири! что за вздоръ!“ думалъ я тогда. Теперь я ощущалъ на себѣ ихъ полную возможность. Около станціи Воронежской насъ, въ довершеніе несчастій, застигла песчаная буря. Въ продолженіи 2-хъ часовъ мы буквально задыхались и испытывали невоз-

можныя страданія. Когда мы пріѣхали въ Черемшанку, глядя на насъ, нельзя было сказать, киргизы мы, или американцы; такой слой песчаной пыли лежалъ на нашихъ лицахъ. Я выпилъ кварту холоднаго молока и не могъ утолить своей жажды, а м-ръ Фростъ, промывъ глаза и уши, и выпивъ 8 кружекъ молока, оправился на столько, чтобы сказать: „если кто нибудь скажетъ, что въ Сибири не жарко, — пошлите-ка его ко мнѣ!“ Скоро мы оставили Иртышъ и начали понемногу подниматься. На слѣдующій день картина совершенно перемѣнилась. Мы ѣхали по зеленымъ альпійскимъ лугамъ съ роскошной растительностью, съ чудной картиной поднимающихся къ небу снѣжныхъ вершинъ впереди. Переходъ былъ такъ рѣзокъ, а картины такъ прекрасны и величественны, что я не хотѣлъ вѣрить глазамъ. На Алтайскую станцію мы прибыли подъ вечеръ, часовъ въ 6, и я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое я испыталъ, пройдя до деревни по нѣжно-зеленому лугу, окаймленному лѣсомъ, и повернувшись потомъ къ горамъ, которыя на 9000 футовой высотѣ блестѣли на солнцѣ своими снѣжными верхами. Я не знаю въ мірѣ болѣе поэтическаго прелестнаго уголка, чѣмъ эта Алтайская станція, расположенная у подножья громадныхъ горъ, полная цвѣтовъ, нѣжной зелени луговъ и деревьевъ и ропота многочисленныхъ каскадовъ. Термометръ показывалъ жаркій день, но, слыша веселые звуки потоковъ подъ моими окнами, видя снѣгъ на горахъ и зелень у ногъ, я не вѣрилъ термометру.

Мы пробыли здѣсь 3, 4 дня и 27-го іюля, верхами отправились къ Катунскимъ альпамъ, цѣли экскурсіи. Насъ провожали—капитанъ Маевскій (комендантъ станціи) съ женою и дочерью, казачій атаманъ съ женою, Завалишинъ (ссыльный) съ женою и еще нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Послѣ прелестнаго пикника, веселой болтовни, пѣнія, ловли рыбы и проч. мы простились съ гостепріимными хозяевами и отправились дальше.

Я не буду разсказывать здѣсь подробностей и перипетій экскурсіи. Скажу только, что подъемъ и спускъ были очень трудны, часто опасны. Подо-мной не разъ падала лошадь, и я счастливо спасался отъ гибели въ тысячефутовой безднѣ, лежащей подъ ногами. Но всѣ эти трудности и опасности съ избыткомъ вознаграждались тѣми новыми величественными впечатлѣніями, которыя можно найти въ такихъ дикихъ и живописныхъ горахъ. Мы видѣли громадные ледники, ущелья и разсѣлины, быстрыя потоки и чудныя долины; сняли нѣсколько фотографическихъ снимковъ и 5-го августа вернулись на Алтайскую станцію.

Если бы не необходимость спѣшить, чтобы насъ не захватила до Кары (2500 миль) зима, мы не моглибы лучше и пріятнѣе употребить свое лѣтнее время, какъ оставшись на Алтайской станціи. Не говоря о всѣхъ прелестяхъ этого райскаго уголка, нашъ хозяинъ, капитанъ Маевскій, обѣщалъ намъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, способствовать устройству экскурсій во всѣ интересныя и еще неизслѣдованныя окрестныя мѣста. Искушеніе было слишкомъ сильно, но... времени оставалось слишкомъ мало, и 6-го августа мы навсегда простились съ Алтайской станціей. По дорогѣ до Томска лежали два ссыльныхъ пункта, Уливскъ и Усть-Каменогорскъ, гдѣ я хотѣлъ сдѣлать короткія остановки. На этотъ разъ наше путешествіе было далеко не изъ пріятныхъ. Дорога, и вообще отвратительная, худшая, чѣмъ самая скверная дорога въ нашей гористой Виргиніи, была до нельзя испорчена дождями. Въ одномъ мѣстѣ никакія старанія не могли убѣдить возчиковъ везти дальше нашъ тяжелый тарантасъ: дѣло было къ ночи и все обѣщало бурю. Наконецъ, благодаря деньгамъ и усиліямъ станціоннаго смотрителя, одинъ ямщикъ взялся довести насъ до станціи Александровской. Едва мы углубились въ горы, разразилась гроза съ ливнемъ, громомъ и молніями. Въ темнотѣ мы не разъ теряли дорогу, попадали въ канавы, изъ которыхъ лошади едва вытяги-

вали завязнувшій тарантасъ. Въ теченіи цѣлаго часа я принужденъ былъ идти впереди, подъ дождемъ, ощупывая дорогу и предупреждая ямщика въ опасныхъ мѣстахъ. Но мнѣ наконецъ надоѣло мѣсить грязь, и падать постоянно въ лужи, и я рѣшилъ все предоставить на произволъ судьбы, забрался въ тарантасъ, закутался одѣялами и приготовился спать. Не тутъ-то было: не прошло и четверти часа, стопъ...—тарантасъ увязъ опять и на этотъ разъ вполнѣ основательно. Сколько ни осматривали мы дорогу, сколько ни старались вытащить его изъ какой то трущобы, сколько ни кричали поощрительно на себя и на лошадей, — тарантасъ не трогался съ мѣста. Оставалось одно: отправить ямщика въ деревню за помощью, а самимъ какъ нибудь провести ночь подъ дождемъ, на дорогѣ. Мокрые до нитки, облѣпленные грязью, мы забрались подъ крышу тарантаса, закрылись всѣмъ, что могли найти, и такъ провели ночь, пока не вернулся ямщикъ съ помощью и свѣжими лошадьми. Какъ бы то ни было, однако, 7-го къ вечеру мы были въ Ублинскѣ и отдыхали на станціи. Еще въ Семипалатинскѣ я узналъ, что здѣсь поселены: Блокъ, молодой студентъ, Карелинъ, сынъ фотографа изъ Нижняго-Новгорода, Гроссъ, студентъ-юристъ, и докторъ Витертъ, изъ Варшавы. Мнѣ говорили и о нихъ и о ихъ исторіяхъ, но мнѣ хотѣлось ихъ видѣть главнымъ образомъ вотъ почему: быть можетъ, думалъ я, высокій уровень развитія семипалатинцевъ есть только случайность; быть можетъ въ глуши, въ родѣ Ублинска, я найду субъектовъ, болѣе подходящихъ къ типу нигилиста, вывезенному мною изъ Америки.

Мы не пробыли и часу на станціи, какъ гг. Блокъ и Гроссъ сами явились къ намъ съ визитомъ. Блокъ сразу завоевалъ мое сердце. Это былъ человѣкъ лѣтъ 27-28, средняго роста и атлетическаго сложенія, съ черными глазами и волосами, съ твердымъ и рѣшительнымъ лицемъ, которое каждой чертою говорило объ умѣ и силѣ характера. Это было вполнѣ, что на-

зывается, „хорошее“ лице. Маркъ Аврелій говоритъ гдѣ-то съ своей нѣсколько циническої выразительностью: — „честный и хорошій человѣкъ подобенъ человѣку съ дурнымъ запахомъ; проходящіе *должны* обонять этотъ запахъ, хотятъ или не хотятъ они этого“. Такъ же невольно вы подчиняетесь честности и силѣ, которая вѣетъ отъ иныхъ лицъ. Г. Гроссъ былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ правильными чертами лица, съ пріятными, ласкающими модуляціями голоса, съ пылкою рѣчью. Послѣ продолжительной бесѣды съ ними, я убѣдился, что и здѣсь я не найду нигилистовъ. Оба были очень образованные молодые люди, особенно свѣдущіе въ политической экономіи, и каждаго изъ нихъ можно было принять за молодаго профессора изъ Johns Hopkins University. Въ 9 часовъ вечера мы вмѣстѣ отправились навѣстить остальныхъ ссыльныхъ. Всѣ они жили ужасно бѣдно, и было видно, что жизнь ихъ не легка. Но не было ни жалобъ, ни погони за сочувствіемъ; они умѣли страдать молча и съ достоинствомъ. Физически всѣ выглядѣли здоровыми, за исключеніемъ доктора Витерта, который въ тюрьмахъ и ссылкѣ провелъ 10 лѣтъ и казался въ свои 45 лѣтъ совершеннымъ старикомъ. Онъ ходилъ согнувшись, опираясь на палку, и можно думать, что уже недолго онъ будетъ смущать своимъ разбитымъ существованіемъ русское правительство. Онъ былъ, кажется, наиболѣе просвѣщеннымъ изъ всѣхъ, и длинный разговоръ, который я велъ съ нимъ, показывалъ, что онъ, между прочимъ, основательно знакомъ и съ нашими американскими дѣлами. Онъ первый сообщилъ мнѣ о смерти генерала Гранта. Какъ ни мала была ублинская ссыльная колонія, у нея была хотя маленькая, но хорошо подобранная библіотека. Мнѣ нечего, кажется, доказывать, что уносящіе съ собою въ изгнаніе свои книги, и берегущіе ихъ какъ зѣницу ока, мало похожи на „невѣжественныхъ сапожниковъ“, какъ мнѣ характеризовалъ ихъ одинъ русскій офицеръ; что это — люди образованные, серьезные и мыслящіе. Если такіе люди

вмѣсто того, чтобы служить своему государству, живутъ въ ссылкѣ, гдѣ-то на границахъ Монголіи,—тѣмъ хуже для государства. Въ оживленныхъ бесѣдахъ мы провели въ Ублинскѣ ночь и слѣдующій день. Я бы съ удовольствіемъ отложилъ отъѣздъ, но надо было спѣшить. Блокъ и Карелинъ провожали насъ нѣсколько верстъ верхами и, прощаясь, просили насъ не забывать о нихъ въ „иной, болѣе свободной и счастливой странѣ". Если когда нибудь эти страницы попадутъ имъ въ руки въ жалкихъ ублинскихъ избахъ, пусть они вѣрятъ, что мы ихъ не забыли и вспоминаемъ о нихъ въ нашей „болѣе счастливой странѣ" съ глубокимъ уваженіемъ и горячимъ сочувствіемъ.

Въ Каменогорскѣ, къ немалому удивленію, мы опять увидѣли Гросса. Оказалось, онъ опередилъ насъ, чтобы еще разъ повидаться. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ намъ доложили о визитѣ какого-то офицера; и прежде чѣмъ я спросилъ Гросса, каковы его отношенія съ мѣстнымъ начальствомъ, офицеръ, Шайтановъ, вошелъ въ комнату. Положеніе мое было довольно затруднительно. Офицеръ, увидѣвъ у меня ссыльнаго изъ другого города, могъ бы принять по отношенію къ нему такой тонъ, который бы сдѣлалъ неизбѣжнымъ рѣшительное вмѣшательство съ моей стороны. Я не могъ бы, конечно, допустить, чтобы за моимъ столомъ оказали неуваженіе моему гостю. Къ счастью, все обошлось благополучно. Г. Шайтановъ оказался джентельменомъ и не выразилъ ничѣмъ своего удивленія, если оно и было. Онъ очень вѣжливо раскланялся, когда я представилъ ему г. Гросса, и черезъ нѣсколько минутъ они оживленно бесѣдовали о пчеловодствѣ въ Каменогорскѣ.

Послѣ ухода г. Шайтанова, мы отправились подъ предводительствомъ г. Гросса знакомиться съ мѣстными ссыльными. Было бы слишкомъ утомительно подробно описывать всѣхъ ссыльныхъ, которыхъ мы встрѣчали въ Сибири. Каменогорскіе не были ни въ чемъ ниже Ублинскихъ или Семипалатинскихъ. Здѣшняя колонія

представляла лишь то отличіе, что она заключала въ себѣ большее разнообразіе типовъ. Здѣсь были представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, начиная отъ деревенскаго башмачника и кончая грузинскимъ княземъ. Большинство, однако, принадлежало къ привилегированнымъ сословіямъ. Я назову Коповалова, Милинчука, Бѣловскаго. Этотъ послѣдній, литераторъ, особенно поразилъ меня своимъ умомъ, широтою и ясностью своихъ взглядовъ. Онъ былъ близко знакомъ съ русской исторіей и юриспруденціей, также какъ съ исторіей и литературой Западной Европы и, хотя заявилъ себя пессимистомъ и ученикомъ Шопенгауера, но бремя изгнанія несъ мужественно и бодро. Я съ нимъ долго бесѣдовалъ о русскихъ дѣлахъ и удивлялся тому здравому и безпристрастному взгляду, съ которымъ онъ смотрѣлъ на революціонное движеніе и на правительственныя мѣропріятія въ борьбѣ съ нимъ. Считать такого человѣка нигилистомъ — смѣшно, а ссылать его въ Сибирь, какъ опаснаго члена общества — прямо нелѣпо. Во всякой цивилизованной странѣ онъ считался бы самымъ умѣреннымъ либераломъ. Колонія ссыльныхъ въ Каменогорскѣ была послѣднею, какую мы видѣли въ степныхъ областяхъ, и мнѣ кажется нелишнимъ прежде, чѣмъ описывать дальнѣйшее путешествіе по Сибири, остановиться на томъ, что называется въ Россіи административной ссылкой.

Административная ссылка.

Административной ссылкой въ Россіи называется насильственное перемѣщеніе человѣка въ какой-нибудь пунктъ имперіи безъ соблюденія какихъ бы то ни было легальныхъ формальностей, которыя обязательны во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ при лишеніи гражданина какихъ-нибудь правъ и наложеніи какого-нибудь наказанія. Лицо, сосланное такимъ образомъ, можетъ быть неповинно ни въ какомъ преступленіи, предусмотренномъ законами страны, но если, по мнѣнію администраціи, присутствіе его въ данной мѣстности „угрожаетъ общественному спокойствію“, оно можетъ быть арестовано и сослано безъ всякихъ церемоній на край государства, подъ полицейскій надзоръ, срокомъ до 5-ти лѣтъ*). Ему могутъ сообщать, или нѣтъ, причины ссылки, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно равно безпомощно. Онъ не можетъ бороться съ свидѣтельскими показаніями, на основаніи которыхъ его присутствіе считается „опаснымъ“; онъ не можетъ ссылаться на друзей въ удостовѣреніе своей лояльности и невинности, не рискуя увлечь за собою въ ссылку и ихъ;

*) Теперь ссылаютъ административно и на 10 лѣтъ.
(*Прим. переводчика*)

онъ не имѣетъ права требовать суда, или хотя бы допроса; онъ не можетъ сослаться на какую-нибудь гарантію неприкосновенности, за ея отсутствіемъ въ русской жизни; онъ не можетъ аппелировать къ обществу путемъ прессы, — его сообщенія съ внѣшнимъ міромъ охраняются такъ строго, что иногда родители не знаютъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ; — онъ не имѣетъ, однимъ словомъ, ни малѣйшихъ средствъ самозащиты. Какъ иллюстрацію, показывающую, каковы бываютъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ человѣка могутъ счесть за „опаснаго для общественнаго спокойствія", я разскажу здѣсь кое-какіе изъ фактовъ, собранныхъ въ моихъ замѣткахъ.

Многіе нью-іоркцы помнятъ еще, вѣроятно, морскаго офицера Станюковича, состоявшаго въ свитѣ великаго князя Алексѣя въ бытность послѣдняго въ Америкѣ. Этотъ блестящій офицеръ, которому открывалась впереди карьера, отказался отъ нея для литературнаго поприща, которому болѣе отвѣчали и его вкусы и его широкіе либеральные взгляды. Онъ написалъ нѣсколько хорошихъ романовъ и повѣстей, на которые очень косо посматривало русское правительство, и въ 1883 г. купилъ на свое имя извѣстный журналъ „Дѣло". Значительную часть лѣта 1884 г. онъ пробылъ съ семьей въ Баденъ-Баденѣ, и къ концу года, оставивъ семью за границей, отправился въ Петербургъ. Въ Вержболовѣ его арестовали, отвезли въ Петербургъ на казенный счетъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Жена, ничего этого не зная, нѣкоторое время писала ему въ Петербургъ. Наконецъ, не получая отвѣтовъ, она встревожилась и телеграммой въ редакцію журнала справилась о мужѣ. Изъ редакціи ей отвѣчали, что въ Петербургѣ ея мужа нѣтъ. Г-жа Станюковичъ въ смертельной тревогѣ, полетѣла въ Петербургъ. Но и здѣсь она ничего не узнала. Мужъ ея въ редакціи не появлялся; никто изъ знакомыхъ его не видалъ. Онъ исчезъ безслѣдно. Наконецъ кто-то надоумилъ несчастную женщину обратиться къ Оржевскому. Тогда оказалось,

что Станюковичъ арестованъ; что полиція, перехватывая его письма, констатировала фактъ переписки между нимъ и однимъ русскимъ эмигрантомъ. Хотя эта переписка была совершенно невинна и касалась только дѣлъ журнала, но факта, что издатель журнала, притомъ извѣстный, какъ либералъ, переписывается съ эмигрантомъ, оказалось совершенно достаточно, чтобы почесть его пребываніе въ Петербургѣ „опаснымъ", арестовать и сослать его на 3 года въ Сибирь. Журналъ, конечно, былъ пріостановленъ; денежныя дѣла г. Станюковича подорваны въ корнѣ.

Если русское правительство такъ мало церемонится съ людьми, занимающими положеніе, имѣющими вѣсъ, состоятельными, въ столицѣ государства,—можно себѣ представить, что дѣлается въ провинціи съ мелкимъ людомъ, вродѣ студентовъ, рабочихъ и проч.!...

Въ 1879 г. въ Ивангородѣ, Черниговской губерніи, жилъ докторъ Бѣлый, человѣкъ либеральный, но не агитаторъ и не революціонеръ. Однажды двѣ дѣвушки, исключенныя по неблагонадежности изъ женскихъ курсовъ и сосланныя на родину, явились къ нему съ просьбой позволить имъ въ его пріемной и подъ его руководствомъ продолжать свое медицинское образованіе. Онѣ не имѣли права жить въ Ивангородѣ, и обязанность Бѣлаго, какъ вѣрноподданнаго, была, безъ всякихъ церемоній, предать ихъ въ руки полиціи, не обращая вниманія на то, что онѣ явились къ нему съ рекомендаціями, съ просьбой о помощи, довѣряя его чести. Но г. Бѣлый былъ человѣкъ мужественный и благородный. Онъ не отослалъ ихъ въ полицію и согласился помочь имъ. Скоро, конечно, „преступленіе" было открыто, и въ Маѣ доктовъ Бѣлый и его двѣ ученицы были отправлены въ административную ссылку въ Сибирь, именно, въ Верхоянскъ, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ сѣверо-восточной Сибири. Г-жа Бѣлая, прелестная молодая женщина, была беременна и не могла тогда же слѣдовать за мужемъ. Не имѣя достаточныхъ средствъ для путешествія въ 6000 миль,

она должна была ѣхать съ пересыльной партіей медленнымъ этапнымъ путемъ: только черезъ 16 мѣсяцевъ ей предстояло увидѣть своего мужа. Но она его не увидѣла. Тягости пути, невыносимыя для непривычной женщины, вѣчныя заботы и безпокойство о мужѣ подорвали ея физическія и умственныя силы. Не доставало только толчка, чтобы окончательно убить несчастную женщину. Этотъ толчекъ не заставилъ себя ждать. Въ Восточной Сибири есть два города съ созвучными именами — Верхоленскъ и Верхоянскъ. Подъѣзжая къ Верхоленску г-жа Бѣлая думала, что она уже у цѣли, что еще нѣсколько часовъ, — и она увидитъ мужа. И вдругъ случайно она узнаетъ, что ей нужно ѣхать въ Верхоянскъ, и что 3000 миль снѣжной пустыни отдѣляютъ ее отъ мужа. Этого было достаточно. Молодая женщина помѣшалась и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла въ Иркутскомъ госпиталѣ, такъ и не увидѣвъ того, для котораго она столько перенесла. Таковъ голый фактъ. Если бы читатель выслушалъ эту трагическую исторію изъ устъ очевидцевъ, которые изо дня въ день наблюдали эту медленную смерть, онъ перестадъ бы удивляться тому, что подобные факты порождаютъ террористовъ; онъ удивился бы, какъ вся страна, въ которой продѣлываются такія вещи, не обращается къ террору!

Мнѣ было бы очень легко наполнить десятки страницъ перечисленіями такихъ случаевъ административной ссылки, гдѣ не было и тѣни причины.

Вл. Короленко, извѣстный русскій беллетристъ, одна изъ книгъ котораго недавно переведена въ Бостонѣ, былъ сосланъ въ 1879 г. въ Сибирь, какъ потомъ засвидѣтельствовало само правительство, — „по ошибкѣ“. Благодаря вмѣшательству сильныхъ друзей, ошибка была исправлена, и ему дозволено было возвратиться. Раздраженный несправедливостью, онъ отказался дать присягу Александру III, при его вступленіи на престолъ. Тогда, уже „безъ ошибки“, его сослали въ Якутскую область.

Бородинъ, извѣстный сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“, былъ сосланъ въ Якутскую область за „опасный“ и „преступный“ характеръ рукописи, приготовленной для напечатанія въ „От. Зап.“ и найденной у него при обыскѣ. Въ сѣромъ халатѣ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ пошелъ онъ въ Сибирь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ якутской юртѣ имѣлъ удовольствіе прочесть въ „От. Зап.“ ту самую статью, за „преступность“ которой былъ сосланъ.

Очкинъ былъ сосланъ въ 1885 г. въ Сибирь только потому, что (пользуюсь неподражаемой правительственной мотивировкой) „былъ заподозренъ въ намѣреніи перейти въ нелегальность“, т. е. принять на себя вымышленное имя. На какомъ основаніи онъ былъ „заподозрѣнъ въ намѣреніи“ совершить это адское преступленіе, — Очкинъ никогда не могъ узнать. Другой мой знакомый V. былъ сланъ за то, что былъ знакомъ съ Z., который ждалъ надъ собою суда по политическимъ обвиненіямъ. Z. былъ оправданъ, но это не помѣшало V-у, пріятелю этого оправданнаго и, значитъ, невиннаго человѣка отправиться въ Сибирь. — Одинъ молодой студентъ Владиміръ Сигорскій (фамилія вымышленная) былъ арестованъ по ошибкѣ вмѣсто своего однофамильца, Виктора, котораго пребываніе въ Москвѣ показалось кому-то и почему-то „опаснымъ для общественнаго спокойствія“. Напрасно юноша ссылался на то, что онъ не Викторъ, а Владиміръ, что никакого Виктора онъ не знаетъ, что его арестъ — очевидная ошибка. Полиція была слишкомъ занята охотой на „неблагонадежныхъ“, чтобы заботиться объ удостовѣреніи личности какого-то студента, — и Владиміръ Сидорскій отправился въ Сибирь искупать грѣхи своего однофамильца. Счетъ былъ соблюденъ. Когда конвойный офицеръ принималъ партію и на имя Виктора Сидорскаго никто не отозвался, онъ съ проклятіями закричалъ: „Викторъ Сидорскій, гдѣ онъ? Это вы? Почему вы не откликаетесь? — „Потому, что я не Викторъ“, отвѣчалъ студентъ. — „Кто же вы?“—

„Владиміръ“. Офицеръ, такой же поклонникъ счета, какъ и его правительство, хладнокровно переправилъ въ своихъ спискахъ злополучное имя и съ циническимъ остроуміемъ прибавилъ: „Вѣдь это совершенно все равно“.

Въ 1874 году студентъ Лазаревъ былъ арестованъ и, послѣ 4-хъ лѣтняго одиночнаго заключенія, судимъ по обвиненію въ участіи въ революціонной пропагандѣ. Обвиненіе оказалось неосновательнымъ и судъ оправдалъ его. Казалось бы, безпричинный арестъ, 4-лѣтнее заключеніе и полное отсутствіе какого бы то ни было вознагражденія за перенесенныя страданія, могли бы хоть кого сдѣлать террористомъ; — но Лазаревъ съумѣлъ какъ-то совладать съ негодованіемъ, примирился и, окончивъ свое юридическое образованіе, до 1884 г. занимался въ Саратовѣ адвокатурой безъ всякихъ столкновеній съ полиціей. Но въ одинъ злосчастный день его требуютъ къ губернатору, съ которымъ онъ лично знакомъ, и сообщаютъ о полученномъ изъ Петербурга распоряженіи сослать его въ Восточную Сибирь на 3 года. На запросъ въ министерствѣ онъ получилъ отвѣтъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: — „Вы высылаетесь въ Восточную Сибирь, потому, что не отказались отъ своей прошлой преступной дѣятельности“; другими словами полиція отправляла его въ ссылку за то, за что его оправдалъ правительственный судъ. Въ Московской пересыльной тюрьмѣ, гдѣ было собрано много ссыльныхъ для отправки въ Сибирь и куда привезли и Лазарева, зашелъ разговоръ о томъ, за что кого ссылаютъ. Обратились съ вопросомъ и къ Лазареву. — „Не знаю“ — отвѣчалъ онъ. — „Какъ не знаете? — воскликнулъ одинъ изъ товарищей.— У вашего отца была пѣгая корова?“ — „Очень вѣроятно, — отвѣчалъ Лазаревъ, — у моего отца было цѣлое стадо коровъ“. — „Чего же вамъ еще? Этого достаточно, чтобы отправить въ Сибирь цѣлый десятокъ людей! А онъ говоритъ, — не знаю!“

Грубая несправедливость, безжалостная жестокость,

невозможныя „ошибки“ и „недоразумѣнія“, которыми полна практика административной ссылки, которыя дѣлаютъ ее въ глазахъ американца какимъ то дикимъ, ужаснымъ кошмаромъ, обязаны полному отсутствію контроля надъ дѣйствіями власти, полному отсутствію отвѣтственности за беззаконія и насилія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вопросѣ о ссылкѣ, не подлежитъ ни малѣйшему ограниченію. Но такъ какъ ему лично положительно невозможно знакомиться съ дѣлами, по которымъ требуется его заключеніе, онъ долженъ передавать часть своей безотвѣтственной власти начальникамъ полиціи и жандармамъ, губернаторамъ и своимъ непосредственнымъ подчиненнымъ. Эти, по тѣмъ же причинамъ, передаютъ долю своей власти низшимъ чиновникамъ, часто невѣжественнымъ и далеко не безкорыстнымъ, которые и являются въ сущности господами положенія и рѣшителями дѣлъ, съ которыми связаны жизнь и свобода гражданъ. Теоретически, Министръ внутреннихъ дѣлъ въ совѣтѣ, состоящемъ изъ 3-хъ его подчиненныхъ и 2 членовъ отъ Министерства юстиціи долженъ разсматривать всѣ дѣла, влекущія за собою административную ссылку, но практически онъ просто не можетъ дѣлать ничего подобнаго по недостатку времени. Въ 1881 г. передъ департаментомъ полиціи прошло 1500 политическихъ дѣлъ. Если бы министръ внутреннихъ дѣлъ давалъ каждому дѣлу хотя по 1/2, хотя по 1/4 часа своего времени, онъ не могъ бы дѣлать ничего другого. Понятно, что ему остается только подписывать бумаги. Надо думать, что знай онъ, напримѣръ, что обвиненіе противъ Короленко основано на ошибкѣ, онъ не подписалъ бы распоряженія о его ссылкѣ; знай онъ, что статья, за которую онъ отправлялъ Бородина въ Якутскъ, одобрена цензурнымъ комитетомъ, онъ оставилъ бы его въ Петербургѣ. Какъ легко, вообще, въ Россіи получить подпись важнаго чиновнаго лица достаточно показываетъ слѣдующій случай: Столоначальникъ канцеляріи Тобольскаго губернатора, доказывая полную возможность управлять

дѣйствіями своего начальства, побился объ закладъ, что онъ заставитъ губернатора Лиссогорскаго подписать, какъ дѣловую бумагу, молитву „Отче нашъ“. Написавъ молитву въ формѣ дѣловой бумаги, онъ представилъ ее, вмѣстѣ съ прочими бумагами, для подписи на утреннемъ докладѣ, и выигралъ свое пари. Губернаторъ подписалъ молитву, и это была, вѣроятно, самая безвредная бумага, какая только исходила изъ его канцеляріи.

Какъ велико было число такихъ беззаботныхъ губернаторскихъ упражненій на бумагахъ, въ которыхъ рѣшались судьбы людей, видно изъ того, что когда либеральный министръ Лорисъ-Меликовъ принялъ власть въ 1880 г., онъ счелъ необходимымъ назначить особую комиссію для пересмотра всѣхъ случаевъ административной ссылки и при ея помощи исправить, по возможности, тѣ ошибки, недоразумѣнія и беззаконія, противъ которыхъ поднялись протесты со всѣхъ концевъ Имперіи, лишь только появилась надежда, что на нихъ обратятъ вниманіе. Изъ 2800 дѣлъ, представленныхъ на ея разсмотрѣніе, комиссія успѣла до января 1881 года разсмотрѣть 650, изъ которыхъ въ 328 случаяхъ высказалась за освобожденіе и возвращеніе невинно пострадавшихъ.

Единственнымъ средствомъ устранить всѣ подобныя печальныя недоразумѣнія было бы изъять политическія дѣла изъ рукъ неотвѣтственной полиціи, которая самымъ своимъ положеніемъ поставлена въ необходимость ихъ плодить въ что бы то ни стало, для проявленія своего усердія, и передать ихъ законному суду, которому онѣ принадлежатъ по праву. Московское дворянское собраніе, по иниціативѣ одного изъ своихъ членовъ, Самарина, представило императору почтительную, но настоятельную петицію, въ которой просило, чтобы всякому политическому преступнику, подвергающемуся административной карѣ, предоставлено было право требовать формальнаго разсмотрѣнія своего дѣла

судебнымъ порядкомъ. Правительство даже не отвѣчало на эту петицію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ въ 1882 г. негласную инструкцію, резюмирующую положеніе ссыльныхъ и поднадзорныхъ, озаглавленную такъ: „Положеніе о политическомъ надзорѣ“. Въ ней на первыхъ же страницахъ министръ заявилъ, что „ссылка и надзоръ суть не наказанія за преступленія уже совершенныя, а полицейскія мѣропріятія, предупреждающія возможность преступленій, могущихъ быть совершенными въ будущемъ“. Такая формулировка есть только недостойная игра словами, приводящая на практикѣ къ самымъ пагубнымъ и возмутительнымъ послѣдствіямъ. Мѣстныя власти съ такой инструкціей въ рукахъ, естественно слѣдятъ не за дѣлами человѣка, заслуживающими кару, а за его мнѣніями, превратными и опасными; онѣ обращаютъ свои удары на тѣхъ, которыхъ взгляды позволяютъ предполагать „возможность съ ихъ стороны въ будущемъ преступныхъ дѣлъ“. Инструкція вооружаетъ ихъ чисто инквизиціонной властью и должна была бы быть названа „положеніемъ, регулирующимъ частныя мнѣнія“, въ какомъ именно смыслѣ она понята обществомъ и практикуется полиціей. Что же касается до утвержденія, что административная ссылка *не наказаніе*, а способъ предупрежденія необходимости его примѣненія въ будущемъ, то это—такая насмѣшка, передъ которой мы, американцы, становимся въ тупикъ. Если ссылка въ Якутскую область въ Россіи не считается наказаніемъ, то слово „наказаніе“ должно имѣть въ русской юриспруденціи совершенно своеобразное значеніе. Для женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ, ссылка въ Сибирь съ ея ужасными, тяжелыми и противугигіеническими условіями, со всѣми безконечными лишеніями пути и жизни тамъ, почти равняется смертному приговору, и намъ говорятъ, что это не наказаніе, а отеческая мѣра. Въ 1884 г. красивая и интеллигентная дѣвушка, Софья Никитина, была сослана изъ Кіева, гдѣ она училась, въ одну изъ са-

мыхъ отдаленныхъ мѣстностей Восточной Сибири. Зимой 84-85 г., уже проѣхавъ 3000 миль, она захватила тифъ на одномъ изъ на сквозь прогнившихъ и пропитанныхъ ядовитою заразою этаповъ между Томскомъ и Ачинскомъ. На этапахъ нѣтъ ни фельдшеровъ, ни аптекъ, ни пріемныхъ покоевъ, и больной, иногда умирающій, долженъ тащиться до перваго лазарета (ихъ четыре между Томскомъ и Иркутскомъ, на 1000 миль). Не знаю, сколько времени пришлось несчасной дѣвушкѣ плестись больной въ жестокіе морозы, пока она не обрѣла себѣ наконецъ успокоенія въ лазаретѣ, но знаю, что въ Ачинскѣ ея короткая жизнь кончилась. Вѣроятно, для нея было большимъ утѣшеніемъ, умирая въ тюремномъ госпиталѣ за 3000 миль отъ родныхъ и близкихъ, то, что она не наказана, что попечительное начальство для ея же пользы отправило ее умирать въ Сибирь. — Князь Ал. Крапоткинъ, совершенный джентельменъ, хорошій математикъ и астрономъ, былъ сосланъ административно въ Сибирь главнымъ образомъ потому, что былъ братомъ Петра Крапоткина, извѣстнаго революціонера. Послѣ 10-лѣтней ссылки Ал. Крапоткинъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1886 г. — Викторія Гуковская, 14-ти лѣтняя дѣвочка, была сослана въ Сибирь въ 1878 г. а въ 1881 г. повѣсилась въ Красноярскѣ. — Административно высланный Бачинъ, въ припадкѣ помѣшательства убилъ жену, тоже ссыльную, потомъ отравился и самъ..... И вотъ, передъ лицемъ всѣхъ этихъ неподкупныхъ свидѣтельствъ, этихъ трагедій и цѣлаго ряда другихъ, о которыхъ я не упоминаю, правительство имѣетъ смѣлость утверждать, что административная ссылка есть не наказаніе, а мудрая, отеческая мѣра, удерживающая людей на краю пропасти и возвращающая ихъ на истинный путь! Нѣтъ, административная ссылка — болѣе, чѣмъ наказаніе; она есть наказаніе, осложненное свирѣпой и варварской несправедливостью и жестокостью. Если бы она еще хотя бы достигала тѣхъ цѣлей, которыя ей ставятъ, она могла бы найти, съ

точки зрѣнія деспотическаго правительства, если не оправданіе, то снисхожденіе; но и въ этомъ отношеніи она не даетъ ничего хорошаго. Въ недавнемъ своемъ рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ Архангельскій губернаторъ, К. Барановъ, разсматривая вопросъ о административной ссылкѣ, говоритъ слѣдующее:

— „Изъ опыта прошлыхъ лѣтъ и изъ моихъ личныхъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что административная ссылка по политическимъ мотивамъ скорѣе портитъ, чѣмъ исправляетъ характеръ человѣка. Переходъ отъ достаточной жизни къ нищетѣ, отъ общества къ полному его отсутствію, отъ дѣятельности къ вынужденной праздности ведетъ къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, что не рѣдко, особенно въ послѣднее время, сильные сходятъ съ ума, покушаются на самоубійства и совершаютъ ихъ. Это — прямо результатъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыя ставитъ образованнаго человѣка ссылка. Не было еще ни одного случая, чтобы человѣкъ, основательно заподозрѣнный въ политической неблагонадежности и высланный административно, возвратился изъ ссылки примиреннымъ, раскаявшимся, и сталъ бы вѣрнымъ слугою престола и полезнымъ членомъ общества. Съ другой стороны очень не рѣдки случаи, когда человѣкъ, сосланный по недоразумѣнію, по административной ошибкѣ, именно тутъ, въ ссылкѣ, дѣлается неблагонадежнымъ, отчасти вслѣдствіе сношеній съ истинными врагами правительства, отчасти изъ личнаго раздраженія. Если человѣкъ уже зараженъ противоправительственными идеями, всѣ условія его ссыльной жизни стремятся усилить такое настроеніе и развить въ немъ болѣе опасныя стороны характера, обратить его изъ теоретическаго въ практическаго, а, значитъ, и наиболѣе опаснаго, врага порядка. Если же онъ не зараженъ ими, эти условія въ высшей степени благопріятствуютъ зараженію и такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ правительство ожидало

отъ административной ссылки. Какъ бы урегулирована и ограничена ни была административная ссылка, она обязательно вызываетъ въ умахъ сосланныхъ представленіе о безконтрольномъ произволѣ; этого одного достаточно, чтобы помѣшать возвращенію ихъ на истинный путь".

Болѣе справедливой оцѣнки результатовъ ссылки еще не давало ни одно высшее русское должностное лицо, и если бы я хотѣлъ обратить вниманіе читателя только на безцѣльность и непрактичность административной ссылки, мнѣ было бы достаточно сослаться на рапортъ Баранова. Но на нее можно смотрѣть и съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія морали, справедливости, гуманности. Объ этомъ я буду еще имѣть случай поговорить. Здѣсь я пытался показать, съ какой беззаботной небрежностью, съ какой вопіющей несправедливостью русскіе граждане подвергаются административному произволу. Далѣе я остановлюсь на тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ приходится жить сосланнымъ въ Сибирь.

Позднее время года, порча дорогъ и прочія соображенія помѣшали намъ пробыть въ Усть Каменогорскѣ подольше. Но все же, какъ ни коротко было въ немъ наше пребываніе, оно въ значительной степени облегчило дальнѣйшіе шаги по части знакомства съ политическими ссыльными и сдѣлало почти несомнѣннымъ успѣхъ нашего предпріятія. Мнѣ и раньше казался очень труднымъ и сложнымъ вопросъ, какъ искать ссыльныхъ, какъ съ ними знакомиться, безъ опасныхъ вопросовъ и розысковъ. Не вездѣ же, въ самомъ дѣлѣ, отыщется либеральный офицеръ (какъ напр., въ Семипалатинскѣ), который самъ, по своей иниціативѣ захочетъ стать нашимъ чичероне? Мы и такъ проѣхали уже по крайней мѣрѣ полъ-дюжины городовъ и деревень, гдѣ, какъ

оказалось, имѣлись очень интересныя колоніи ссыльныхъ, и гдѣ, знай мы это, мы бы, конечно, остановились. Но мы не знали этого, да главное, и не могли знать, потому что я боялся нескромными вопросами привлечь на себя вниманіе полиціи, вызвать въ ней сомнѣніе и подозрительность: что намъ за дѣло до политическихъ ссыльныхъ: почему мы ихъ такъ усердно разыскиваемъ?...

Въ Усть Каменгорскѣ эти затрудненія были окончательно устранены. Мы не только получили отъ тамошнихъ ссыльныхъ массу полезныхъ свѣденій, совѣтовъ и указаній, но и запаслись цѣлой кучей рекомендацій къ людямъ, которые могли бы быть для насъ полезными, къ либеральнымъ чиновникамъ и офицерамъ, и длиннымъ спискомъ 700 политическихъ ссыльныхъ, по всей Сибири, съ именами, адрессами, характеристиками и прочими указаніями Съ такимъ багажемъ въ рукахъ мы могли наконецъ вздохнуть свободно. Теперь правительство могло бы помѣшать намъ въ нашемъ предпріятіи. единственно изгнавъ насъ изъ страны. Намъ не надо было больше задавать опасные вопросы и ощупью, въ потемкахъ, отыскивать свою дорогу. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ мы точно знали, къ кому обратиться, не боясь ни ошибокъ, ни недоразумѣній...

Въ воскресенье 6-го августа мы въ послѣдній разъ пообѣдали съ каменогорцами, пропѣли имъ на прощаніе „John Brown's Body“ и The Star-spangled banner“, и въ 6 часовъ вечера выѣхали на почтовыхъ въ Томскъ, черезъ Барнаулъ. Дорога сначала шла по мѣстамъ голымъ и выжженнымъ солнцемъ, почти пустыннымъ, если не считать попадавшихся по временамъ на глаза овечьихъ стадъ съ сторожевыми верховыми киргизами, которые съ своими высокими остроконечными шапками, черными лицами и наглазниками изъ плетеннаго волоса. высматрпвали чистыми чертями. Въ рѣдкихъ деревняхъ попадались иногда огороды съ подсолнечниками, недозрѣлыми арбузами и дынями, но вообще

страна была необработана, да, кажется, безъ искуственнаге орошенія и недоступна для обработки. Въ Пьяногорскѣ мы бросили наконецъ Семипалатинскую дорогу и, переваливъ черезъ низкій водораздѣлъ между системами Иртыша и Оби, поѣхали по Томской губерніи. Дорога была сильно попорчена дождями, на станціяхъ не было возможно достать сносной пищи, а спать нечего было и думать изъ-за миріадъ блохъ. Такъ, на станціяхъ Шеманаевской и Кошниной послѣ безплодныхъ усилій уснуть, я долженъ былъ обѣ ночи на пролетъ просидѣть за писаніемъ, причемъ каждую ночь не смотря на свѣтъ, я казнилъ на письменномъ столѣ нѣсколько десятковъ блохъ. Плохая пища, безсонная и тряская ѣзда въ теченіи 96 часовъ пути до Барнаула довели насъ до крайне тяжелаго и плачевнаго положенія, и помѣшали мнѣ какъ слѣдуетъ осмотрѣть городъ. Барнаулъ, городъ въ 17 тысячъ жителей, центръ богатаго и важнаго алтайскаго горнозаводскаго округа. Странно поражаетъ въ немъ путешественника видъ нѣкоторыхъ претенціозныхъ домовъ, съ коллонадой и орнаментами на фасадахъ, полуразрушенныхъ или приходящихъ въ упадокъ. Они были выстроены много лѣтъ назадъ, когда коронные инженеры, получая 2, 3 тысячи рублей годоваго жалованія, имѣли „доходы“ въ 100 и болѣе тысячъ, когда они, подчиняясь модѣ, платили гувернанткѣ француженкѣ свое годовое жалованіе, французу—повару—вдвое больше, а свое грязное бѣлье отправляли для стирки по почтѣ въ Парижъ. Алтайскіе рудники составляютъ большею частью собственность кабинета. Отъ 1870—79 годовъ они дали 6,984 фунта золота, 206,964 ф. серебра, 9,639,620 фунтовъ мѣди и 13,221.396 ф. свинцу. М-ръ Фростъ съ дѣлающею ему честь энергіей, вооруженный фотографическими принадлежностями и карандашемъ, исходилъ весь городъ и снялъ нѣсколько интересныхъ видовъ, между прочимъ базаръ и любопытное зданіе, судя по архитектурѣ, предназначенное для чего-то въ родѣ русскаго дорическаго храма, но обращенное нынѣ въ тюрьму, какъ въ учреж-

деніе болѣе практическое и отвѣчающее потребностямъ мѣста. Со стыдомъ признаюсь, что я почти не сопровождалъ его въ этихъ экскурсіяхъ. Я чувствовалъ себя слишкомъ обез пленнымъ и хотѣлъ отдохнуть. Къ сожалѣнію, однако, въ Бернаулѣ оказалось ничуть не меньше блохъ, чѣмъ на станціяхъ, и все время своего пребыван я тамъ я провелъ въ борьбѣ съ этимъ неумолимымъ, неуловимымъ врагомъ. 18 Августа мы выѣхали наконецъ въ Томскъ. Мѣста, по которымъ мы теперь ѣхали, выгодно отличались отъ пустынныхъ степей верхняго Иртыша, и своею сравнительной культурностью, плодородіемъ, зеленью полей, усѣянныхъ цвѣтами напоминали Фросту его родину въ Массачузетѣ, „Мнѣ кажется, что я на Беркширской дорогѣ“, говорилъ онъ. Между прочимъ мы проѣхали мимо знаменитаго своею живописностью Колыванскаго озера и Фростъ снялъ съ него нѣсколько видовъ. Но я къ сожалѣнію былъ такъ измученъ безсонными ночами, что почти безучастно проѣзжалъ по интереснымъ мѣстамъ съ одною только мыслью въ пустой головѣ: скоро-ли Томскъ. Наконецъ 20 Августа въ 4 часа пополудни, мы въѣхали въ его улицы. Прежде всего мы взяли конфортабельную комнату, и, послѣ обѣда, перемѣнивъ бѣлье, съ наслажденіемъ вытянули свои изнеможенныя тѣла на цивилизованныхъ постеляхъ, въ первый разъ за два почти мѣсяца. За это время мы сдѣлали на лошадяхъ 1500 мпль, посѣтили двѣ большихъ тюрьмы, познакомились съ тремя колоніями политическихъ ссыльныхъ и видѣли самые дикіе уголки Западной Сибири.

Томскъ—городъ въ 31,000 жителей, и по величинѣ и значенію считается вторымъ въ Сибири, но по предпріимчивости, интеллектуальному развитію, благосостоянію населенія, онъ мнѣ кажется первымъ. Въ немъ 8,000 домовъ, изъ которыхъ 250 кирпичныхъ, 29 церквей, 1 костелъ, 1 мечеть и 2 синагоги; 26 школъ съ 2,500 учащимися; очень хорошая публичная библіотека, 2 газеты, находящіяся впрочемъ большую часть года подъ запрещеніемъ за свое „вредное направленіе“ и

новое роскошное университетское зданіе, уже три года оконченное, но не открываемое правительствомъ опять таки изъ за той же боязни „возможнаго вреднаго направленія“. Томская губернія занимаетъ 330,000 квадр. миль. Въ ней 8 городовъ, 2,719 деревень и 1,100,000 населенія, изъ которыхъ 90,000 туземцевъ и 30,000 уголовныхъ ссыльныхъ изъ Европейской Россіи. Южная часть очень плодородна, съ прекраснымъ климатомъ, большимъ количествомъ водъ и строеваго лѣса. 3,600,000 акровъ, находящихся подъ обработкой даютъ ежегодно 30,000,000 бушелей зерна и 4,500,000 буш. картофеля, не говоря о менѣе важныхъ продуктахъ, какъ табакъ, ленъ, конопля и пр., а на деревенскихъ пастбищахъ пасется 2,500,000 головъ скота. Изъ этихъ немногихъ данныхъ видно, что, не смотря на плохое управленіе, ограниченную иммиграцію, доморализующее вліяніе ссылки, томская губернія все же до извѣстной степени культурна. Если бы она была въ рукахъ американцевъ и если бы была допущена свободная иммиграція изъ Европейской Россіи, она скоро стала бы столь же цвѣтущей и населенной, какъ любой изъ нашихъ сѣверо-западныхъ штатовъ. Рессурсы ея неограниченны. Все, въ чемъ она нуждается,—это хорошее правительство и свобода частной предпріимчивости. Но пока деспотическая администрація изъ С. Петербурга будетъ держать закрытыми ея газеты и университеты, сама—выбирать учителей и предписывать программы обученій, запрещать чтеніе лучшихъ сочиненій въ ея библіотекахъ, связывать населеніе по рукамъ и по ногамъ суровой паспортной системой, управлять страной при посредствѣ подкупныхъ и жалко оплачиваемыхъ чиновниковъ и ежегодно насильственно бросать сюда испорченный элементъ уголовныхъ ссыльныхъ, — до тѣхъ поръ она останется тѣмъ, что она есть теперь, т. е. колоніей, по характеру предпріимчивой и многообѣщающей, но связанной безцѣльною и гнетущею опекою бюрократической метрополіи. Правительство хочетъ провести здѣсь желѣзную дорогу. Оно сдѣлало бы гораздо

лучше, разжавъ немного руку, которою оно держитъ несчастную колонію, позволивъ ей имѣть свое сужденіе о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, давъ ей право ихъ обсужденія въ газетахъ, уничтоживъ стѣсненія свеободы передвиженій, остановивъ приливъ ссыльныхъ и затѣмъ позволивъ ей развиваться самой. Страна въ половину менѣе нуждается въ „насильственномъ развитіи“, чѣмъ въ „свободѣ для развитія“ *).

Первымъ моимъ дѣломъ въ Томскѣ было, — навѣстить ссыльныхъ и нѣкоторыхъ офицеровъ, къ которымъ у меня имѣлись рекомендаціи. Отъ нихъ я узналъ, что губернатора въ городѣ нѣтъ, и его мѣсто временно занимаетъ Пѣтуховъ, предсѣдатель губернскаго правленія, человѣкъ, какъ говорятъ, образованный и, до извѣстной скепени, либеральный. Отправившись къ нему съ визитомъ, я былъ принятъ очень любезно и сердечно. Оказалось, Пѣтуховъ читалъ мое сочиненіе о сѣверо-восточной Сибири, Послѣ получасовой оживленной бесѣды, губернаторъ предложилъ мнѣ свое содѣйствіе, въ чемъ возможно. Я тотчасъ же попросилъ разрѣшенія посѣтить пересыльную тюрьму. На лицѣ моего собесѣдника показалось, было, нѣкоторое замѣшательство, но я, не смущаясь, указалъ на то, что въ двухъ губерніяхъ я имѣлъ такое разрѣшеніе и воспользовался имъ. Тогда губернаторъ рѣшился и, не

*) Такъ какъ цѣль настоящихъ статей — передать результаты изслѣдованія главнымъ образомъ системы русской ссылки, то читатель, надѣюсь, пойметъ, что я не могу здѣсь же приводить всѣ тѣ факты касающіеся сибирской администраціи и экономическаго положенія Сибири, на основаніи которыхъ я дѣлаю общія заключенія. Что я не преувеличиваю золь, проистекающихъ изъ подкупнаго и нелѣпаго контроля деспотической бюрократіи, для сибирскихъ провинцій, я буду имѣть случай показать дальше, на основаніи оффиціальныхъ донесеній сибирскихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, и на основаніи заявленій сотенъ крестьянъ, купцовъ, заводчиковъ, офицеровъ, журналистовъ и чиновниковъ во всѣхъ концахъ Сибири.

(*Примѣчаніе автора*).

разпрашивая о моихъ цѣляхъ, сказалъ: „Хорошо! Я дамъ Вамъ это разрѣшеніе, и, если хотите, самъ пойду съ Вами“, и затѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, прибавилъ: „боюсь, что худшей тюрьмы Вы не найдете въ Сибири“. Я постарался его успокоить, говоря, что „едва ли это такъ; едва ли можетъ быть гдѣ-нибудь тюрьма хуже тюменской“. Но г. Пѣтуховъ только пожалъ плечами, какъ бы говоря: „Вы еще не знаете, *какою* можетъ быть сибирская тюрьма“. „Чего же и ожидать, — сказалъ онъ громко, — когда въ тюрьмѣ вдвое болѣе народа, чѣмъ должно быть. Вы знаете, что она была построена на 1,400 человѣкъ, а теперь въ ней 3,000. Да еще каждую недѣлю баржи привозятъ изъ Тюмени по 500-800 человѣкъ, тогда какъ мы не можемъ отправлять отсюда болѣе, чѣмъ по 400 человѣкъ въ недѣлю. Такимъ образомъ положеніе вещей съ каждой недѣлею ухудшается. Камеры страшно переполнены; чистоту въ нихъ соблюдать невозможно, воздухъ отвратителенъ и порождаетъ болѣзни, а тюремный госпиталь набитъ сверху до низу заразительными больными“.

„Знаетъ-ли объ этомъ петербургское правительство?“ спросилъ я.

„О! Конечно. Объ этомъ рапортуютъ ему ежегодно. Въ это лѣто, кромѣ рапортовъ, я послалъ въ Петербургъ 4 телеграммы, спрашивая, что мнѣ дѣлать, чтобы очистить тюрьму?“

„Ну и что же было сдѣлано?“

„Да ничего! Вотъ пройдетъ лѣто, прекратится баржевая перевозка, и за зиму тюрьма понемногу освободится. А пока — тифъ будетъ свирѣпствовать, и больные будутъ оставаться безъ ухода въ камерахъ, потому что въ госпиталѣ нѣтъ мѣста... Я Вамъ совѣтую хорошенько позавтракать передъ посѣщеніемъ тюрьмы и держаться подальше отъ госпитальныхъ палатъ“.

Я поблагодарилъ за совѣтъ и откланялся. На возвратномъ пути меня встрѣтилъ полковникъ Ягодинъ, мѣст-

ный воинскій начальникъ, съ которымъ я уже познакомился. Онъ предложилъ мнѣ отправиться сейчасъ присутствовать при пріемѣ съ баржи арестантской партіи, мплахъ въ 3 отъ города. Черезъ 10 минутъ я, Фростъ и полковникъ Ягодинъ летѣли на извощикѣ къ пристани. Несмотря, однако, на всю нашу поспѣшность, мы значительно опоздали и застали партію уже высаженною на берегъ. Половина была уже принята, другая стояла, ожидая своей очереди. Женщины, стоявшія отдѣльною кучкой, были, въ большинствѣ, въ обыкновенныхъ крестьянскихъ костюмахъ, съ цвѣтными платками на головахъ и съ лицами, на которыхъ были написаны страхъ и напряженное безпокойство. Мущины были въ арестантскихъ халатахъ поверхъ грубыхъ полотняныхъ рубахъ и портовъ, съ кандалами на ногахъ и съ бритыми половинами головъ. Вокругъ огорожи, внутри которой помѣщались арестанты, стояла цѣпь солдатъ, опираясь на ружья съ примкнутыми штыками, а на не большомъ возвышеніи, нѣсколько въ сторонѣ, помѣщалось начальство: конвойный офицеръ, нѣсколько чиновниковъ изъ мѣстнаго приказа о ссыльныхъ, врачъ и еще нѣсколько какихъ-то офицеровъ. Полковникъ Ягодинъ представилъ насъ этой компаніи, и мы заняли тутъ же мѣста. Офицеръ, принимавшій партію, развернулъ листъ бумаги, взятый изъ цѣлой кучи, лежавшей передъ нимъ, и крикнулъ: „Николай Кольцовъ!“ Худой и блѣдный арестантъ съ усталымъ и безнадежнымъ лицемъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ толпы, поднялъ свой мѣшокъ и, звякая кандалами, направился къ пріемному столу. Офицеръ заботливо сравнивалъ его лицо съ фотографической карточкой, подшитой къ статейному списку, пока казакъ обыскивалъ его карманы и разсматривалъ содержимое мѣшка, чтобы удостовѣриться, въ наличности ли казенныя вещи, полученныя арестантомъ въ Москвѣ или Тюмени и проставленныя въ спискѣ. — „Ну что? Все?“ — спросилъ офицеръ. — „Все, Ваше благородіе“,—отвѣчалъ казакъ.— „Сту-

пай“ — приказалъ офицеръ, и худой арестантъ присоединился къ „принятымъ“ по другую сторону стола.

„Фотографія — новинка у насъ; только часть ссыльныхъ имѣетъ ихъ, — сказалъ мнѣ Ягодинъ. — Онѣ введены, чтобы затруднить перемѣны именъ.“

„Перемѣны именъ? — удивился я: — что это значитъ?“

„Видите ли, въ чемъ дѣло: если какой-нибудь каторжанинъ имѣетъ у себя немного денегъ, онъ всегда находитъ проигравшагося бѣдняка-поселенца, съ которымъ и мѣняется именемъ, а значитъ и наказаніемъ за нѣсколько рублей. Конвойный офицеръ не можетъ, конечно, упомнить всѣ физіономіи въ партіи; такимъ образомъ вчерашній каторжанинъ выходитъ сегодня на перекличкѣ за своего смѣнщика, и черезъ нѣсколько дней за него же выпускается на поселеніе. Цѣлыя сотни каторжанъ избавляются такимъ образомъ отъ своихъ наказаній на счетъ глупцевъ или несчастныхъ...“

„Гассанъ Абдалимовъ!“ — крикнулъ, между тѣмъ принимавшій партію офицеръ.—Никто не двинулся. — „Гассанъ Абдалимовъ“ — закричалъ громче казакъ.— „Ступай, ступай, дуракъ, это тебя кличутъ“ — заволновалась толпа, выталкивая впередъ маленькаго коренастаго татарина, на смугломъ и плоскомъ лицѣ котораго написана была боязливая дикость. — „Онъ не понимаетъ по нашему, ваше благородіе — сказалъ почтительно одинъ изъ арестантовъ: — да и глуповатый онъ“. „Веди его сюда“ — обратился къ казаку офицеръ. Когда Гассанъ былъ обысканъ и принятъ, онъ не поднялъ, какъ другіе, своего мѣшка и не пошелъ въ толпу, а началъ кланяться, жестикулировать и что-то быстро говорить на своемъ татарскомъ языкѣ, дѣлаясь, по мѣрѣ своей рѣчи, все болѣе и болѣе возбужденнымъ. „Что онъ болтаетъ? Эй, кликни сюда какого-нибудь солдата, который говоритъ по татарски“ — распорядился офицеръ. Явился переводчикъ: — „Онъ говоритъ, ваше высокоблагородіе, — объяснилъ переводчикъ, —

что у него 8 рублей взяли, когда его забрали, и въ Сибири, сказали, отдадутъ. Онъ и проситъ теперь денегъ, чтобы купить себѣ чаю".

„Нѣту шай!" — повторилъ послѣднее слово татаринъ съ жестомъ крайняго отчаянья.

„О! Чтобъ его чертъ побралъ съ его чаемъ, — закричалъ взбѣшенный офицеръ. — Есть тутъ, когда толковать объ этой ерундѣ. Получишь деньги, когда прійдешь на мѣсто. Ну, провалпвай! Возьмите его!"— и бѣднаго татарина втолкнули въ кучу принятыхъ.

„Иванъ Непомнящій, — рыжій!" — крикнулъ офицеръ. — „Это — бродяга — объяснилъ мнѣ полковникъ Ягодинъ. — Его арестовали въ Западной Сибири, и такъ какъ въ его прошломъ имѣется, вѣроятно, что-нибудь неудобооткрываемое и обѣщающее наказаніе, онъ оставляетъ его въ тайнѣ, отвѣчая на всѣ вопросы: „не помню, не знаю". Это — опасный народъ. За скрытіе настоящаго своего имени ему грозитъ 5-тилѣтняя каторга."

Фотографіи „рыжаго", конечно, не имѣлось и его личность была установлена довольно первобытнымъ способомъ, — счетомъ недостающихъ по статейному списку зубовъ и осмотромъ шрама надъ правымъ ухомъ.

Такимъ образомъ прошли, наконецъ, передъ етоломъ всѣ арестанты. Ихъ припяли, пересчитали и смотритель томской пересыльной тюрьмы выдалъ конвойному офицеру расписку въ полученіи 551 человѣка, въ томъ числѣ 71 дѣтей ниже 15-тилѣтняго возраста, идущихъ за своими родителями. Мѣсто офицера за столомъ занялъ тогда докторъ и, вооружившись стетоскопомъ и другими инструментами, началъ поверхностный и быстрый осмотръ больныхъ, не могущихъ идти и нуждающихся въ телѣгахъ. Первымъ подошелъ высокій, худой и блѣдный арестантъ, который съ усиліемъ и могильнымъ кашлемъ отвѣчалъ на вопросъ доктора, что у него болитъ грудь и ему трудно дышать. Док-

торъ пощупавъ его пульсъ и на секунду прiложивъ къ его груди свое ухо, коротко произнесъ: „ступай; ты можешь идти!“ Подошелъ слѣдующій — съ опухшей ногою, на которую, очевидно, съ сильной болью давили кандалы. Онъ ничего не говорилъ, пока его осматривали, и только смотрѣлъ на доктора со страхомъ ожиданія и молчаливой мольбою. Когда докторъ выдалъ ему „свидѣтельство на подводу“, онъ три раза перекрестился и его губы безшумно задвигались, произнося благодарность. Хотя въ партіи было 40—50 человѣкъ, подлежавшихъ освидѣтельствованію, но докторъ кончилъ свое дѣло въ полъ-часа. Иные изъ нихъ были лихорадочные, иные — ревматичные, иные — чахоточные, но всѣ они на мой некомпетентный взглядъ были вполнѣ достаточно больны, несчастны и слабы, чтобы имѣть право на подводы. Но опытный и привычный докторъ прехладнокровно произносилъ свое „ступай“ больнымъ, которые еще не окончательно умирали. Когда эта операція кончилась, раздалась команда: „стройся!“ и арестанты поспѣшно построились въ колонну. Мѣстный начальникъ „приказа о ссыльныхъ“, Попелаевъ обратился къ нимъ съ обязательнымъ вопросомъ: „Ну, ребята, есть у васъ какія-нибудь жалобы?“ „Никакихъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе“, отвѣчала толпа. „Ну. ступайте съ Богомъ!“. Открылась рѣшетка, раздалась команда „маршъ“ и со звономъ сотенъ паръ кандаловъ сѣрая колонна двинулась къ городу по грязной дорогѣ. Полковникъ Ягодинъ воспользовавшись свободной минутой. представилъ насъ Папелаеву. Этотъ господинъ, высокій и худощавый, съ суровымъ и холоднымъ выраженіемъ лица, принялъ насъ вѣжливо, но сухо и, казалось, былъ не особенно доволенъ, видя насъ здѣсь. Выраженное же нами желаніе посмотрѣть внутренность арестантской баржи было ему, очевидно, совсѣмъ непріятно. „Что имъ нужно на баржѣ? — сказалъ онъ рѣзко Ягодину, — нечего тамъ смотрѣть; да и неприлично: тамъ теперь женщины моютъ полы“. Потерпѣвъ крушеніе у Папелаева, Яго-

динъ не отказался отъ своего предпріятія, зная, какъ мнѣ хотѣлось увидѣть баржу, только что оставленную своимъ населеніемъ, и представилъ насъ черезъ нѣсколько минутъ конвойному офицеру. На этотъ разъ дѣло вышло проще. Офицеръ не видѣлъ, почему бы полковнику Ягодину и его пріятелямъ и не взойти на баржу, разъ у нихъ имѣется такое странное желаніе, и любезно взялся сопровождать насъ. Эту самую баржу я видѣлъ два мѣсяца тому назадъ въ Томскѣ. Тогда она была такъ чиста и опрятна, воздухъ въ ней былъ такъ свѣжъ и здоровъ, а теперь...? Это было нѣчто ужасное; хуже, чѣмъ только что оставленная клѣтка въ звѣринцѣ! Атмосфера, удушливая до послѣдней степени; полъ, покрытъ липкимъ толстымъ слоемъ грязи съ разбросанными повсюду остатками пищи, тряпками и лоскутами бумаги; нары грязныя и липкія отъ жиру... При сѣроватомъ полусвѣтѣ, падавшемъ изъ маленькихъ окошекъ, это зрѣлище величайшей человѣческой нищеты и бѣдствій придавило бы самыя крѣпкія нервы. Henry Lansdell, въ своей недавней статьѣ „Russian convicts in the salt mines of Iletsk“, говоритъ между прочимъ: „Я слышалъ преувеличенные отзывы объ этихъ баржахъ... Я и самъ не думаю, чтобы онѣ были чисты и здоровы, какъ первокласныя каюты, но...“ Если бы Лансдель видѣлъ пересыльную баржу тотчасъ, по ея прибытіи, въ ея естественномъ, такъ сказать, состояніи, я убѣжденъ, что у него не явилось бы и мысли о первоклассныхъ каютахъ. Въ доказательство, что такая баржа въ гигіеническомъ отношеніи не безконечно далека отъ первокласныхъ каютъ, Лансдель приводитъ слова одного конвойнаго офицера, что въ 1882 году 8 баржъ перевезли 6000 арестантовъ, изъ числа которыхъ 2 только умерли въ дорогѣ, и только 20 были привезены больными въ Томскъ. Я самъ когда-то смотрѣлъ на русскую ссыльную систему также, какъ смотритъ на нее теперь Лансдель, но теперь, когда факты и добросовѣстныя изслѣдованія показали мнѣ, какъ жестоко я ошибался, я могу, не заподозрѣвая

искренности Ланселя, съ полнымъ правомъ утверждать, что его ссылки не имѣютъ ни малѣйшаго основанія въ дѣйствительности, и что слова конвойнаго офицера были безъ сомнѣнія намѣренно лживы. Согласно рапорту пересылочнаго инспектора въ 1882 году, — годъ о которомъ говоритъ Лансель, — было перевезено не 6,000 а 10,245 человѣкъ. Изъ нихъ 279 человѣкъ были взяты съ баржъ больными, 22 умерли въ дорогѣ, и 87 были оставлены опасно больными въ городахъ между Тюменью и Томскомъ. И это въ продолженіе путешествій, продолжающихся, каждое, 10 дней только. Если въ городѣ съ 10,245 челов. жителей въ каждые 10 дней умираетъ 22 и заболѣваетъ 279 человѣкъ, мы имѣемъ 99% болѣзненныхъ и 8% смертныхъ случаевъ въ году. Едва-ли, рядомъ съ этими цифрами, можно говорить о первокласныхъ каютахъ. И это еще не самыя ужасныя цифры. Въ 1879 г. было заболѣвшихъ 724 и умершихъ — 51; въ 1871 году изъ 9,416 (всего числа перевезенныхъ) было заболѣвшихъ — 1,140 человѣкъ, и умершихъ — 111. Такая смертность въ годъ уничтожила бы безъ остатка населеніе въ 4,000 человѣкъ. Всѣ эти цифры взяты изъ оффиціальныхъ рапортовъ. Мѣстная администрація дѣлаетъ все возможное для улучшенія положенія ссыльныхъ, при тѣхъ недостаточныхъ суммахъ и средствахъ, которыя правительство отпускаетъ на прокормленіе и содержаніе арестантовъ. Баржи моются и дезинфекцируются послѣ каждаго конца, принимаются иныя, возможныя мѣры и цифры болѣзней и смертности постепенно уменьшаются. Если онѣ всѣ еще слишкомъ велики, вина лежитъ въ недостаткѣ перевозозныхъ средствъ и помѣщеній для ссылаемой массы. Приходится набивать по 600-800 человѣкъ въ одну баржу, и, конечно, получаются крайне печальные результаты.

Въ пятницу,—день назначенный для осмотра тюрьмы, — Пѣтуховъ прислалъ за себя извинительное письмо и назначилъ вмѣсто себя Папелаева. Компанія наша со-

стояла изъ меня, Фроста, Ягодина, Папелаева и конвойнаго офицера, показывавшаго баржу. Пересыльная тюрьма поразила меня уже снаружи своимъ видомъ. Вмѣсто обычнаго трехъ-этажнаго бѣлаго зданія передъ нами появился цѣлый рядъ длинныхъ одноэтажныхъ зданій, окруженныхъ общимъ высокимъ заборомъ изъ стоймя поставленныхъ одно подлѣ другаго бревенъ, (по сибирски — „*пали*“). Если бы не будки часовыхъ по угламъ, и не звонъ кандаловъ за палями, я бы подумалъ, что это — временные солдатскіе бараки, или пограничная деревня, окруженная частоколомъ отъ нападеній индійцевъ. Насъ впустили. Во дворѣ было безъ большой правильности расположено 12-15 одноэтажныхъ деревянныхъ зданій, возлѣ которыхъ бродили или сидѣли сотни заключенныхъ, выпущенныхъ на прогулку. Зданій, въ которыхъ собственно помѣщались арестанты, было 8, построенныхъ по одному типу. Каждое изъ нихъ дѣлилось перегородкою на двѣ большія камеры въ 40-50 квадр. футовъ. Въ первой камерѣ, въ которую мы вошли, достаточно свѣтлой, но до невозможной степени грязной, не смотря на то, что къ нашему прибытію полы были вымыты и все приведено въ нѣкоторый порядокъ, — помѣщалось человѣкъ 150. Только половина имѣла мѣста на нарахъ; другіе должны были спать подъ нарами, по угламъ и на проходахъ. Арестанты, думая, что мы — пріѣзжіе ревизоры, обращались къ намъ, забывая дисциплину и страхъ передъ начальствомъ, съ жалобами на тѣсноту, грязь, жару и удушливый тяжелый воздухъ. Съ часъ ходили мы такимъ образомъ изъ камеры въ камеру. Наконецъ, Папелаевъ, который, казалось, съ такой же неохотой терпѣлъ насъ здѣсь, какъ и раньше, на баржѣ, сказалъ, обращаясь къ намъ, что все осмотрѣно, кромѣ кухни и госпиталя, куда идти не слѣдуетъ, въ виду царящаго тамъ тифа. На наше счастье, молодой офицеръ, который такъ охотно показывалъ намъ баржу и съ тѣхъ поръ охотно помогалъ полковнику Ягодину въ его роли нашего чичероне, спросилъ смотрителя: „не покажете-ли

Вы намъ семейныхъ камеръ и балагановъ?“ Съ удовольствіемъ, если прикажете“, — отвѣчалъ тотъ. „А я и не зналъ раньше ничего о балаганахъ“, — замѣтилъ смущенный Папелаевъ.

Балаганы, оказалось, были длинныя, низкія зданія, наскоро сколоченныя изъ неотесанныхъ бревенъ съ короткими сторонами, состоящими просто изъ натянутаго полотна. Ихъ было трое и заняты они были исключительно семейными, женщинами и дѣтьми. Первый, къ которому мы подошли, былъ окруженъ грязной канавой, наполовину полной нечистотъ, стекавшихъ изъ-подъ полотняныхъ стѣнъ. Оконъ въ балаганѣ не было и свѣтъ въ него доходилъ черезъ пологно. Болѣе жалкаго зрѣлища нищеты и страданій, чѣмъ то, которое представилось намъ при входѣ, — трудно себѣ вообразить. Балаганъ былъ буквально набитъ сотнями мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ изнеможенными и страдальческими лицами, сидѣвшихъ и стоявшихъ и на нарахъ, и подъ нарами, и во всѣхъ углахъ камеры. Непригнанныя доски пола разошлись, и образовавшіяся щели употреблялись жителями этого ада для естественныхъ надобностей. Атмосфера была ужасна, особенно вслѣдствіе присутствія дѣтей, за которыми былъ немыслимъ какой бы то ни было уходъ. Грязныя и выполосканныя пеленки были развѣшены повсюду. Мѣста, не занятыя людьми, были заняты мѣшками и всякимъ скарбомъ. И въ этомъ ужасномъ безпорядкѣ, тѣснотѣ и грязи сотни человѣческихъ существъ должны были жить и исполнять всѣ обязанности ежедневной жизни. Ужасно было видѣть такую массу женщинъ и дѣтей, ни въ чемъ не повинныхъ и попавшихъ въ такое положеніе, на такія страданія, за свою любовь къ ссыльнымъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ.

„Ваше благородіе! — обратился къ смотрителю одинъ арестантъ, когда мы проходили мимо него, — Нѣтъ мочи спать здѣсь; такая тѣснота и холодъ. Сдѣлайте божескую милость, устройте насъ гдѣ-нибудь!“

„Ничего, братецъ, не могу сдѣлать; ничего. Вотъ скоро въ партіи пойдете; тамъ лучше будетъ — отдохнете“.

„Дай-то Господи!“ тоскливо отвѣтилъ проситель, поворачиваясь къ своей семьѣ.

„Батюшка, благодѣтель! — со слезами бросилась къ намъ баба съ ребенкомъ у груди. — Ради Христа дозвольте мнѣ въ банѣ ночевать. Здѣсь такъ холодно по ночамъ; ребенокъ, того и гляди, помретъ.“

„Не могу, голубушка! Потерпи уже“ — отвѣтилъ смотритель. Онъ казался мнѣ такимъ добродушнымъ человѣкомъ, что отказъ женщинѣ въ ея просьбѣ былъ для меня совершенно непонятенъ. Я обратился къ нему за разъясненіями.

„Невозможно! — отвѣчалъ Иваненко. — Въ банѣ слишкомъ сыро и жарко. Я попробовалъ было пускать туда ночевать вотъ такихъ же, да что вышло? Каждую ночь умирало по одному, а то и по два ребенка. Пришлось оставить.“ Мнѣ оставалось только замолчать. — Выходя изъ балагана, мы увидѣли на дворѣ Папелаева разговаривающимъ съ какимъ-то красивымъ арестантомъ, лѣтъ 35-ти, съ лицомъ, выражающимъ крайнее волненіе и вызывающее отчаяніе. „У меня только одна рубаха, говорилъ онъ трепещущимъ голосомъ; да и та грязная изорванная, полная вшей!“

„Ну, такъ что-же?“ — съ презрительнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Папелаевъ. — Ты получишь другую, когда пойдешь въ партіи.“

„Но, когда же это будетъ?“ — возразилъ пересылаемый, волнуясь все болѣе, — можетъ быть черезъ три мѣсяца?“

„Можетъ быть, — отвѣчалъ холодно Папелаевъ, собирая всѣ силы, чтобы сдержаться въ нашемъ присутствіи.

„Значитъ, я долженъ носить рубаху, пока она сама не спадетъ съ меня по кускамъ?“ — въ негодующемъ отчаяніи воскликнулъ арестантъ.

„Молчать!! — закричалъ наконецъ Папелаевъ, не выдерживая характера. Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? Да я съ тебя шкуру спущу... Ты получишь другую рубаху, — продолжалъ онъ, снова овладѣвая собою, — когда пойдешь въ партіи; ступай!“

Арестантъ вспыхнулъ; губы его задрожали, но онъ поборолъ себя и молча повернувшись, отошелъ въ сторону.

Изъ балагановъ мы пошли по семейнымъ камерамъ. Я не буду повторяться. Здѣсь была таже тѣснота, грязь, отвратительная, удушливая атмосфера, тѣже нищета и страданія. Съ меня было довольно подобныхъ впечатлѣній, и я просилъ смотрителя провести насъ въ госпиталь. У входа насъ встрѣтилъ докторъ Оржешко. Госпиталь снаружи не отличался ничѣмъ отъ прочихъ тюремныхъ зданій, но внутри видны были старанія по возможности сохранить чистоту и свѣжесть воздуха. Это было трудно, конечно, если не возможно, но все же кое что достигалось. Госпиталь былъ разсчитанъ при постройкѣ на 50 больныхъ, но во время нашего визита въ немъ лежало 193 человѣка, изъ числа которыхъ 71 — тифозныхъ. Сидѣлками были женщины 26-35-лѣтняго возраста, иныя съ интеллигентными лицами, вѣроятно бывшія курсистки. Осмотрѣвъ, насколько возможно внимательно, тюрьму, мы отправились, наконецъ, домой, поблагодаривъ за любезность и вниманіе тюремнаго смотрителя.

Долго не могъ я уснуть эту ночь, и когда наконецъ уснулъ, все время мнѣ снились набитые балаганы, дѣти, умирающіе въ банѣ, и ужасныя, мертвенныя лица арестантовъ, которыя я видѣлъ въ тюрьмѣ и госпиталѣ. И все же мы видѣли тюрьму далеко не въ ея худшемъ положеніи. Чтобы дать читателю возможность оцѣнить всю массу страданій и бѣдствій, къ которымъ приводитъ практика русской ссыльной системы, — я передалъ здѣсь тотъ разговоръ, который я имѣлъ съ докторомъ Оржешко въ февралѣ, по возвращеніи изъ Восточной Сибири. Онъ описывалъ мнѣ, какъ, по-

слѣ нашего отъѣзда, положеніе тюрьмы ухудшалось все болѣе и болѣе „Вы не можете себѣ представить, что тутъ было въ ноябрѣ,—говорилъ онъ:—Въ госпиталѣ лежало 450 больныхъ, а кроватей было только 150. 300 опасно больныхъ мущинъ и женщинъ валялось на полу, въ повалку, иные безъ подушекъ и одѣялъ, одинъ возлѣ другого. Больные должны были кашлять и рвать прямо на себя. или на своихъ сосѣдей. Атмосфера была такъ ужасна, что я, во время визитацій, падалъ въ обморокъ, и мой помощникъ долженъ былъ окачивать меня холодной водой. Чтобы сколько-нибудь освѣжать воздухъ, мы должны были держать открытыми окна, хотя на дворѣ уже стояла зима, и на полу, гдѣ лежали умирающіе, было не больше 5, 6% тепла. Болѣе 25% всего населенія тюрьмы переболѣло, и болѣе 10% изъ больныхъ умерло.“

„И давно тянется такое положеніе вещей?“ спросилъ я.

„Я служу здѣсь 15 лѣтъ, — отвѣтилъ докторъ, — и сколько помню, всегда такъ было.“

“Знаетъ-ли объ этомъ петербургское правительство?“

„Каждый годъ посылаются донесенія. Я нѣсколько разъ писалъ, что Томскій госпиталь весь пропитанъ заразой и долженъ былъ сожженъ весь. Намъ поручили составить планъ новаго госпиталя; мы составили. Намъ его вернули для измѣненій. Мы сдѣлали нужныя измѣненія и опять отослали въ Петербургъ. И все-таки ничего изъ этого не вышло.“ Кажется, нѣтъ нужды въ комментаріяхъ къ этимъ словамъ. Цивилизація и человѣколюбіе могутъ съ достаточной основательностью произнести свой приговоръ существующей пересыльной системѣ, основываясь на этихъ показаніяхъ.

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ.

„Какъ это съумѣли вы добиться,— спрашивали меня не разъ по моемъ возвращеніи въ Америку, — права входа въ сибирскія тюрьмы и этапы, знакомства повсюду съ сыльными, доступа къ такой массѣ оффиціальныхъ документовъ и рапортовъ. Неужели мѣстныя власти не знали цѣли вашего путешествія; а если знали, почему онѣ не остановили его, или по крайней мѣрѣ не контролировали вашего поведенія?“ Я не могу дать читателямъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, потому что не знакомъ съ инструкціями, данными изъ Петербурга мѣстнымъ властямъ. Я могу лишь указать на тѣ мѣры, которыя мы принимали для отвращенія подозрѣній и на тѣ соображенія, которыя по всей вѣроятности, вызвали среди мѣстныхъ и петербургскихъ властей сравнительно благосклонное къ намъ отношеніе.

„И не практично,—разсуждалъ вѣроятно Влангали, — и не политично запирать для иностранцевъ Сибирь. Они не успокоятся, пока не познакомятся съ ссыльнымъ вопросомъ, а въ нашей боязни гласности будутъ видѣть подтвержденіе слуховъ объ ужасномъ состояніи нашей ссылки. М—ръ Кенанъ — нашъ другъ; онъ за-

щищалъ насъ въ своемъ адресѣ Американскому географическому обществу; онъ публично выступилъ противъ нигилистовъ, и теперь пріѣхалъ въ Россію для собиранія матеріаловъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы съ большей компетентностью быть нашимъ борцомъ. При такихъ обстоятельствахъ нечего бояться слишкомъ большаго пессимизма съ его стороны, Во всякомъ случаѣ, если кто нибудь долженъ отправиться въ Сибирь и посѣтить наши тюрьмы, пусть лучше этотъ кто нибудь будетъ Кеннанъ. М-ръ Lansdell уже высказался благопріятно о нашихъ тюрьмахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ; теперь м-ръ Кеннанъ, можно надѣяться, послѣдуетъ этому примѣру. Тогда мы можемъ быть наконецъ спокойны. Любопытство иностранцевъ будетъ удовлетворено, а ихъ пессимистической критикѣ будутъ противупоставлены показанія очевидцевъ. И такъ мы разрѣшимъ Кеннану отправиться въ Сибирь, но поставимъ его подъ контроль мѣстнаго начальства, на случай подозрительности его поведенія. Есть, конечно, нѣкоторая опасность, какъ бы онъ не познакомился тамъ слишкомъ интимно съ политическими ссыльными, но онъ, вѣдь, сильно предубѣжденъ противъ нихъ. Это предубѣжденіе можно усилить еще болѣе, познакомивъ его предварительно съ Катковымъ. Да, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, если это опасное знакомство окажется слишкомъ интимнымъ, мы всегда съумѣемъ принять свои мѣры. — Приблизительно въ такомъ родѣ должны были разсуждать петербургскія власти. И весь опытъ нашего путешествія по Сибири подтверждалъ это мое предположеніе. Доступъ въ тюрьмы былъ оставленъ вполнѣ на волю мѣстнаго начальства; и это послѣднее руководилось въ своемъ отношеніи къ намъ, главнымъ образомъ, случайными обстоятельствами, личными впечатлѣніями и взглядами. Поэтому для насъ было въ высшей степени важно пріобрѣтать вездѣ довѣріе и благорасположеніе начальства, а свои изслѣдованія въ области политической ссылки вести возможно менѣе видимымъ и демонстративнымъ образомъ. Почти

всѣ города и села, въ которыхъ мы искали для себя матеріаловъ, были соединены съ Петербургомъ телеграфной проволокой, и эта проволока, почти годъ, какъ Дамокловъ мечъ висѣла надъ нашими головами, готовая ежечастно передать приказъ изъ Петербурга: Арестовать и обыскать господъ Кеннана и Фроста.

До Усть-Каменогорска мы не имѣли никакихъ столкновеній съ полиціею, и наши сношенія съ ссыльными были вполнѣ свободны. Но по мѣрѣ накопленія у насъ писемъ и документовъ, которые, въ случаѣ обыска, могли компрометировать многихъ, мы сочли болѣе благоразумнымъ по возможности маскировать нашу истинную цѣль путешествія, а съ мѣстными властями держаться самыхъ дружескихъ отношеній. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ, гдѣ мы останавливались, мы первымъ дѣломъ отправлялись съ визитомъ къ исправнику, или засѣдателю, и сообщали ему всевозможныя подробности о нашемъ путешествіи, о его цѣляхъ, благоразумно умалчивая о самой существенной. Имѣя отъ ссыльныхъ точныя свѣденія о взглядахъ, привычкахъ и склонностяхъ этихъ господъ, мы легко могли устанавливать между собою и ими наилучшія отношенія, лишенныя и тѣни недовѣрія и подозрительности, играя на ихъ слабыхъ струнахъ, избѣгая опасныхъ предметовъ разговора, и съ особеннымъ усердіемъ останавливаясь на тѣхъ темахъ, гдѣ можно было ожидать восторженнаго согласія. Въ знакъ уваженія ихъ чину и положенію, мы являлись съ визитомъ обыкновенно въ парадномъ платьѣ, пили вмѣстѣ водку, — если нужно, чуть не до потери сознанія, любезничали съ ихъ супругами, г. Фростъ рисовалъ портреты ихъ дѣтей, и въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти мы разставались добрыми друзьями, свободными отъ контроля и подозрительности. Обезопасивъ себя съ этой стороны, мы уничтожали въ самомъ корнѣ поползновенія на подозрительность низшихъ представителей полиціи, демонстративно выставляя на видъ нашу интимную близость съ ихъ начальствомъ. Что же касается населенія вообще, — его лю-

бопытство мы направляли по безопасному руслу, посѣщая школы, занимаясь ботаникой, рисуя, собирая статистическія свѣденія, — вообще стараясь имѣть видъ путешественниковъ „съ ученою цѣлью“, какъ это называется въ Сибири. Послѣ этого мы могли безпрепятственно посѣщать ссыльныхъ, людей тоже „ученыхъ“, не вызывая ни въ комъ ни удивленія, ни сомнѣнія. Сообразно съ условіями мѣста мы такъ или иначе измѣняли подробности нашей „политики“, но общій характеръ ея сохраняли до конца, и хотя всѣ знали, конечно, что мы имѣемъ сношенія съ политическими ссыльными, но никто не догадывался, насколько эти сношенія интимны, и какое значеніе играютъ онѣ во всѣмъ планѣ нашего путешествія. Во всякомъ случаѣ Дамокловъ мечъ телеграфной проволоки ни разу не упалъ на насъ, и до Забайкалья мы не получили ни разу „предостереженія“.

По всей Сибири наша задача была значительно облегчена отношеніемъ честныхъ и интеллигентныхъ чиновниковъ къ системѣ ссылки. Всѣ они, безъ исключенія, были или совершенно противъ нея, или противъ ея нынѣшней формы. Часто, казалось, они рады были случаю выставить передъ безпристрастнымъ наблюдателемъ печальныя стороны ссылки, какъ способа наказанія, и всѣ тѣ злоупотребленія, обманы и жестокости, которыя порождаетъ на практикѣ ея функціонированіе. Не разъ я поражался ихъ рѣзкостью и откровенностью, когда они говорили, не стѣсняясь, увѣренные что они могутъ довѣрять моей скромности.

„Я живу, благодаря существованію ссылки, — говорилъ мнѣ одинъ высокопоставленный чиновникъ тюремнаго департамента: — и я не могу ни тяготиться, своей службой, ни жаловаться на недостаточность жалованія. Но я съ радостью отказался бы отъ своей должности, если бы ссылка была уничтожена. Она губительна для Сибири и для ссыльныхъ и причиняетъ безчисленныя страданія. Но что подѣлаешь? Если мы рѣшаемся высказать истину передъ петербургскимъ на-

чальствомъ, мы же за это страдаемъ; и страдаемъ, увѣряю васъ, сильно. Это меня выучило дѣлать возможно лучше свое дѣло и держать языкъ за зубами".

„Я доносилъ о злоупотребленіяхъ и неустройствахъ въ моемъ отдѣленіи, пока не усталъ, ничего не добившись—разсказывалъ другой.—Быть можетъ что нибудь предпримутъ, наконецъ, если вы напишете объ этомъ. Тюрьма здѣсь не годна для людей; она не годится даже для собакъ, — и цѣлые годы я добивался постройки новой. Всѣ мои усилія привели лишь къ безконечной перепискѣ."

Подобные отзывы дѣлали мнѣ десятки лицъ, занимающихъ видныя положенія въ военной и гражданской администраціи. И это были не заявленія, лишенныя основанія. Онѣ подкрѣплялись обыкновенно документами и статистическими данными. Въ области политической ссылки мы получали много цѣнныхъ свѣденій отъ лицъ, которые относились съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ къ политическимъ ссыльнымъ и къ либеральному движенію. Какъ широко распространено въ Сибири это сочувствіе, едва-ли знаетъ русское правительство. Разъ мнѣ пришлось присутствовать въ одномъ сибирскомъ городѣ на вечернемъ собраніи въ частномъ домѣ, гдѣ были нѣкоторые члены горсдской думы, 6-8 офицеровъ и всѣ мѣстные ссыльные. Всѣ присутствовавшіе, казалось, были близко и интимно знакомы другъ съ другомъ; разговоръ часто становился крайне смѣлъ и либераленъ, и пѣсни, которыя хоромъ пѣло все общество, были большею частью революціонныя пѣсни. Я встрѣчалъ много примѣровъ подобной „неблагонадежности" въ Сибири; и даже въ самомъ Петербургѣ, послѣ возвращенія изъ Сибири я находилъ многихъ чиновниковъ, явно симпатизировавшихъ политическимъ преступникамъ и доставлявшихъ мнѣ копіи многихъ важныхъ бумагъ и документовъ Читатель видитъ теперь, что дѣло изслѣдованія ссыльной системы было для насъ много легче, чѣмъ это могло казаться, благодаря, съ одной стороны, помощи

честныхъ представителей администраціи, которые сами искали истины, съ другой—частныхъ людей, тайно симпатизировавшихъ борцамъ за свободу, и, наконецъ, самихъ ссыльныхъ, которые на себѣ извѣдали всѣ стороны ссылки и обладали громадной массой всевозможныхъ матеріаловъ по этимъ вопросамъ.

Въ Томскѣ я въ первый разъ встрѣтилъ ссыльныхъ, которые принимали участіе въ „пропагандѣ“ 1872-75 г. были затѣмъ осуждены и имѣютъ такимъ образомъ всѣ права на названіе революціонеровъ. Я не замѣтилъ въ нихъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ ссыльныхъ Семипалатинска, Ублинска, Каменогорска, которыхъ я уже видѣлъ. если ни считать болѣе продолжительнаго изгнанія и болѣе обширнаго житейскаго опыта. Одинъ изъ нихъ, талантливый публицистъ лѣтъ 35-ти, Чудновскій, былъ арестованъ 19-тилѣтнимъ юношей, и затѣмъ почти все время находился или подъ надзоромъ или въ ссылкѣ, или въ заключеніи. Въ продолженіи 4 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ одиночномъ заключеніи, ожидая суда. За протестъ противъ разныхъ незаконныхъ мѣръ и за упорныя заявленія своего права имѣть письменныя принадлежности для писанія жалобъ министру, онъ былъ связанъ и одѣтъ въ сумасшедшую рубашку. Лишенный такимъ образомъ всѣхъ способовъ протеста, онъ рѣшился заморить себя голодомъ, и не принималъ никакой пищи, пока встревоженное начальство не уступило ему въ вопросѣ о чернилахъ и перѣ (къ слову сказать, эта побѣда не дала ему много, потому что жалобы его остались безъ послѣдствій, и даже, безъ отвѣта.). Въ 1878 г. онъ былъ наконецъ судимъ въ знаменитомъ „процессѣ 193“ по обвиненію въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, и осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ. Но при конфирмаціи приговора его предварительное заключеніе было принято въ счетъ, и онъ былъ сосланъ въ отдаленныя мѣста Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Большинство людей не съумѣло бы выдержать безъ печальныхъ послѣдствій 5 лѣтъ одиночнаго заключенія.

и 7 лѣтъ ссылки, но энергія и мужество Чудновскаго вышли побѣдоностно изъ этого испытанія. Не смотря на всевозможныя препятствія, онъ съумѣлъ въ Сибири закончить свое образованіе и пріобрѣсти себѣ имя. Онъ авторъ прекрасной исторіи развитія образовательныхъ учрежденій въ Сибири, напечатанной въ Ежегодникѣ Томской губерніи за 1885 г.: онъ сдѣлалъ двѣ ученыя экспедиціи въ Алтай при помощи Западно-Сибирскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества; онъ принималъ участіе въ русской періодической прессѣ, и его книга о Енисейской губерніи получила призъ Красноярской Городской Думы. (Книга эта, не смотря на то, что она была страшно обезображена цензурой, одна изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, изданныхъ въ Сибири). Чудновскій произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который, родись онъ въ Америкѣ, какъ полезный и видный членъ общества, былъ бы честью для своей страны. Но... онъ родился въ Россіи, и значитъ, былъ предназначенъ для тюрьмы и ссылки.

Однимъ изъ очень интересныхъ для меня людей изъ новоприбывшихъ въ Томскъ ссыльныхъ былъ Константинъ Станюковичъ, издатель русскаго журнала „Дѣло“. Исторію его ссылки я передавалъ уже читателямъ. Это былъ наблюдательный знатокъ русской общественной жизни, талантливый романистъ и, вообще, личность сильная, энергичная и способная. Вмѣстѣ съ Станюковичемъ къ Томскѣ жила и его семья, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. Она состояла изъ г-жи Станюковичъ, женщины образованной и просвѣщенной, свободно владѣвшей, между прочимъ, англійскимъ языкомъ, изъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ старшая дочь, милая дѣвушка лѣтъ 17-18, въ довершеніе прочихъ своихъ способностей, обладала хорошимъ голосомъ и музыкальнымъ образованіемъ. Не одинъ пріятный вечеръ провели мы въ скромной гостинной Станюковича, до поздней ночи слушая дуэты m-lle Станюковичъ съ княземъ Крапоткинымъ, обсуждая тѣ или

иныя стороны русской политической системы и ссылки, или обмѣниваясь воспомпнаніями и впечатлѣніями Парижа, Лондона, Берлина, Нью-Іорка и Санъ-Франциско. И г. и г-жа Станюковичъ путешествовали по Соединеннымъ Штатамъ, и какъ то странно было видѣть въ ихъ сибирскомъ жилищѣ визитныя карточки такихъ извѣстныхъ американскихъ офицеровъ, какъ капитанъ James Eads и капитанъ John Kodfers, фотографію Линкольна и модель пироги, привезенной въ память о Ніагарскомъ водопадѣ. Я никогда не думалъ найти въ далекой Сибири людей, съ которыми меня бы связывала такъ много общихъ воспомпнаній и чувствъ. Г. Станюковичъ бодро и упорно боролся въ ссылкѣ за жизнь, занимаясь литературой; его жена, по мѣрѣ силъ помогала ему, давая уроки музыки.

Самымъ симпатичнымъ и привлекательнымъ изъ всѣхъ томскихъ ссыльныхъ былъ для меня Феликсъ Волховской, сосланный навсегда въ Сибирь въ 1878 году по обвиненію въ „принадлежности къ сообществу, которое намѣревалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить основы существующаго государственнаго строя“. Въ мое время это былъ человѣкъ 36 лѣтъ, очень образованный, съ благороднымъ сердцемъ и высоко нравственными стремленіями. Онъ прекрасно зналъ англійскій языкъ, былъ близко знакомъ съ американской исторіей и литературой и перевелъ на русскій языкъ многія поэмы Лонгфэлло. Я живо помню, съ какимъ одушевленіемъ говорилъ онъ мнѣ объ „Arsenal of Springfield“ Лонгфэлло, и читалъ эту поэму наизустъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и привлекательныхъ людей, какихъ мнѣ только выпало счастіе узнать, но жизнь его была ужасной трагедіей. Здоровье его было страшно подорвано во время одиночнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, волоса совершенно посѣдѣли, и въ темносѣрыхъ глазахъ, когда лицо его было задумчиво-спокойно, лежала печать глубокой меланхоліи. За наше короткое знакомство, я очень привязался къ нему, и когда мы прощались съ

нимъ окончательно, въ 1886 г., по моемъ возвращеніи изъ Восточной Сибири, обнимая и давая мнѣ прощальный поцѣлуй, онъ сказалъ: „Георгій Ивановичъ, не забывайте насъ! Прощаясь съ Вами, я чувствую, какъ изъ моей жизни вырывается что-то, что никогда болѣе не вернется!“ Послѣ моего возвращенія въ Америку я только разъ имѣлъ свѣденія о Волховскомъ. Прошлою зимою онъ написалъ мнѣ мрачное письмо, въ которомъ сообщалъ о смерти своей жены. Я помню ее, эту блѣдную, болѣзненную женщину, съ глазами полными тоскливо-горькаго выраженія. Она всѣми силами помогала мужу поддерживать семью. Постоянныя заботы и тяжелый трудъ разрушили въ концѣ ея слабое здоровье. Она обратилась въ инвалида и мучилась сознаніемъ своего безсилія и безполезности. Это сознаніе, что она вмѣсто помощи, ложится тяжестью на своего мужа, осложненное болѣзнью, въ концѣ концевъ обратилась почти въ манію и разрѣшилось трагической развязкой: она застрѣлилась. Эта смерть, при такихъ обстоятельствахъ, была страшнымъ ударомъ для мужа, горячо ее любившаго. Съ письмомъ онъ послалъ мнѣ маленькую старую кожанную спичечницу, которую нѣкогда Петръ Крапоткинъ далъ на память своему ссыльному брату Александру. Тотъ далъ ее Волховскому, отъ котораго незадолго до смерти, она перешла къ его женѣ. Онъ думалъ, писалъ онъ мнѣ, что эта вещь будетъ имѣть для меня нѣкоторую цѣну, какъ память о четырехъ лицахъ, которыхъ я зналъ. Одинъ изъ нихъ былъ изгнанникомъ въ Лондонѣ, другой ссыльнымъ въ Томскѣ, а двое остальныхъ самоубійствомъ избавили себя отъ юрисдикціи русскаго правительства.

Я хотѣлъ прочесть письмо Волховскаго моей женѣ. Но когда я представилъ себѣ его высоко-благородную личность, когда я подумалъ, какое дѣйствіе долженъ былъ произвести этотъ послѣдній ударъ судьбы на человѣка, вся жизнь котораго была сплошнымъ рядомъ ударовъ, — въ ссылкѣ, съ разбитымъ сердцемъ, съ погибшими надеждами. съ кучей безпомощныхъ дѣтей на

рукахъ, — исписанныя строки исчезли изъ моихъ глазъ, затуманенныхъ слезами, и съ рыданіемъ въ горлѣ я долженъ былъ отложить въ сторону письмо и посылку.

Царь можетъ убѣлять сѣдинами головы такихъ людей, какъ Волховскій; онъ можетъ замуровывать ихъ въ казематахъ крѣпости, или посылать въ арестанскихъ халатахъ въ Сибирь. Но прійдетъ время, когда ихъ имена, а не его, будутъ отмѣчены на страницахъ исторіи, и когда память о ихъ страданіяхъ и жизни будетъ служить источникомъ героическихъ внушеній для всѣхъ русскихъ, любящихъ свободу и свою страну!

Въ Томскѣ въ первый разъ, собственно, мы познакомились съ тѣмъ удручающимъ нервнымъ состояніемъ, которое причиняется постояннымъ созерцаніемъ человѣческихъ страданій, при сознаніи полнаго безсилія помочь имъ. До сихъ поръ мы ѣхали въ сторонѣ отъ главнаго пересыльнаго тракта; политическіе ссыльные Семипалатинска, Ульбинска, Усть-Каменогорска жили еще сравнительно сносною и свободною жизнью, и только здѣсь, въ Томскѣ столкнулись мы наконецъ лицомъ къ лицу съ настоящими трагедіями ссыльной жизни. Съ этихъ поръ до самаго возвращенія въ Россію болѣзненно нервное состояніе, которое подчасъ переносить было труднѣе холода, голода и усталости, стало для насъ обычнымъ. Невозможно безъ ужаса наблюдать то, что пришлось намъ увидѣть въ „балаганахъ“ и въ госпиталѣ томской пересыльной тюрьмы; невозможно безъ содроганія выслушивать такія повѣствованія, какія мы слышали отъ ссыльныхъ въ Томскѣ, Красноярскѣ и Забайкальи. Одна блѣдная, слабая, убитая горемъ женщина, сосланная въ Восточную Сибирь и съ тѣхъ поръ отошедшая уже въ вѣчность, рѣшилась однимъ вечеромъ разсказать мнѣ свои испытанія. Я, помню, охотно бы избавилъ ее отъ необходимости еще разъ переживать ея трагическое прошлое, но она хотѣла, чтобъ свѣтъ узналъ, что приходится выносить русскимъ, что заставляетъ ихъ становиться террористами, и среди едва сдерживаемыхъ истерическихъ рыданій,

когда я быстрыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ, кусая губы и сжимая кулаки, она разсказала мнѣ исторію своей жизни. Я не слышалъ никогда ничего болѣе тяжелаго. Послѣ подобныхъ бесѣдъ, — а такихъ у меня было не мало, — я не могъ ни спать, ни работать. И несомнѣнно этимъ нравственнымъ страданіямъ и развившейся подъ ихъ вліяніемъ нервности, болѣе чѣмъ лишеніямъ путешествія я обязанъ разстройствомъ своего здоровья и силъ въ Забайкальи.

Въ Томскѣ и по дорогѣ въ Иркутскъ мы имѣли наконецъ возможность поближе познакомиться съ жизнью ссыльныхъ въ пути. Партіи, человѣкъ въ 300-400 каждая, еженедѣльно выходятъ изъ Томска и дѣлаютъ 1040 миль до Иркутска въ 3 мѣсяца. По всей дорогѣ, на разстояніи 25-40 миль одинъ отъ другого расположены этапы съ конвойными командами человѣкъ въ 40-50. Такъ какъ разстояніе между этапами слишкомъ велико для того, чтобы пройти его пѣшкомъ и въ кандалахъ въ одинъ день, то между этапами построены „полуэтапы“, нѣсколько меньшіе по размѣрамъ, чѣмъ форменные этапы, и безъ конвойныхъ командъ. Партія проходитъ въ два дня разстояніе между двумя сосѣдними этапами, остановливаясь на ночлегъ перваго дня на полуэтапѣ, третій день отдыхаетъ на этапѣ, на четвертый, перемѣнивъ конвой, идетъ до слѣдующаго полуэтапа, и т. д. до Иркутска и дальше. Каждый арестантъ получаетъ на руки свои кормовыя, — 5-6 центовъ въ день, и пропитывается какъ знаетъ, покупая пищу у мѣстныхъ торговцевъ и крестьянокъ. Одѣты всѣ въ грубыя холщевыя рубашки, порты (женщины въ юпки, — это единственное отличіе ихъ костюма отъ мужескаго), халаты, шапки и коты съ портянками. До 1883 г. не обращали вниманія на смѣшеніе въ партіяхъ мужескаго и женскаго пола, но теперь стараются отправлять холостыхъ мужчинъ отдѣльными партіями, присоединяя къ семейнымъ партіямъ незамужнихъ женщинъ и дѣтей. Это нѣсколько уменьшило въ партіяхъ деморализацію, происходившую отъ совмѣстнаго пребы-

ванія въ тѣсныхъ этапахъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, но положеніе вещей все еще въ этомъ отношеніи очень печально, такъ какъ „семейныя“ партіи содержатъ въ себѣ достаточное количество развращенныхъ мужчинъ и подростковъ.

24 августа, въ воскресеніе, г. Фростъ и я были приглашены капитаномъ Гудимомъ, начальникомъ Томской конвойной команды, присутствовать при отправкѣ партіи. Въ 7 часовъ утра мы были передъ воротами тюрьмы и рѣшили наблюдать отправку отсюда. Съ полъдюжины солдатъ въ лѣнивыхъ позахъ сидѣли на лавкѣ передъ воротами и перебрасывались грубыми шутками съ стоящими тутъ же торговками. За стѣною слышалось звяканіе кандаловъ, и отъ времени до времени тюремные ворота со скрипомъ отворялись, чтобы пропустить „парашниковъ“ или „водоносовъ“, которыхъ быстро обшаривали, ища запретнаго товара — водки. Около 8 часовъ явились для партіи телѣги, солдаты начали подбираться, и усиленный шумъ кандаловъ за стѣною указывалъ, что партія готовится къ выходу. Отворились ворота и изъ нихъ вышелъ тюремный кузнецъ, неся наковальню и нѣсколько паръ кандаловъ. Солдаты взяли ружья на плечи и стали полукругомъ, образуя цѣпь. Наконецъ раздалась команда „готово!“, и арестанты поодиночкѣ начали появляться изъ тюремнаго двора, отвѣчая на свое имя стоящему тутъ же со спискомъ въ рукахъ офицеру. Кузнецъ ощупывалъ каждому кандалы, чтобы удостовѣриться, что все въ порядкѣ, и унтеръ-офицеръ выдавалъ имъ по 10 центовъ кормовыхъ на два дня пути. Когда всѣ „каторжане“ вышли на улицу, они стали въ двѣ линіи и сняли шапки. Ихъ пересчитали и осмотрѣли головы, — побриты ли онѣ „по закону“. Затѣмъ черезъ ту же процедуру прошли поселенцы; и, наконецъ, вся партія, человѣкъ въ 400, выстроилась на улицѣ. У каждаго въ рукахъ было по мѣшку съ вещами; у иныхъ на поясахъ висѣли котелки и чайники, а одинъ держалъ на рукахъ собаченку.

„Я увѣренъ, — сказалъ, подходя къ намъ, капитанъ Гудимъ: — что тутъ есть бродяги, въ шестой разъ идущіе на каторгу". — „Ребята, — крикнулъ онъ, обращаясь къ толпѣ, — сколько тутъ у васъ народу идетъ въ шестой разъ?"

„Много есть такихъ!" — отвѣчали голоса, и, нѣсколько спустя, сѣдой бродяга вышелъ изъ рядовъ и признался, что онъ 4 раза бѣжалъ съ каторги и теперь идетъ въ пятый. Иными словами, этотъ человѣкъ 8 разъ перемѣрялъ своими ногами 2000-мильное разстояніе между Томскомъ и Карою.

„Я знавалъ бродягъ, — сказалъ капитанъ Гудимъ: — которые 16 разъ проходили по этой дорогѣ въ кандалахъ, и затѣмъ 16 разъ возвращались по степямъ и тайгѣ. Богъ знаетъ, какъ они умудряются жить такъ!"

Если подумать, что пройти 32 раза Восточную Сибирь — все равно, что дважды обойти вокругъ земли у экватора, — невольно поражаешься рѣшительностью и неукротимой энергіей этихъ людей, которыхъ такъ неудержимо манитъ къ себѣ свобода и родина. Въ 1884 году 1360 бродягъ было забрано въ Западной Сибири, и сотни погибли отъ голода и морозовъ въ тайгѣ. Орфановъ, служившій много лѣтъ въ Восточной Сибири, говоритъ, что онъ однажды насчиталъ 200 „непомнящихъ" въ одной Кайдаловской тюрьмѣ!

Пока собирали партію, я разговорился съ арестантами. Одинъ изъ нихъ спросилъ у меня, какъ обращаются съ Америкѣ съ осужденными, и позволяется-ли имъ сверхсрочной работой заработывать себѣ малую толику денегъ на время освобожденія изъ тюрьмы, что въ большинствѣ пенитенціарныхъ тюремъ допускается.

„У насъ не то, — заговорили въ толпѣ. — Голые идемъ мы на каторгу, голые уходимъ оттуда. А пока

тамъ, насъ дерутъ „нарядчики“ *) сколько влезетъ.

„О, нѣтъ, — добродушно возразилъ капитанъ Гудимъ, — теперь на каторгѣ не бьютъ уже“.

„Бьютъ, ваше благородіе; еще какъ бьютъ-то! — почтительно но твердо отвѣчали бродягя. Если вы больны, или слабы, и не окончите вашего „урока“ — получайте 20 ударовъ“.

За это время больныхъ и слабыхъ усадили на телѣги**), мѣшки увязали на багажныхъ возахъ, и партія, готовая къ отправленію, ждала только команды. Капитанъ Гудимъ снялъ фуражку, перекрестился и обратился къ арестантамъ: „ну, ребята, съ богомъ! Счастливой дороги!“

„Партія — на лѣ-во! Партія — маршъ!“ раздалась команда, и толпа, со звономъ нѣсколькихъ сотенъ паръ кандаловъ и подымая облако пыли, двинулась въ свой далекій путь. Впереди шли ссыльные, за ними медленно двигались телѣги съ больными и багажемъ; сзади въ тарантасѣ ѣхалъ самъ начальникъ конвоя, капитанъ Гудимъ. Черезъ нѣсколько минутъ все потонуло въ густомъ облакѣ пыли. Эта пыль — мучительный и страшный врагъ партіи. Нѣсколько сотенъ человѣкъ, сбитыхъ въ тѣсную кучу, идутъ въ сплошномъ столбѣ пыли, охватывающей ихъ со всѣхъ сторонъ, проникающей во всѣ поры тѣла, затрудняющей дыханіе и особенно тяжело отзывающейся на заднихъ телегахъ съ больными, которые не имѣютъ никакихъ средствъ избавиться отъ этого бича.

---

*) *Нарядчики* — низшіе чиновники, наблюдающіе на каторгѣ за распредѣленіемъ работъ и за ихъ исполненіемъ арестантами.

Кеннанъ.

**) Количество ссыльныхъ, неспособныхъ идти, часто бываетъ очень велико. Въ 1884 г. для ихъ перевозки было употреблено 6 8 телѣгъ, каждая на 4-хъ человѣкъ. Т. е было перевезено 2632 больныхъ. Это — естественный результатъ ужаснаго состоянія томской пересыльной тюрьмы и этаповъ.

Кеннанъ.

Первая остановка партіи была миляхъ въ 10-ти отъ Томска, при входѣ въ маленькую деревушку. На поскотинѣ у дороги собрались тутъ 10, 12 женщинъ съ хлѣбомъ, квасомъ и прочими дешевыми деревенскими продуктами для продажи арестантамъ. Опытные бродяги, шедшіе впереди всѣхъ, подняли веселый крикъ: „привалъ, привалъ". Желанное слово быстро пронеслось надъ толпою; партія ускорила шагъ, и черезъ минуту, по командѣ, „стой" — всѣ растянулись на травѣ, съ наслажденіемъ протянувъ усталыя члены. Въ сущности, десятимильная прогулка не можетъ сильно утомить здороваго и свѣжаго человѣка, но для ссыльныхъ, истощенныхъ плохою пищею, отвратительными гигіеническими условіями тюрьмы, вынужденнымъ бездѣйствіемъ, и отягощенныхъ кандалами, она достаточно тяжела. Послѣ короткаго отдыха начался оживленный торгъ, и черезъ ½ часа вся партія въ разнообразныхъ позахъ сидѣла за своимъ незатѣйливымъ завтракомъ. Г. Фростъ снялъ фотографію съ этой оживленной и интересной сцены. Кончивъ завтракъ и отдохнувъ, партія продолжала свой путь безъ всякихъ приключеній. Бродяги шли, громко разговаривая; новички слушали и поучались. Бродяга знаетъ дорогу, какъ свои пять пальцевъ, онъ знакомъ съ характерами всѣхъ конвойныхъ офицеровъ и смотрителей отъ Томска до Кары, а опасный опытъ тайговой жизни придаетъ ему самоувѣренность и авторитетъ въ глазахъ партіи. Истинный бродяга называетъ острогъ „своимъ батюшкой", а тайгу „матушкой", и вся жизнь его состоитъ въ переходахъ отъ матушки къ батюшкѣ, и наоборотъ. Рѣдко удается ему избавиться отъ Сибири, хотя онъ часто доходитъ до Тобольской губерніи. Рано или поздно, его снова забираютъ, или онъ самъ отдается въ руки властей, спасаясь отъ голодной смерти въ тайгѣ. Одинъ конвойный офицеръ говорилъ арестованному въ Западной Сибири бродягѣ: „царева поскотина велика, правда, но ты никогда не выйдешь изъ нея, и не минуешь нашихъ рукъ, пока не умрешь".

Только къ вечеру, когда дневной свѣтъ началъ переходить въ сумерки, впереди партіи появились пали „полуэтапа“, гдѣ она должна была провести свою первую ночь. Сибирскій полуэтапъ состоитъ изъ 2, 3 одноэтажныхъ зданій, окруженныхъ высокими палями. Одно изъ этихъ зданій назначается для офицера, другое для солдатъ, и третье — самое большое — для ссыльныхъ. Оно раздѣлено на три, или четыре большихъ камеръ, съ печкой и нарами въ каждой. Согласно рапорту пересыльнаго инспектора, справедливость котораго я провѣрилъ собственными глазами „всѣ этапы и полуэтапы отъ Томска до Ачинска не только малы, но слишкомъ стары, полуразрушены и требуютъ капитальнаго ремонта“. Ихъ главный недостатокъ, — общій для всѣхъ сибирскихъ учрежденій этого рода, — тѣснота. При постройкѣ ихъ расчитывали на 150 человѣкъ, а теперь они должны укрывать подъ своими крышами 400-500 человѣкъ. Въ результатѣ получается, говоря словами рапорта, что „въ хорошую погоду половина партіи ночуетъ на дворѣ, а въ дурную ссыльные наполняютъ камеры, корридоры и даже чердаки“. Камеры грязны, окна не отворяются, и, не смотря на страшную скученность своего временнаго населенія, не имѣется ни малѣйшихъ приспособленій для вентиляціи.

И такъ, послѣ 29 верстъ утомительнаго пути наша партія подошла къ мѣсту желаннаго отдыха. Ихъ выстроили, пересчитали, — всѣ ли на лицо, — и затѣмъ ворота открылись. Съ дикимъ крикомъ всѣ бросились въ узкія ворота, давя и толкая другъ друга, падая и опять поднимаясь, какъ будто это былъ штурмъ вражеской крѣпости. Люди знали, что мѣстъ мало, и что опоздавшимъ придется спать подъ нарами на грязномъ полу. Размѣстившись, — счастливцы на нарахъ, прочіе — гдѣ попало, на полу и по угламъ, всѣ принялись за ужинъ и чай. Ужинъ бываетъ часто крайне скуденъ или по причинѣ сравнительной дороговизны, или потому, что мѣсныя торговки принесутъ для продажи не-

достаточно продуктовъ. Часто ссыльный за свои пять центовъ по случаю неурожая напримѣръ, не можетъ купить болѣе 1½ фунта чернаго хлѣба. Торгъ происходитъ совершенно свободно; таксы не имѣется и дѣло продовольствія партіи, совершенно неорганизованное, зависитъ отъ случайностей и мѣстныхъ условій. Если почему нибудь крестьяне не принесутъ на этапъ ничего, партія должна ложиться спать безъ ужина, голодною. Этапные офицеры горько жаловались мнѣ на правительство, оставляющее на произволъ судьбы такое важное дѣло, какъ продовольствіе партіи въ 400-500 человѣкъ, и указывали на то, что безжалостно и несправедливо вести людей пѣшкомъ, въ кандалахъ при жестокихъ морозахъ, по 30 верстъ въ день, выдавая имъ кормовыхъ на 1½ фунта хлѣба.

Послѣ ужина въ камерахъ зажгли огарки сальныхъ свѣчей, внесли „парашки“, и заперли на ночь двери, приставивши къ нимъ часовыхъ. Болѣе половины народу спало на полу, иные — возлѣ самыхъ парашъ, которыя часто текутъ и никогда не закрываются, въ атмосферѣ, къ утру ставшей положительно невозможной. Я хотѣлъ было просить у начальника конвоя разрѣшенія провести одну ночь въ камерѣ вмѣстѣ съ арестантами, но когда разъ въ моемъ присутствіи отворили утромъ дверь камеры, и оттуда пахнуло отвратительнымъ, насквозь зараженнымъ воздухомъ, — я отказался отъ опаснаго опыта.

Второй день пути почти ничѣмъ не отличался отъ перваго. Послѣ поспѣшнаго и скуднаго завтрака, партію вывели во дворъ, пересчитали и повели дальше. На срединѣ дороги былъ сдѣланъ привалъ, а къ вечеру партія подошла къ этапу, гдѣ она должна была „дневать“, а затѣмъ съ новымъ конвоемъ отправиться дальше. Этапы ничѣмъ не отличаются съ точки зрѣнія удобствъ и заботъ объ арестантскомъ здоровьѣ отъ полуэтаповъ. Они немногимъ, (очень немногимъ) болѣе полуэтаповъ. но также заброшены и стары. Впрочемъ я предпочитаю въ этомъ случаѣ сослаться на слова

генералъ-губернатора Анучина, видѣвшаго ихъ прикрашенными сколько возможно. Въ своемъ секретномъ рапортѣ царю онъ говоритъ, между прочимъ: „На пути къ Иркутску я осмотрѣлъ очень много карательныхъ учрежденій, остроговъ, пересыльныхъ тюремъ и этаповъ и долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что большинство ихъ находится въ плачевномъ состояніи. Особенно плохи — этапы. Почти безъ исключенія всѣ они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, въ плохихъ санитарныхъ условіяхъ; они холодны зимою, пропитанны міазмами и мало гарантируютъ отъ побѣговъ". Если такое впечатлѣніе произвели злополучные этапы на генералъ-губернатора, для ревизіи котораго они были прибраны и вычищены, читатель пойметъ, какое впечатлѣніе они произвели на меня, видѣвшаго ихъ въ обыденномъ, не прикрашенномъ видѣ.

„Плачевное положеніе" сибирскихъ этаповъ надо приписать, мнѣ кажется, неспособной и корыстной администраціи и неизбѣжнымъ злоупотребленіямъ, связаннымъ съ бюрократической системой. Какъ ни плохи эти этапы, но на нихъ были потрачены казною громадныя средства, погибшія въ карманахъ подрядчиковъ и чиновниковъ. Одинъ пересыльный инспекторъ говорилъ мнѣ, что на ассигнованныя для постройки и содержанія этаповъ суммы, говоря безъ преувеличенія, можно было бы построить серебрянныя этапы отъ Томска до Иркутска. Самъ Анучинъ въ своемъ рапортѣ, который я только что цитировалъ, говоритъ: „Большія суммы были истрачены на поправленіе этихъ зданій, и недавно было назначено 250,000 рублей на возведеніе новыхъ этаповъ въ Забайкальской области. Я сомнѣваюсь однако, чтобы при существующемъ положеніи вещей можно было ожидать отъ этого хорошихъ результатовъ. Можно бояться, что будущія этапы Забайкалья раздѣлятъ общую судьбу этаповъ Енисейской и Иркутской губерній". Опасенія Анучина дѣйствительно оправдались. Новые этапы, по отчетамъ ревизоровъ, оказались очень „неудовлетворительными".

Наша партія, какъ я сказалъ уже, посвятила третій день своего путешествія отдыху. Арестанты ничего не дѣлали, слоняясь по двору, или изучая надписи на стѣнахъ. Эти надписи — своеобразное украшеніе этапа. И каждый бродяга, прежде всего, осматриваетъ стѣны, ища тамъ интересныхъ для него свѣденій и указаній. Начальство тщетно пытается устранить этотъ способъ переписки и обращенія казенныхъ стѣнъ въ газету. Еще недавно Галкинъ-Врасскій издалъ по этому поводу циркуляръ, обращенный къ смотрителямъ и конвойнымъ начальникамъ, но я сомнѣваюсь, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Арестанты всегда найдутъ способъ перехитрить начальство и обмануть его бдительность, если бы даже эта бдительность имѣла мѣсто.

Проводивъ партію до Холдѣевой, я вернулся въ Томскъ, оставивъ на будущее время болѣе близкое знакомство съ дорожною жизнью ссыльныхъ. Къ тому же эти три дня, которыя я провелъ съ нею, даютъ объ этой жизни достаточное понятіе. Такъ, изо дня въ день, цѣлые мѣсяцы, безъ малѣйшаго разнообразія, подъ солнечнымъ зноемъ и суровыми морозами, по невылазной грязи, или въ облакахъ пыли, переплывая на паромахъ рѣки, проводя ночи въ зараженномъ воздухѣ гнилыхъ этаповъ, идетъ несчастный людъ, съ каждымъ днемъ приближаясь къ грознымъ забайкальскимъ рудникамъ.

Жизнь „большаго Сибирскаго тракта“.

Обширный кругъ нашихъ томскихъ знакомыхъ, съ одной стороны съ правительственными чиновниками, съ другой — съ ссыльными, приводилъ насъ иногда въ довольно затруднительное и неловкое положеніе. Такъ, дня за два до нашего отъѣзда въ Иркутскъ, когда у меня сидѣли Волховскій и Чудновскій, слуга внезапно доложилъ о его превосходительствѣ Пѣтуховѣ, временномъ томскомъ губернаторѣ. У меня, какъ выражаются русскіе, „ушла душа въ пятки“. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой сосланные революціонеры и губернаторъ Пѣтуховъ? Я нѣсколько разъ бывалъ у послѣдняго, но никогда не касался вопроса о политическихъ ссыльныхъ, и тѣмъ менѣе, — во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, — своихъ близкихъ отношеній къ нимъ; и вдругъ быть пойманымъ на мѣстѣ преступленія самимъ губернаторомъ! Положеніе было, по меньшей мѣрѣ, затруднительно, но дѣлать было нечего, губернаторъ, въ полной формѣ, вошелъ въ комнату. Въ первое мгновеніе на его лицѣ быстро промелькнуло выраженіе удивленія, но оно также быстро изчезло, пока онъ снималъ у дверей свои калоши, и ни въ его манерахъ, ни въ поведеніи нельзя было уловить и слѣда неудовольствія или смущенія, когда мы встрѣти-

лись по срединѣ комнаты. Онъ дружески обмѣнялся рукопожатіями съ нашими гостями, приговоренными нѣкогда къ каторжнымъ работамъ, началъ разговоръ, въ которомъ они могли принять участіе, и велъ себя вообще, съ такимъ тактомъ и любезностью, что черезъ пять минутъ всякая натянутость изчезла, и всѣ мы болтали за столомъ такъ просто и нецеремонно, какъ будто бы мы были старые знакомые, встрѣтившіеся случайно въ клубѣ. Это было странное общество, тѣмъ не менѣе: американскій журналистъ, американскій художникъ, два политическихъ „преступника“, прошедшихъ черезъ „одиночки“, кандалы и паручни; и, наконецъ, высшій мѣстный представитель правительства, — всѣ, встрѣтившіеся на нейтральной почвѣ взаимныхъ личныхъ отношеній и забывшіе на минуту о существующихъ между ними оффиціальныхъ отношеніяхъ. Сообщилъ ли губернаторъ о своей встрѣчѣ министру, я не знаю, но, вѣроятно, нѣтъ. Вѣрный слуга своего правительства, онъ казался мнѣ въ тоже время человѣкомъ образованнымъ и здравомыслящимъ; не одобряя революціоннаго движенія, онъ долженъ былъ признавать, что между сосланными въ качествѣ государственныхъ преступниковъ были люди очень выдающіеся, заслуживающіе глубокаго уваженія и любопытные для иностранца.

Число ссыльныхъ въ Томскѣ въ мое время доходило до 30, считая 6-8 женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ были административные, недавно прибывшіе изъ Россіи; нѣкоторые — поселенцы, первоначально выселеные въ „болѣе отдаленныя мѣста Сибири“ и переведенные впослѣдствіе сюда; нѣкоторые же — изъ числа немногихъ выжившихъ представителей знаменитаго „процесса 193-хъ“, выстрадавшіе цѣлые годы въ одиночкахъ Петропавловской крѣпости и отправленные затѣмъ въ Западную Сибирь. Я былъ очень удивленъ, найдя среди томскихъ административныхъ ссыльныхъ людей, побывавшихъ въ Якутской области и недавно оттуда возвращенныхъ.

„Какъ это, — спросилъ я одного изъ нихъ. — Вы, административный, были высланы въ Якутскую область? Вѣдь, кажется, туда отправляютъ только самыхъ опасныхъ „преступниковъ“ и кончившихъ свои сроки карійскихъ каторжанъ?“

„Это не вполнѣ такъ, — отвѣтили мнѣ. — Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ административные ссылаются въ Западную Сибирь, но вовсе не рѣдки и случаи ссылки въ Якутскъ. Я самъ сначала былъ назначенъ въ Западную Сибирь, но въ 1881 годъ за отказъ присягнуть Александру III-му меня перевели въ Якутскій улусъ*).“

„Т. е., позвольте! Неужели же правительство, наказывая Васъ за измѣну, требуетъ въ тоже время присяги. Вѣдь это не только несправедливо, но просто глупо. Какой же смыслъ: требовать отъ государственнаго ссыльнаго присяги, что онъ вѣрноподданный?“

„Нѣтъ никакого смысла, но это все же дѣлается. Правительство не удовлетворяется даже этимъ. Оно потребовало отъ меня, чтобы я открылъ все, что зналъ, о революціонномъ движеніи; другими словами выдалъ своихъ друзей. Я не могъ бы сдѣлать этого, даже если бы ссылка и обратила меня въ вѣрноподданнаго.“

Дальнѣйшій разговоръ выяснилъ вполнѣ тотъ новый и неожиданный для меня фактъ, что ото всѣхъ административно-ссыльныхъ Западной Сибири, при возвра-

*) Улусъ — мѣстное названіе поселенія, состоящаго изъ одной, двухъ жалкихъ юртъ, расположенныхъ въ дикой тайгѣ, за сотни верстъ отъ ближайшей русской деревушки, болѣе, чѣмъ въ 5000 миль отъ Петербурга. У меня имѣется списокъ 79 государственныхъ ссыльныхъ, жившихъ въ 1882 году въ якутскихъ улусахъ: между прочимъ тамъ были поселены: извѣстный русскій романистъ Короленко, профессоръ химіи Богдановичъ, Линевъ, натурализованный американецъ, одинъ французъ, одинъ германецъ и 9 женщинъ. Иностранцы обращались за помощью къ своимъ правительствамъ, но безъ успѣха.

Прим. Кеннана.

ніи Александра III, министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ присяги. Было въ высшей степени, конечно, нелѣпо ожидать, чтобы люди, подвергнувшіеся уже наказанію за государственныя преступленія, собственноручно, такъ сказать, осудили бы себя, принеся присягу Александру III; и едва ли министръ могъ питать такую надежду. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ нашелъ въ этомъ неисполнимомъ требованіи удобный предлогъ во второй разъ наказать людей, не совершившихъ втораго преступленія. Если преступникъ, уже осужденный и наказанный, отказывается признать преступленіемъ то, что вызвало наказаніе, — это упорство можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для несмягченія его участи, но едва ли оно можетъ оправдывать произвольное усиленіе степени наказанія. Всякому показалось бы невѣроятнымъ и преступнымъ, если бы губернаторъ Оглезви потребовалъ бы завтра отъ присужденныхъ къ тюрьмѣ анархистовъ признанія, что они не анархисты и въ случай отказа повѣсилъ бы ихъ безъ долгихъ разговоровъ. И между тѣмъ русское правительство дѣлало именно это въ 1881 г. Если министръ внутреннихъ дѣлъ не зналъ, что ссыльные виновны въ государственномъ преступленіи, онъ не имѣлъ права высылать ихъ; если онъ зналъ это, онъ дѣйствовалъ съ жестокой, непозволительной несправедливостью, ставя передъ ними ужасную диллему: или клятвопреступленіе, или полужизнь и полусмерть въ якутскихъ улусахъ. Десятки и сотни ссыльныхъ, не желая дѣлаться измѣнниками, отправились такимъ образомъ въ Восточную Сибирь и Якутскую область, между прочимъ талантливый романистъ Короленко. Онъ былъ сосланъ три раза, — разъ по ошибкѣ,— и отправился въ Якутскую сбласть, потому, что отказался выдать своихъ друзей, поцѣловать желѣзную руку, его ударившую и поклясться въ вѣрности „божьею милостью“ императору Александру III.

Читатель можетъ подумать, что называя ссылку въ якутскіе улусы „полужизнью“—„полусмертью“, я поль-

зуюсь слишкомъ сильнымъ выраженіемъ. Пусть въ такомъ случаѣ говорятъ хорошо освѣдомленные и безпристрасные русскіе. Въ началѣ 1881 г., когда при либеральномъ министерствѣ Лорисъ-Меликова русская пресса пользовалась нѣкоторой свободой, Приклонскій, извѣстный публицистъ, служившій одно время въ канцеляріи Олонецкаго губернатора, помѣстилъ въ либеральной газетѣ „Земство“ (которая вскорѣ была закрыта) тщательно обработанную статью объ административной ссылкѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ ней о жизни политическихъ ссыльныхъ въ якутскихъ улусахъ:

„Въ Якутской области существуетъ особая форма ссылки, болѣе жестокая и варварская, чѣмъ какая-либо, извѣстная русской публикѣ,— именно ссылка въ улысы. Она состоитъ въ размѣщеніи ссыльныхъ порознь въ разбросанныхъ якутскихъ юртахъ, отстоящихъ одна отъ другой иногда на многія версты. Въ одной корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 23) изъ Якутска приводится слѣдующій отрывокъ изъ письма одного улуснаго ссыльнаго, живо изображающій то ужасное положеніе, въ какое попадаетъ интеллигентный человѣкъ, безжалостно брошенный въ одну изъ юртъ этихъ арктическихъ дикарей“ — казаки, сопровождавшіе меня изъ Якутска, отправились обратно, и я остался одинъ среди Якутовъ, которые не понимаютъ ни слова по русски. Они слѣдятъ за мною безустанно, боясь отвѣтственности передъ начальствомъ, если я убѣгу. Выхожу я на воздухъ изъ душной атмосферы юрты, — за мною неизмѣнно слѣдуетъ по пятамъ якутъ; беру я топоръ, чтобы вырубить себѣ палку, — якутъ жестами требуетъ, чтобы я оставилъ топоръ и шелъ въ юрту. Въ юртѣ голые обитатели ея безцеремонно охотятся за насѣкомыми — пріятное зрѣлище! Скотъ зимою находится тутъ же, въ юртѣ. Испражненія скота и дѣтей, невѣроятная грязь, гніющій навозъ и лохмотья, миріады насѣкомыхъ въ постелѣ, отвратительный, зараженный воздухъ и невозможность пере-

молвиться съ кѣмъ-нибудь однимъ русскимъ словомъ,— все это вмѣстѣ способно хоть кого свести съ ума. Якутскую пищу почти невозможно ѣсть: она приготовляется въ высшей степени неопрятно, безъ соли, часто изъ испорченныхъ матеріаловъ, и непривычный желудокъ отказывается ее принимать. У меня нѣтъ отдѣльной посуды и бѣлья. Я не могу мыться, и всю зиму — 8 мѣсяцевъ — хожу грязный, какъ якутъ. Я не могу никуда отлучиться, — менѣе всего въ городъ, находящійся въ 200 верстъ отсюда. Я живу на постоѣ у якутовъ, перемѣняя черезъ каждые 6 недѣль одну юрту на другую. У меня нѣтъ ни книгъ, ни газетъ, и я не знаю ничего о томъ, что дѣлается на свѣтѣ".

„Дальше этого (говоритъ Приклонскій, комментируя это письмо), не можетъ идти жестокость. Остается только — привязать человѣка къ хвосту дикаго коня и пустить его въ степь, или приковать его къ трупу и оставить въ такомъ положеніи на произволъ судьбы. Не вѣрится, чтобы человѣческое существо, безъ суда, по произволу власти, подвергалось такому мученію, — наказанію, которое европейская цивилизація изгнала изъ своихъ кодексовъ даже по отношенію къ такимъ преступникамъ, злодѣянія которыхъ были доказаны на судѣ. И между тѣмъ корреспонденція „Русскихъ Вѣдомостей" удостовѣряетъ насъ, что до сихъ поръ никто изъ якутскихъ ссыльныхъ не получилъ облегченія участи; большинство изъ новоприбывшихъ было по прежнему разослано по улусамъ; эта же участь уготована и для вновь ожидаемыхъ." *).

---

*) Приклонскій, смѣлый и талантливый авторъ этой статьи, теперь уже мертвъ, и потому я безъ опасенія могу сказать здѣсь, что копія съ нея, со множествомъ другихъ матеріаловъ, касающихся административной ссылки, была получена мною лично отъ него. Это былъ человѣкъ благородный и талантливый, хорошо извѣстный въ Россіи, какъ авторъ сочиненій: „Очерки самоуправленія" (1884 года), „Народная жизнь на сѣверѣ", и многихъ статей о мѣстномъ самоуправленіи и положеніи крестьянъ въ Россіи, печатавшихся въ журналахъ: „Недѣля", „Земство" и „Русская Мысль". Приклонскій

Слова Приклонскаго находятъ себѣ полное подтвержденіе въ частныхъ письмахъ отъ невольныхъ улусныхъ обитателей, въ живомъ свидѣтельствѣ многихъ, уже прошедшихъ черезъ всѣ эти испытанія и, наконецъ, въ моемъ личномъ опытѣ. Я самъ спалъ въ якутскихъ юртахъ рядомъ со скотомъ, я самъ испыталъ нѣкоторыя лишенія, связанныя съ этой обстановкой и знаю, до чего должно быть мучительно для образованнаго существа, — особенно для женщины, — проводить мѣсяцы и годы въ такихъ условіяхъ. Надо сказать, впрочемъ, что ссыльные, имѣющіе возможность получать помощь изъ дому, покупаютъ или строятъ себѣ отдѣльные дома и ведутъ, поэтому, нѣсколько болѣе сносное существованіе. Иные имѣютъ кое-какія книги и получаютъ черезъ полицію нѣсколько разъ въ годъ письма отъ родныхъ, но все это далеко не избавляетъ ихъ отъ страданій и лишеній якутской ссылки. Линевъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ и владѣвшій англійскимъ языкомъ, разсказывалъ мнѣ, что ему приходилось цѣлые мѣсяцы не видѣть хлѣба и питаться исключительно рыбой и мясомъ. Ссылка окончательно разбила его здоровье и онъ умеръ на этапѣ, возвращаясь въ Россію, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ моей съ нимъ встрѣчи. Что жизнь улусныхъ ссыльныхъ, не смотря на самыя благопріятныя условія, мучительна до

не былъ революціонеромъ, и статья, которую я цитировалъ, была помѣщена въ „Земствѣ“, неофиціальномъ органѣ русскихъ земствъ. Я упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы показать, что если бы русское правительство сколько нибудь заботилось о положеніи политическихъ ссыльныхъ якутской области, оно могло бы найти необходимыя свѣденія и указанія у лицъ достойныхъ всякаго уваженія и нескрывавшихся подъ псевдонимами отъ отвѣтственности за свои слова. Изъ того, что министръ внутреннихъ дѣлъ не смущаясь продолжаетъ посылать образованныхъ людей въ якутскіе улусы, читатель вправѣ заключить, что онъ вполнѣ сознательно и преднамѣренно подвергаетъ ихъ всѣмъ тѣмъ ужасамъ, о которыхъ говоритъ письмо, приводимое Приклонскимъ; подвергаетъ по произволу безъ суда и возможности оправданія.

Прим. Кеннана.

невозможности, доказываютъ частыя самоубійства, въ которыхъ они ищутъ себѣ избавленія. Изъ 79 ссыльныхъ съ 1882 до 85 г. 6 покончили самоубійствомъ. Что было послѣ 1885 г. — я, къ сожалѣнію, не знаю.

Что меня особенно поразило въ томскихъ политическихъ ссыльныхъ, такъ это спокойствіе, съ которымъ они вспоминали о своихъ страданіяхъ и преслѣдованіяхъ. Мужчины и женщины, сосланные за отказъ дать присягу Александру III и перенесшіе въ дикой Якутской пустынѣ все, что можно себѣ представить, — голодъ, холодъ, болѣзни и лишенія, казалось, не видѣли въ своихъ испытаніяхъ ничего особенно экстраординарнаго. Отъ времени до времени мужъ, жена котораго не вынесла этой каторги и нашла спасеніе въ самоубійствѣ, судорожно сожметъ кулаки, говоря о ней; или несчастная мать, у которой умеръ отъ мороза ребенекъ, разрыдается среди повѣствованія; но, какъ правило, всѣ относились къ прошлому удивительно хладнокровно и спокойно. Х.. одинъ изъ ссыльныхъ показывалъ мнѣ однажды обширную коллекцію фотографическихъ карточекъ своихъ революціонныхъ друзей, и отвѣчалъ на мои вопросы такъ:

„Это? — спокойно говорилъ Х., — это г-жа А., земская учительница; она умерла въ кіевской тюрьмѣ. Этотъ господинъ съ окладистой бородой — В., мировой судья въ Р.; онъ повѣшенъ въ 1879 г. въ Петербургѣ. Дѣвушка съ исхудалымъ лицомъ С., изъ такъ называемыхъ пропагандистокъ; она сошла съ ума въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, ожидая суда. Эта красивая дама съ нашитымъ на рукавѣ крестомъ — Д., сестра милосердія во время русско-турецкой войны; теперь она осуждена на 20 лѣтъ каторги и находится на Карѣ. Рядомъ съ ней — Е., студентка-бестужевка; она зарѣзалась кускомъ стекла послѣ 2-хъ лѣтъ одиночнаго заключенія“.

И такимъ образомъ Х. перелистовалъ весь альбомъ, наскоро, сухимъ, дѣловымъ тономъ, касаясь ужасныхъ трагедій, въ которыхъ его друзья были дѣйствующими

лицами. Въ немъ не замѣчалось ни малѣйшаго волненія. Глядя на него, можно было бы подумать, что то, что вашихъ пріятелей вѣшаютъ, ссылаютъ на каторгу, сводятъ съ ума и доводятъ до самоубійствъ при помощи битаго стекла, что это — самая простая и обыденная вещь въ мірѣ. Это спокойствіе не было, однако, результатомъ безчувствія или индиферентизма; это было скорѣе результатомъ долговременной привычки. Человѣкъ привыкаетъ ко всему, даже къ зрѣлищу функціонирующаго полеваго госпиталя; и русскіе революціонеры такъ привыкли къ безправію и лишеніямъ, что могутъ говорить безъ возбужденія о такихъ вещахъ, которыя заставляли мое лицо пылать, а сердце биться сильнѣе отъ негодованія, или состраданія.

„Два раза въ жизни, — говорилъ мнѣ одинъ извѣстный русскій либералъ, — я живо почувствовалъ, что значитъ быть свободнымъ гражданиномъ. Въ первый разъ это было, когда я возвращался домой изъ Америки и замѣтилъ на границѣ рѣзкую разницу въ отношеніи жандармовъ ко мнѣ и къ ѣхавшимъ со мною англичанамъ. Второй разъ — теперь, во время разсказа В. Его исторія казалась Вамъ, какъ я ясно видѣлъ по выраженію вашего лица, чѣмъ то ужаснымъ и почти невѣроятнымъ, а для меня она была ничуть не удивительнѣе, чѣмъ сообщеніе объ опрокинутомъ на улицѣ человѣкѣ. Наблюдая за Вами, и на мгновеніе посмотрѣвъ на факты съ вашей точки зрѣнія, я еще разъ почувствовалъ, до осязательности, все различіе между свободнымъ гражданиномъ и россійскимъ обывателемъ.

Положеніе томскихъ ссыльныхъ во всѣхъ отношеніяхъ было лучшимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было еще въ Сибири. Образованные горожане въ большинствѣ случаевъ либералы и не боязливы. Въ городѣ имѣется книжный магазинъ, библіотека, театръ, либеральная газета (большую часть времени, впрочемъ, закрыта), прекрасныя школы; мѣстное начальство — спокойное и непривязчивое. Въ виду этого можно пожалѣть, что Томскъ скоро перестанетъ быть мѣстомъ ссылки. А этого мож-

но опасаться. Газеты сообщаютъ, что пресловутый томскій университетъ, зданіе для котораго, воздвигнутое главнымъ образомъ на частныя пожертвованія, давно уже готово, скоро будетъ, наконецъ, открытъ. Но правительство всѣми мѣрами старается препятствовать распространенію „опасныхъ идей“ среди университетской молодежи. Воспріимчивая молодежь изъ знакомства съ такими людьми какъ Чудновскій и Крапоткинъ можетъ вывести заключенія далеко не отвѣчающія вѣрноподданническимъ чувствамъ и правительственнымъ взглядамъ на воспитаніе. Я сильно боюсь поэтому, что если министръ рѣшится наконецъ на этотъ „опасный“ опытъ открытія университета, это открытіе будетъ сигналомъ разсылки томскихъ ссыльныхъ по другимъ мѣстамъ.

28-го Августа мы оставили, наконецъ, Томскъ, послѣ сердечнаго прощанія съ мѣстными ссыльными, полковникомъ Ягодинымъ и нѣкоторыми другими чиновниками. Губернаторъ Пѣтуховъ обѣщалъ снабдить насъ открытымъ письмомъ, разрѣшающимъ намъ безпрепятственно посѣщать этапы и тюрьмы, но потому ли, что онъ забылъ, или потому, что измѣнилъ свое намѣреніе, заставъ у насъ въ гостяхъ ссыльныхъ, мы отправились въ путь безъ такого разрѣшенія, предоставленные своей собственной предпріимчивости. Путь нашъ до Ачинска не былъ ознаменованъ ничѣмъ замѣчательнымъ. Мѣстность, ровная, а временами немного холмистая, напоминала собою, частью западный Мэнъ, частью плодородную земледѣльческую полосу восточнаго Нью-іоркскаго штата. То мы ѣхали цѣлыя часы между двумя стѣнами зеленѣющихъ березъ, тополей и сосенъ, скрывавшихъ отъ глазъ все, кромѣ неба и грязной полосы дороги, то выѣзжали на обширныя открытыя равнины, покрытыя пашнями или естественнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. Хотя погода указывала на близость осени, камары еще не изчезли, и цвѣты пестрили поля. Я собралъ 34 образчика разныхъ цвѣтовъ; дикихъ розъ, незабудокъ, астръ и др. Самой обрабо-

танной и привлекательной показалась мнѣ мѣстность между станціями Итатской и Боготольской, въ 50 миляхъ отъ Ачинска. Обработанныя поля и обширныя луга съ своими осенними тонами, съ небольшими рощами серебрившихся тополей, разбрасанными среди роскошной травяной растительности. съ желтѣющими копнами скошеннаго сѣна и группами мужчинъ и женщинъ, въ красныхъ и синихъ рубахахъ, которые подбирали сѣно, или мирно завтракали подъ тѣнью придорожныхъ деревьевъ. тронутыхъ морозомъ, представляли прекрасную картину, достойную кисти художника.

Къ сожалѣнію я не могу того же сказать о здѣшнихъ деревняхъ. Всѣ онѣ удивительно похожи одна на другую и состоятъ обыкновенно изъ двухъ, вытянутыхъ иногда на нѣсколько верстъ, рядовъ некрашенныхъ бревенчатыхъ избъ, раздѣленныхъ грязною, шоколаднаго цвѣта улицей, безъ малѣйшаго слѣда какой-нибудь растительности, если не считать вѣтокъ, красующихся надъ дверями „кабаковъ“. „ренсковыхъ погребовъ“. „питейныхъ заведеній“, или „оптовыхъ складовъ“. Всѣ эти почтенныя учрежденія, съ различными наименованіями, принося доходы правительству и деморализацію населенію, занимаются однимъ и тѣмъ-же дѣломъ. Всѣ они продаютъ водку и въ значительной степени отвѣтственны за грязный, унылый и нищенскій видъ сибирскихъ деревень. На одну школу ихъ приходится 30 въ Западной Сибири, и 35 — въ восточной. Трудно, конечно, надѣяться найти чистоту, порядокъ и процвѣтаніе въ странѣ, гдѣ такъ непропорціональны доступъ къ опьяненію и доступъ къ образованію.

Мое вниманіе въ гораздо большей степени привлекали деревенскія кладбища своей оригинальностью. Черные кресты надъ могилами были покрыты часто остроконечными крышами и окружены рѣшетками, выкрашенными въ красный, синій, зеленый и желтый цвѣта. Нарисованные бѣлою краскою на черныхъ крестахъ

фигуры распятаго Спасителя, съ непомѣрно длинными ногами, доходящими до подножья креста. производили на меня какое-то странное впечатлѣніе рядомъ съ веселыми цвѣтами рѣшетокъ. Русская привязанность къ рѣзкимъ краскамъ торжествовала даже надъ самою смертью.

Сѣнокосъ еще продолжался и все населеніе было въ полѣ. Въ деревняхъ все было пусто и какъ бы мертво, и эта пустота и отсутствіе всякихъ признаковъ жизни были для насъ, иностранцевъ, новостью, невольно останавливавшею вниманіе. Въ одной такой пустой деревнѣ мы были поражены видомъ лошади, закованной въ кандалы и мирно пасшейся у дороги. Я зналъ изъ исторіи, что русское правительство нѣкогда наказало кнутомъ и сослало въ Сибирь непокорный угличскій вѣчевой колоколъ за его свободный языкъ, но мысль, что и въ наше просвѣщенное время возможна ссылка и заковка въ кандалы „неблагонадежныхъ“ лошадей, казалась мнѣ все-таки нѣсколько смѣлою. Къ счастью, на почтовой станціи дѣло разъяснилось въ пользу цивилизаціи. „Отказъ въ присягѣ Александру III“ оказался въ этомъ случаѣ не при чемъ и лошадь носила правительственные кандалы только потому, что ея собственникъ затерялъ гдѣ то ключь и не могъ ихъ отпереть, и вотъ — несчастная лошадь ходила уже нѣсколько мѣсяцевъ закованная въ кандалы и безполезная. какъ заклепанная пушка.

Въ 20 миляхъ отъ Ачинска мы переѣхали границу между Томской и Енисейской губерніями. Начиная отсюда, цѣна за почтовую ѣзду удвоилась, и за одну лошадь намъ пришлось платить по 3 коп съ версты вмѣсто прежнихъ $1\frac{1}{2}$, безъ соотвѣтственнаго улучшенія въ комфортѣ и быстротѣ путешествія. Причины этого лежатъ, какъ намъ объснили, въ сравнительной дороговизнѣ содержанія въ Восточной Сибири. Быть можетъ это и такъ, но тогда только остается удивляться, почему правительство не принимаетъ въ разсчетъ этихъ соображеній въ дѣлѣ продовольствія аре-

стантовъ и ссыльныхъ. Дороже или дешевле жизнь въ восточной и западной Сибири, стоитъ-ли фунтъ хлѣба 2 или 7 копѣекъ, правительству до этого нѣтъ дѣла, и арестантъ вездѣ получаетъ свои 10 коп. въ день, предоставленный кормиться, какъ знаетъ.

Отъ Ачинска началось для насъ настоящее испытаніе и продолжалось до самаго Красноярска. Никогда въ жизни не видалъ я такой отвратительной дороги. Ухабы, ровчаки, цѣлыя пропасти, выбитыя тысячами прошедшихъ здѣсь обозовъ, ужасные мостики и еще болѣе ужасныя попытки на исправленіе дороги при помощи набросанныхъ кучъ хвороста дѣлали путешествіе мучительнымъ до невозможности. Американскій почтовый дилижансъ въ полъ-часа обратился бы здѣсь въ кучу щепъ, а мы, непривычные американцы, послѣ безконечныхъ толчковъ, тряски, дождей, ночныхъ холодовъ, безсонницы и голода (мы жили чуть не исключительно чаемъ и запасомъ взятаго съ собою хлѣба, потому, что доставать сносную пищу было почти невозможно) приведены были въ такое жалкое и несчастное положеніе, что не чувствовали, такъ сказать, въ себѣ живаго мѣста, и я, глядя на изнуренный видъ Фроста, началъ серьезно за него безпокоиться. Но отдыхать было негдѣ: почтовыя станціи были обыкновенно заняты проѣзжающими, которые спали и на диванахъ, и на полу, и мы пользовались для сна минутами сравнительно сносной дороги, да получасами, пока перемѣняли лошадей. Для насъ было большимъ удовольствіемъ узнать, что новый генералъ губернаторъ Восточной Сибири, графъ Игнатьевъ, проѣзжавшій нѣсколько дней тому назадъ по этой дорогѣ, былъ приведенъ въ такое отчаяніе ея состояніемъ, что приказалъ посадить въ тюрьму впредь до выясненія дѣла подрядчика, на обязанности котораго было держать ее въ порядкѣ. Мы съ Фростомъ находили, что тутъ было, пожалуй, и умѣстно примѣненіе деспотической власти.

Наконецъ, послѣ 5-то дневныхъ мученій, 2-го сентября мы прибыли въ Красноярскъ. Обильный ужинъ и

спокойный сонъ нѣсколько возстановили упавшія силы, и на слѣдующій день мы отправились съ визитомъ къ богатому мѣстному золотопромышленнику, Льву Петровичу Кузнецову, къ которому у насъ было рекомендательное письмо изъ Петербурга. Признаюсь, я никогда не ожидалъ найти въ Красноярскѣ такую пріятную обстановку и такой комфортъ, какія оказались въ домѣ Кузнецова. Слуга ввелъ насъ въ роскошную, изысканно и со вкусомъ убранную гостинную. Полированный полъ, тамъ и сямъ покрытый богатыми восточными коврами; пальмы и иныя тропическія растенія; громадныя зеркала и картины извѣстныхъ художниковъ на стѣнахъ; бронза, форфоръ и прекрасный рояль, заваленный нотами, составляли убранство комнаты. Мы не успѣли опомниться отъ изумленія, какъ вошелъ изящно одѣтый молодой человѣкъ и привѣтствовалъ насъ на хорошемъ англійскомъ языкѣ. Скоро мы познакомились со всей семьей, состоявшей изъ трехъ братьевъ и двухъ сестръ, холостыхъ и жившихъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ. Иннокентій Кузнецовъ и его сестры говорили по англійски, путешествовали по Америкѣ, и, что касается Иннокентія Петровича, — его знакомство съ моей страной могло меня даже пристыдить. Онъ два раза былъ тамъ, познакомился съ генераломъ Шериданомъ, съ капитаномъ Жакъ и другими нашими знаменитостями, охотился на буйволовъ и посѣтилъ даже такія уголки, какъ „Yellowstone Park“ и „Stakets Plaine“.

Читатель можетъ легко представить себѣ, какимъ наслажденіемъ было для насъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ утомительнаго путешествія, послѣ грязныхъ почтовыхъ станцій и гостинницъ, послѣ безпрестанныхъ сценъ страданій и горя, послѣ раздирающихъ душу исторій ссылокъ и заключеній, очутиться на время въ такомъ оазисѣ, какъ домъ Кузнецовыхъ. Мы были окружены здѣсь цвѣтами, книгами, картинами и прочими признаками развитаго вкуса, наслаждались музыкой и бесѣдой съ просвѣщенными людьми и изящными

дамами, за нхъ столомъ мы встрѣчали представителей мѣстной интеллигенціи, между прочими, г. Савенкова, директора образцовой школы, ученаго археолога, только что вернувшагося изъ своей экспедиціи къ верховьямъ Енисея. Вообще гостепріимный домъ Кузнецовыхъ грозилъ стать для насъ Капуей; надо было бѣжать, чтобы не поддаться его очарованію, и 5-го сентября запасшись чаемъ, хлѣбомъ и мѣдной монетой, мы снова отправились на свою добровольную муку, переправившись черезъ Енисей на паромѣ.

На этотъ разъ на погоду нельзя было жаловаться. Дождя не было и солнце какъ бы старалось наверстать свои прошлые грѣхи. Но все указывало на осень. Листья на деревьяхъ желтѣли и краснѣли, трава начинала блекнуть и населеніе спѣшило съ покосомъ. Безъ всякихъ приключеній и остановокъ ѣхали мы до станціи Камышинской (350 миль отъ Иркутска). Здѣсь пришлось остановиться на нѣсколько часовъ у мѣстной кузницы для починки тарантаса. Кузнецъ съ помощью своей дочери, здоровой 18-ти лѣтней дѣвушки, занимался ковкою лошадей. Здѣсь въ первый разъ наблюдалъ я эту операцію въ Сибири, и надо думать, что здѣшнія лошади крайне дики, или кузнецы слишкомъ безцеремонно забиваютъ въ копыта гвозди. Такъ или иначе, но когда я увидѣлъ несчастное животное съ крѣпко перевязанными ногами, поднятымъ какъ на дыбу широкими ремнями, безъ всякой возможности двинуть ногою, я рѣшилъ, что сибирскіе кузнецы являются самыми желательными и выгодными клієнтами для обществъ, страхующихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Пока мы ждали у кузницы, подъѣхала московская почта чуть не на десяткѣ телѣгъ, грузно набитыхъ кожанными мѣшками. Столкнуться такимъ образомъ съ почтой проѣзжающему—чистое несчастіе. Она забрала со станціи всѣхъ лошадей и мы могли отправиться дальше только послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія.

До самаго Иркутска мы ѣхали почти безъ остановокъ, если не считать нѣкоторыхъ задержекъ для осмотра

какого нибудь этапа, или наблюденія за движеніемъ арестантскихъ партій, которыя во всякую погоду медленно двигаются по своему назначенію, на Кару.

Разстояніе, которое мы проѣхали въ 8 дней, партіи проходятъ въ 2 и болѣе мѣсяца, и достаточно взглянуть на изможденныя, страдальческія лица арестантовъ, чтобы представить себѣ, какой массы мукъ и лишеній стоитъ имъ это путешествіе. Американскій читатель, боюсь, прямо не пойметъ этого. За время своего путешествія отъ Томска до Иркутска мнѣ много разъ приходилось видѣть арестантовъ въ пути, въ проливной дождь и подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ; я осматривалъ несчастные этапы, въ которые ихъ загоняютъ на ночь, какъ скотъ; я видѣлъ лазареты, гдѣ они недѣлями лежатъ безъ ухода и медицинской помощи; мнѣ приходилось часто говорить съ этапными офицерами и чиновниками пересыльной администраціи, и я пришелъ къ окончательному заключенію, что страданія, сопряженныя съ настоящимъ способомъ пересылки ссыльныхъ въ Сибирь превосходятъ всякое вѣроятіе и не имѣютъ ничего себѣ подобнаго нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ страданій суть, конечно, результатъ небрежности, индифферентизма или испорченности мѣстной администраціи, но главное зло лежитъ, несомнѣнно, въ самой системѣ пересылки и пзчезнетъ только съ уничтоженіемъ и замѣною ея заключеніемъ въ самой европейской Россіи. Мнѣ кажется, достаточно минутнаго размышленія, чтобы прійти къ такому заключенію: При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могутъ 6-10 тысячъ человѣкъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — пройти 2000 миль по такой странѣ, какъ Сибирь, не подвергаясь ужаснымъ лишеніямъ. Однихъ физическихъ страданій достаточно тутъ, чтобы подорвать здоровье и силу обыкновеннаго человѣка; а если присоединить сюда плохую одежду, недостаточную пищу, отвратительную атмосферу переполненныхъ этаповъ и почти полное отсутствіе медицинской помощи, — прійдется удивлять-

ся не тому, что такъ много арестантовъ умираетъ, а тому, что ихъ такъ много выживаетъ.

Партіи, оставляющіе Томскъ въ Іюлѣ и Августѣ еще на дорогѣ до Иркутска захватываются морозами и холодными осенними дождями. Люди, еще не снабженные зимнимъ платьемъ, могутъ противопоставить погодѣ только грубыя рубахи, да суконные халаты, и промоченные до костей, — женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, больные, тщетно ищущіе защиты въ вымоченномъ сѣнѣ, которымъ набиты телѣги, — идутъ по колѣно въ грязи со скоростью 3 верстъ въ часъ. Идутъ босые, потому что мелкіе „коты“ (лѣтняя обувь) тонутъ въ грязи и обращаются черезъ нѣсколько часовъ въ рваную, ни къ чему негодную ветошь. Эти коты поставляются подрядчиками и дѣлаются изъ самаго дешеваго матеріала. Само правительство назначаетъ 6 недѣль, какъ срокъ ихъ носки. Естественно, что черезъ недѣлю ихъ остается только выбросить, по этому чаще они вшятъ, въ видѣ украшеній, за спиной, не исполняя своей прямой и единственной обязанности, — защищать ноги отъ холода, грязи и пораненій.

Когда партія, измоченная, усталая и голодная, подходитъ къ одной изъ расположенныхъ по дорогѣ деревень, староста проситъ у офицера разрѣшенія на сборъ подаянія. Если это разрѣшеніе дается, происходитъ самый важный для партіи и любопытный для наблюдателя моментъ этапнаго путешествія. Арестанты снимаютъ шапки и медленнымъ, тянущимся шагомъ входятъ въ деревню, затягивая свою знаменитую „милосердную“. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта пѣсня въ первый разъ. Мы сидѣли на почтовой станціи, въ ожиданіи лошадей. Внезапно мое ухо поразили какіе то жалобные, дрожащіе звуки, доносившіеся издалека, звуки, производимые, очевидно, человѣческими голосами, но не похожіе ни на что, что мнѣ приходилось слышать. Это не было ни пѣніемъ, ни стономъ, ни похороннымъ плачемъ, это было смѣсью всего этого, вырванной изъ человѣческой

груди пыткою, но пыткою, не дошедшей еще до той степени мучительности, которая вызываетъ неудержимый вопль. Мы вышли на улицу и увидѣли въ началѣ деревни партію изъ 100-150 человѣкъ, закованныхъ, съ открытыми полуобритыми головами, двигавшихся медленнымъ шагомъ и окруженныхъ цѣпью солдатъ. Партія пѣла. Пѣвцы не заботились, казалось, о гармоничности звуковъ; каждый изъ нихъ, независимо одинъ отъ другаго, произносилъ слова; нельзя было уловить ни паузъ, ни ритма, но эффектъ получался поразительный, — чего то въ родѣ дикой фуги, или похороннаго пѣнія, чего-то неопредѣлимаго, но надрывающаго душу. Слова были приблизительно таковы: „Милосердные наши батюшки, пожалѣйте насъ, несчастныхъ странниковъ, не забывайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ. Накормите насъ, наши батюшки, помогите намъ. Накормите и помогите намъ бѣднымъ нуждающимся. Пожалѣйте насъ, наши батюшки, пожалѣйте насъ, наши матушки...“ и т. д. Представьте себѣ сотню человѣкъ, поющихъ эту жалобу однообразнымъ низкимъ тономъ, медленнымъ темпомъ подъ акомпанименть звяканія цѣпей и вы будете имѣть нѣкоторое, очень слабое, понятіе о „милосердной“. Какъ ни грубъ, безыскустенъ и негармониченъ этотъ призывъ къ сожалѣнію, я никогда не слышалъ ничего болѣе мрачнаго и подавляющаго. Онъ казался мнѣ выраженіемъ сего того горя, всѣхъ страданій и отчаянія, которыя накопились въ поколѣніяхъ ссыльныхъ въ этапахъ, тюрьмахъ, на каторгахъ, На звукп этой пѣсни изъ всѣхъ воротъ выходятъ женщины и дѣти съ кусками хлѣба или мяся, съ яйцами и прочими продуктами, которые за деревнею, на привалѣ, распредѣляются между арестантами. Послѣ короткаго завтрака партія продолжаетъ путь и къ вечеру приходитъ на этапъ. Здѣсь арестанты должны ложиться спать въ томъ же мокромъ насквозь бѣльѣ, въ холодныхъ, почти нетопленныхъ камерахъ. У нѣкоторыхъ имѣется перемѣна бѣлья, но пробывъ подъ дождемъ цѣлый день, эта перемѣна такъ же мокра,

какъ и та, которая на тѣлѣ. А вѣдь какъ легко было бы, кажется, предупредить это, покрывая брезентомъ телѣги съ арестанскими вещами? Отъ этого ничтожнаго обстоятельства зависитъ, быть можетъ, жизнь сотенъ людей. Наконецъ, самый расходъ на брезентъ, несомнѣнно былъ бы меньше, чѣмъ расходъ на похороны тѣхъ, которые умираютъ отъ простуды, захваченной отъ сна въ мокромъ платьѣ. Если меня спросятъ, но почему же тогда этотъ расходъ не дѣлается, я отвѣчу: потому что тѣ, которые заботятся, безсильны; тѣ же, которые имѣютъ власть, — незаботятся. Черезъ всю Сибирь проѣхалъ я съ этимъ вопросомъ на устахъ: „почему“? и это — отвѣтъ, который я постоянно получалъ.

„Сколько разъ докладывалъ я, — говорилъ мнѣ одинъ высокопоставленный чиновникъ пересыльной администраціи, — что ссыльныхъ надо отправлять лѣтомъ, въ телѣгахъ, а не заставлять ихъ идти пѣшкомъ цѣлый годъ. Точнѣйшими цифрами я доказывалъ, что это не только болѣе человѣчный способъ пересылки, но и болѣе дешевый, что на каждомъ пересыльномъ сберегается такимъ образомъ 14 рублей въ годъ на пищѣ и платьѣ....“

„Ну и что же? Почему такъ не дѣлается?“ — спросилъ я.

Мой собесѣдникъ только вздернулъ плечами въ отвѣтъ на наивный вспросъ.

„Я неоднократно возражалъ, — говорилъ мнѣ другой чиновникъ, — противъ принятія отъ поставщиковъ негодныхъ вещей, но изъ всѣхъ моихъ протестовъ ничего не вышло. Коты приходящіе въ полную негодность послѣ 2 дней употребленія, принимаются какъ надлежащіе и арестанты должны идти босикомъ. Что же я могу подѣлать?“

Будучи въ Иркутскѣ я засталъ разъ у Петрова, временнаго мѣстнаго губернатора, полковника Загарина, пересыльнаго инспектора. Онъ привезъ съ собою нѣсколько паръ котовъ, только что принятыхъ отъ под-

рядчика губернскимъ правленіемъ, и поставилъ ихъ рядомъ съ котами, которые должны были служить образцомъ. Сходства между ними было такъ мало; принятые коты были такъ плохи, обманъ былъ такъ очевиденъ, что я на этотъ разъ думалъ, что протестъ Загарина будетъ принятъ во вниманіе, и комиссія кассируетъ рѣшеніе губернскаго правленія. Возвращаясь изъ Забайкалья я спросилъ Загорина о результатахъ его протеста.

„Результата не было“, — отвѣчалъ мнѣ Загоринъ.

„И арестанты отправились въ путь въ тѣхъ котахъ?“

„Да!“ — отвѣчалъ онъ. Я болѣе ничего не спрашивалъ.

Я могъ бы наполнить безчисленное количество листовъ иллюстраціями, показывающими, до чего невыносимой дѣлается дорожная жизнь ссыльныхъ вслѣдствіе небрежности или злоупотребленій администраціи, но это, кажется, не необходимо. Хроники лазаретовъ съ ихъ громадной цифрой смертности говорятъ сами за себя. Сотни арестантовъ, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, на свою погибель заболѣвшіе на дорогѣ, тифомъ или воспаленіемъ легкихъ, прежде, чѣмъ умрутъ въ госпиталѣ, недѣлю и двѣ мучатся въ тряскихъ телѣгахъ по отвратительной дорогѣ. И при существующихъ условіяхъ это неизбѣжно. Этапный офицеръ не можетъ оставить больнаго арестанта безъ надзора и помощи въ пустомъ этапѣ. Онъ долженъ везти его впередъ, пока не довезетъ до города съ лазаретомъ.

Много разъ, когда безсонныя ночи, ужасная тряска и отвратитительная погода доводили насъ съ Фростомъ до мучительнаго, болѣзненнаго состоянія, я поддерживалъ свою энергію воспоминаніемъ о сотняхъ мущинъ и женщинъ, которые на этой же дорогѣ, въ тифѣ и безсознательномъ состояніи, не защищенные отъ непогоды, безъ всякихъ признаковъ комфорта, безпомощно бились головами о спинки телѣгъ въ ожиданіи лазарета. Если это выносится, думалъ я, то стоитъ ли думать о тѣхъ ничтожныхъ страданіяхъ, которыя выпадаютъ на мою долю.

Больные, ожидающіе какъ спасенія госпиталя, могутъ надѣяться умереть мирно подъ кровлею, но, если вѣрить рапортамъ администраціи, едва ли они могутъ ожидать выздоровленія. Галкинъ-Врасскій въ своемъ рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ (1885 г.) такъ описывалъ состояніе лазаретовъ между Ачинскомъ и Иркутскомъ:

„До 1885 г. для заболѣвшихъ на дорогѣ арестантовъ не имѣлось ни лазаретовъ, ни какихъ бы то ни было приспособленій для докторовъ, или даже для фельдшеровъ. Согласно 5 пункту 363 отдѣла „Устава о ссыльныхъ“ помощь больнымъ арестантамъ лежитъ на обязанности гражданскихъ и военныхъ врачей въ мѣстахъ, гдѣ распредѣлены этапные офицеры. Гражданскіе врачи не живутъ, однако, въ этапныхъ деревняхъ, а военные имѣются только на этапахъ Шарагульскомъ, Бирюсинскомъ и Тирецкомъ*). Эти лазареты имѣютъ по 6 кроватей для солдатъ конвойныхъ командъ. Арестанты, заболѣвающіе на дорогѣ, оставляются на этихъ этапахъ, но не въ лазаретахъ, а въ этапныхъ камерахъ. Ихъ не только не раздѣляютъ сообразно ихъ полу, возрасту и характеру болѣзни, но здѣсь не имѣются никакихъ приспособленій, необходимыхъ для лазарета. Здѣсь нѣтъ ни сидѣлокъ, ни постельнаго бѣлья, ни кроватей, ни даже посуды для ѣды.“

Больной, попавшій, наконецъ, въ одинъ изъ этихъ „лазаретовъ“, гдѣ „нѣтъ ни сидѣлокъ, ни постельнаго бѣлья, ни кроватей, ни даже посуды для ѣды“ очевидно не можетъ питать особенно сангвиническихъ надеждъ на выздоровленіе. Однако, большинство какимъ-то чудомъ выздоровливаетъ и средняя смертность въ

*) Разстояніе между этими этапами таково: 352 мили, 200 миль, 90 миль и отъ Тирецкой до Иркутска 139 миль Партія же дѣлаетъ въ недѣлю, среднимъ числомъ 80 миль.

Прим. Кеннана.

партіяхъ между Томскомъ и Иркутскомъ, взятая за круглый годъ, ровна 12-15% *).

Неудивительно, что ссыльные пытаются избавиться отъ такой жизни путемъ побѣговъ. Опытные бродяги и рецидивисты обыкновенно достигаютъ этого при помощи „смѣнокъ“ съ поселенцами, выпускаемыми на мѣстахъ ихъ причисленія на волю, нѣкоторые же смѣлые и отчаянные рѣшаются иногда на побѣги „на ура“, т. е. прорываясь черезъ цѣпь солдатъ во время пути. Въ нихъ стрѣляютъ, и одинъ или два изъ нихъ обыкновенно платятъ за свою попытку смертью, но иногда, если дѣло происходитъ возлѣ пустаго мѣста, смѣлость вознаграждается успѣхомъ, и бѣглецы, пока ихъ товарищи по партіи продолжаютъ свой медленный путь на востокъ, разбивши кандалы, присоединяются къ какому-нибудь отряду великой арміи бродягъ, которая постоянно движется въ обратную сторону, на западъ, къ Уралу.

---

*) Въ 1883 г. 70 ссыльныхъ умерло между Томскомъ и Ачинскомъ въ теченіи путешествія, занявшаго 21 дней. Если бы такая смертность продолжалась бы весь годъ, изъ 7865 пришедшихъ здѣсь арестантовъ умерло бы 1217. См. Рапортъ иересыльнаго Инспектора Западной Сибири за 1884 годъ, стр. 32, 33.).

Прим. Кеннана.

Жизнь административно-ссыльныхъ.

Чтобы въ связной и понятной формѣ передать читателю результаты моего изслѣдованія русской ссыльной системы, я нахожу нужнымъ прервать на время свой разсказъ и свести здѣсь въ одно матеріалы, относящіеся къ одной сторонѣ дѣла, но собранные отрывочно, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Передавать эти матеріалы въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ собиралъ, — значило бы въ значительной мѣрѣ лишить ихъ того значенія и силы, какія они имѣютъ; это затруднило бы читателю полное пониманіе одной изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ сторонъ ссылки. Раньше, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія я сгруппировалъ значительное количество фактовъ, разъясняющихъ самый процессъ административнаго изгнанія; здѣсь я обращу исключительное вниманіе на жизнь, которую приходится вести въ ссылкѣ такимъ изгнанникамъ.

Произвольная отправка русскихъ гражданъ въ Сибирь, безъ суда и по одному подозрѣнію въ „неблагонадежности“ стала обычнымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царствованія Александра II-го Практиковалась иногда она, конечно, и раньше, но съ 1878 года, когда борьба террористовъ съ правительствомъ особенно обострилась, административная ссылка

стала явленіемъ обычнымъ, и люди, извѣстные либерализмомъ, или подозрѣваемые въ симпатіи къ революціонному движенію, отсылались въ Сибирь десятками и сотнями. Если у какого-нибудь юноши находили запрещенную книгу, этого было достаточно, чтобы сослать его въ Сибирь; если какой-нибудь энтузіастъ-студентъ начиналъ обучать грамотѣ фабричныхъ рабочихъ, его слали въ Сибирь за излишнія заботы о низшемъ классѣ; если полиція заставала позднимъ вечеромъ кампанію молодежи, собравшейся „при подозрительныхъ обстоятельствахъ“, имена преступниковъ заносились въ списокъ „неблагонадежныхъ“ и если потомъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, правительство находило нужнымъ „принять болѣе сильныя мѣры для сохраненія общественнаго спокойствія“, несчастные, собравшіеся, быть можетъ, лишь для совмѣстнаго чтенія Спенсера или Милля. безжалостно отсылались въ Сибирь. какъ заговорщики. Друзья и родственники осужденныхъ, само собою разумѣется, высылались въ Сибирь, и задолго до убійства Александра II—700-800 молодыхъ людей, самыхъ различныхъ общественныхъ положеній были высланы безъ суда въ Сибирь, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго тюремнаго заключенія*). Уже въ концѣ 1880 г. едва ли можно было найти городокъ въ Западной Сибири, гдѣ не было бы административно-ссыльныхъ, а въ такихъ городахъ какъ Тара, Тюкалинскъ, Ялуторовскъ, Семипалатинскъ, Курганъ, Сургутъ, Омскъ, Томскъ, находились цѣлыя колоніи ссыльныхъ.

Въ то время не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ для ссыльныхъ. Къ нимъ прилагалась мѣра, не опредѣленная дѣйствующимъ законодательствомъ и находившаяся въ безконтрольномъ распоря-

*) Въ 1882 г. оффиціально было показано 1500 человѣкъ находящихся подъ надзоромъ. Большинство ихъ находилось въ ссылкѣ. *Прим. Кеннана.*

женіи власть имѣющихъ. Какъ естественное послѣдствіе, ея приложеніе было измѣнчиво и произвольно. Человѣкъ могъ быть сосланъ административно на годъ, на десять лѣтъ, на всю жизнь; его могли отправить въ сожженныя солнцемъ долины Иртыша, или въ арктическія пустыни Якутска; съ нимъ могли обращаться, какъ съ малолѣтнимъ ребенкомъ, или какъ съ осужденнымъ каторжникомъ, — и противъ произвола власти у него не было никакой законной точки опоры. Его положеніе во многихъ отношеніяхъ было хуже, чѣмъ положеніе обыкновеннаго преступника. Послѣдній зналъ по крайней мѣрѣ, за что и какъ долго суждено ему нести свою кару. Его сулилъ законъ и законъ же до нѣкоторой степени защищалъ его отъ капризовъ и дурнаго обращенія со стороны мелкаго мѣстнаго начальства. Административно-ссыльный нигдѣ не имѣлъ такой защиты. Онъ стоялъ совершенно внѣ закона: срокъ ссылки для него не былъ опредѣленъ и могъ всегда быть увеличеннымъ по желанію начальства; онъ не имѣлъ никакихъ признанныхъ за нимъ правъ, ни какъ гражданинъ, ни какъ преступникъ; онъ не могъ знать съ точностью, переходитъ ли, или нѣтъ, мѣстное начальство по отношенію къ нему границу своихъ правъ. Единственною уздою для мѣстныхъ властей были получаемыя время отъ времени отъ министра секретныя инструкціи, но и эта узда была скорѣе лишь номинальна; инструкціи часто не совпадали одна съ другою; онѣ не разрѣшали и половины возникавшихъ недоразумѣній; онѣ, наконецъ, клались подъ спудъ, въ случаѣ сомнѣній и совершенно пренебрегались въ минуты гнѣва и возбужденія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей были замѣшательства, безпорядки и постоянныя требованія власти. Въ одномъ мѣстѣ отъ административно-ссыльныхъ требовали ежедневнаго появленія въ полицію для представленія по начальству и для записи своихъ именъ въ книгу; въ другомъ ихъ подвергали постоянному и унизительному надзору, не останавливающемуся даже передъ

спальнею молодой дѣвушки. Одинъ исправникъ допускалъ занятія преподаваніемъ или медициной; другой отсылалъ въ тюрьму за музыкальный урокъ и за прописку хиннаго порошка. Въ Усть-Каменогорскѣ ссыльный могъ отлучиться за 3, 4 мили отъ города, рискуя лишь получить выговоръ; въ Ишимѣ достаточно было отойти на 200 шаговъ отъ города въ прилегающій лѣсъ, чтобы отправиться за это преступленіе въ Якутскую область. Вездѣ царили — неопредѣленность и недоразумѣнія, которыя постоянно вызывали столкновенія ссыльныхъ съ начальствомъ.

Такъ шло дѣло до 1882 года, когда Александръ III подписалъ наконецъ „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ“. Я намѣренъ здѣсь изложить это „Положеніе“ и иллюстрировать его извѣстными мнѣ эпизодами изъ жизни сибирскихъ административно-ссыльныхъ. Положеніе подраздѣляется на 40 секцій и заключаетъ въ себѣ 5 мелкимъ шрифтомъ напечатанныхъ страницъ. Всего курьезнѣе въ немъ то, что хотя оно относится почти исключительно къ лицамъ сосланнымъ, въ немъ ни разу не встрѣчаются слова „ссылка“, „Сибирь“. Какъ будто бы авторъ „Положенія“ стыдился откровенно признаться, что его произведеніе заключаетъ въ себѣ инструкціи, регулирующія жизнь сотенъ мущинъ и женщинъ, оторванныхъ отъ дома и безъ суда заброшенныхъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Единственный намекъ на это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ параграфѣ: „полицейскій надзоръ надъ лицами *находящимися въ назначенныхъ для нихъ мѣстожительствахъ*, дѣйствуетъ..... и т. д. (2)“.

Въ этихъ безцвѣтныхъ словахъ нѣтъ ничего, что указывало бы на то, что эти „назначенныя для нихъ мѣстожительства“, въ которыхъ находятся какіе-то „лица“, расположены въ 5000 миль отъ Петербурга, и я увѣренъ, что простодушный читатель могъ бы выучить наизустъ все „Положеніе“, ни на минуту не предположивъ, что дѣло идетъ, въ сущности, о людяхъ, высланныхъ безъ суда къ границамъ Монголіи или въ

якутскіе улусы возлѣ сѣвернаго полярнаго круга. Авторъ „Положенія“ сдѣлалъ полицейскій надзоръ главнымъ предметомъ своего законодательства и искусно скрылъ подъ нимъ то, что онъ лицемѣрно называетъ „назначенными для нихъ мѣстожительствами“. Даже нравственное чувство привычныхъ русскихъ возмутилось бы, несомнѣнно, если бы „Положеніе“ было озаглавлено соотвѣтственно своему содержанію: „Правила, регулирующія поведеніе лицъ, сосланныхъ безъ суда въ Сибирь“. Слова „сосланныхъ безъ суда въ Сибирь“ звучатъ слишкомъ дурно, между тѣмъ, какъ фраза „лица опасныя для общественнаго спокойствія, могутъ быть обязываемы проживать въ опредѣленныхъ имъ мѣстахъ“ — сравнительно безобидна и не вызываетъ негодованія даже въ щепетильномъ умѣ.

Когда намъ говорятъ, что русскій гражданинъ можетъ быть арестованъ и, не обвиненный ни въ какомъ преступленіи, отправленъ административно въ какую нибудь глухую деревушку Сибири, гдѣ долженъ жить цѣлые годы, естественно возникаетъ вопросъ: „Каковы условія жизни, которую приходится ему тамъ вести? Чѣмъ законъ помогаетъ ему выдерживать такую жизнь? Что онъ можетъ тамъ дѣлать? Что ему запрещено и какъ съ нимъ обходятся?“ На каждый изъ этихъ вопросовъ „Положеніе“ даетъ отвѣтъ, и такъ какъ эти оффиціальные отвѣты, конечно, имѣютъ болѣе вѣса чѣмъ показанія самихъ ссыльныхъ, я передамъ въ кратцѣ содержаніе „Положенія“, которое ссыльные иногда шутливо называютъ своею „конституціею“ или „билемъ о правахъ“. Вотъ оно:

„Наибольшій срокъ ссылки устанавливается въ пять лѣтъ“ (Параг. 3).

„Какъ скоро ссыльный достигаетъ мѣста назначенія, ему выдается, вмѣсто паспорта, другой документъ, въ которомъ указаны его имя, званіе, прежнее мѣстожительства и новое, для него обязательное“ (Пар. 5).

„Ссыльный не имѣетъ права оставить назначенное ему мѣсто проживанія безъ разрѣшенія начальства. Въ

случаѣ перемѣны квартиры онъ обязанъ сдѣлать объ этомъ заявленіе въ полиціи въ 24-часовой промежутокъ времени“ (Пар. 7).

„Въ особенно важныхъ случаяхъ, если поведеніе его удовлетворительно, ссыльный можетъ на время отлучаться отъ своего мѣста жительства, но подъ обязательнымъ условіемъ разрѣшенія на это со стороны губернатора, если перемѣщеніе не переходитъ предѣловъ губерніи, и со стороны министра Внутреннихъ дѣлъ, если оно ихъ переходитъ“. (Пар. 8).

„Ссыльный, которому такое разрѣшеніе дано, долженъ быть снабженъ видомъ, съ точно опредѣленнымъ маршрутомъ. Онъ не долженъ останавливаться на пути безъ вполнѣ уважительныхъ причинъ (болѣзни напр.); въ послѣднемъ случаѣ онъ тотчасъ долженъ заявить объ этомъ ближайшему начальству. Онъ обязанъ являться въ полицію во всякомъ городѣ, лежащемъ на его пути. Во всякое время онъ можетъ быть возвращенъ на свое мѣсто жительства, если поведеніе его покажется подозрительнымъ“. (Пар. 9-16).

„Ссыльный обязанъ являться въ полицію по ея первому требованію“. (П. 17).

„Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру ссыльнаго во всякое время дня и ночи; имѣетъ право обыска и задержанія вещей, по своему усмотрѣнію“. (П. 19).

„Ссыльный не можетъ занимать никакой должности на государственной и общественной службѣ; онъ не имѣетъ права заниматься письменною работою для государственныхъ, земскихъ и иныхъ учрежденій, безъ спеціальнаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“. (П. 21).

„Ссыльный не имѣетъ права быть основателемъ или членомъ никакого частнаго общества; онъ не можетъ быть опекуномъ и попечителемъ“. (П. 22-23).

„Ссыльнымъ воспрещается педагогическая дѣятельность всякаго рода. Имъ запрещается давать уроки, читать публичныя и частныя лекціи, присутствовать

на публичныхъ собраніяхъ ученыхъ обществъ; участвовать въ театральныхъ и пныхъ представленіяхъ и вообще появляться въ общественныхъ роляхъ. Имъ запрещается принимать какое бы то ни было участіе, хотя бы въ качествѣ рабочихъ, въ заведеніяхъ фотографическихъ, литографическихъ, типографическихъ и библіотечныхъ; имъ запрещается заниматься литературою, держать чайныя и какія бы то ни было питейныя торговыя заведенія". (П. 24).

„Ссыльный не имѣетъ права вести въ судахъ тяжебныя дѣла кого бы то ни было, кромѣ себя и своихъ ближайшихъ родныхъ. Онъ не имѣетъ права заниматься медициною; онъ не можетъ быть аптекаремъ и химикомъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (П. 26, 26).

„Всѣ разрѣшаемые закономъ занятія, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, дозволяются ссыльнымъ, если эти занятія не могутъ по мѣстнымъ условіямъ, оказаться благопріятными для достиженія какихъ либо незаконныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія цѣлей. Въ послѣднемъ случаѣ губернаторъ можетъ запретить ссыльнымъ того или иного рода дѣятельность". (Пар. 28).

„Министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ задерживать, если найдетъ это нужнымъ, переписку ссыльныхъ и подвергать ее правильному контролю". (П. 29).

„Нааушеніе какого либо изъ вышеприведенныхъ правилъ можетъ быть наказано заключеніемъ, срокомъ отъ 3 дней до 1 мѣсяца. Отлучка съ мѣста причисленія влечетъ за собою наказаніе, указанное въ 63 пар. Устава о наказаніяхъ, подлежащихъ вѣденію мировыхъ судей". (П. 32).

„Ссыльные, не имѣющіе собственныхъ средствъ для существованія, получаютъ пособіе для себя и своихъ семей, добровольно за ними послѣдовавшихъ, отъ государства. Это пособіе можетъ быть не выдаваемо ли-

цамъ, не имѣющимъ занятій по винѣ ихъ лѣности или дурнаго поведенія". (П. 33-37).

„Ссыльные, въ случаѣ болѣзни, принимаются для леченія въ государственныя больницы". (П. 38).

„Ссыльные, не имѣющіе средствъ для возвращенія на родину, по истеченіи срока ссылки, могутъ получать помощь отъ государства, согласно императорскому приказу 10 янв. 1881 г." (П. 40).

Такова вкратцѣ „конституція" административно-ссыльныхъ, съ тою только разницей, что я вездѣ замѣнилъ словами „ссыльные", „ссылка" двусмысленно-лживые оригинальные термины, въ родѣ „лица, находящіеся подъ надзоромъ" и „водвореніе въ назначенное мѣстожительство", хотя употребленіе этихъ послѣднихъ терминовъ и дѣлаетъ большую честь автору „Положенія". Конечно, несчастной матери легче будетъ нести свое горе, если она, прочитавъ „Положеніе", узнаетъ, что ея сынъ не „сосланъ", а только „водворенъ" въ тѣ мѣста, недалеко отъ которыхъ капитанъ Делонгъ и матросы Жанеты погибли отъ голода и холода.

Когда административно-ссыльный, послѣ мѣсяцевъ этапнаго пути, достигаетъ наконецъ сибирскаго городка или деревни, въ которой онъ долженъ быть „водворенъ", его прежде всего везутъ въ полицію, гдѣ онъ получаетъ „видъ на жительство" и копію съ „Положенія", съ словесными комментаріями, разъясняющими ему, что онъ не долженъ выходить за предѣлы деревни, что его переписка находится подъ контролемъ, и что, въ виду возможнаго побѣга, онъ долженъ въ опредѣленные часы, или дни, являться лично въ полицію. Затѣмъ онъ „свободенъ", и первое, о чемъ онъ долженъ позаботиться, это — кровъ. Въ поискахъ этого крова, ходя отъ одного обывателя къ другому, онъ впервые практически познаетъ, что такое его „видъ на жительство", этотъ „волчій паспортъ" ссыльнаго. Въ глазахъ всякаго обывателя, ссыльный — во-первыхъ,

„опасный“ человѣкъ, во-вторыхъ, — и это важнѣе всего, — человѣкъ, находящійся въ постоянныхъ и крайне непріятныхъ сношеніяхъ съ полиціей. Взять его на квартиру, это значитъ не только открыть свой домъ для вѣчнаго соглядатайства полиціи, къ которой всѣ чувствуютъ инстинктивную антипатію, это значитъ, пожалуй, взять на себя и нѣкоторую обязанность надзора и отвѣтственности за поведеніе жильца. Такая перспектива слишкомъ непріятна, чтобы помириться съ нею изъ за нѣсколькихъ рублей. Но, наконецъ, съ помощью ссыльныхъ или самостоятельно, нашъ „поднадзорный“ находитъ себѣ жалкую комнату у какого нибудь бѣдняка, сноситъ въ нее свои пожитки и начинаетъ оріентироваться. Первый вопросъ, возникающій въ его головѣ, конечно, таковъ: Чѣмъ онъ будетъ жить? Въ Россіи у него осталась, быть можетъ, безпомощная семья; ея судьба давно уже лежитъ тяжелымъ камнемъ на его душѣ, а теперь возникаетъ новый вопросъ: какъ онъ *самъ* будетъ жить? Просматривая „Положеніе“, онъ узнаетъ, что можно разсчитывать на казенное пособіе; наведя справки, онъ узнаетъ и его величину — 6 руб. въ мѣсяцъ (почти 3 доллара). Прикидывая цѣны продуктовъ, самыхъ необходимыхъ, безъ которыхъ обойтись невозможно, онъ получаетъ приблизительно слѣдующій счетъ: квартира — 1 дол.; 40 фун. мяса — 1 дол. 50 ц.; 40 ф. бѣлаго хлѣба — 58 ц.; 40 чернаго хлѣба — 33 ц.; 40 яицъ — 12 цен.; кирпичь чаю — 79 ц.; 1 ф. сахару 10 ц,; 1 ф. табаку (самаго дешеваго) — 25 ц.; 1 ф. керосину — 5 ц. — Итого 4 дол. 72 цента. Оказывается дефицитъ въ 1 д. 72 ц. Очевидно, вопросъ о существованіе на разрѣшенъ „казеннымъ пособіемъ“, Мысль ссыльнаго естественно обращается къ работѣ. Онъ не ожидаетъ, конечно, найти въ сибирскомъ городишкѣ такихъ благопріятныхъ условій для интеллектуальнаго труда, какъ въ Петербургѣ, но все же и здѣсь можно найти работу, которая даетъ какихъ нибудь въ 50 центовъ день. Эта работа, быть можетъ, будетъ непривлекательна и

утомительна, но она дѣлаетъ возможнымъ существованіе. Онъ былъ въ Университетѣ, знаетъ нѣсколько языковъ; онъ, можетъ быть, искусный докторъ, какъ напр. докторъ бѣлый въ Верхоянскѣ, фотографъ, какъ Карелинъ въ Усть-Каменогорскѣ, журналистъ, какъ Бѣлоконскій въ Минусинскѣ. Онъ хорошо пишетъ, можетъ служить бухгальтеромъ, учителемъ, музыкантомъ; онъ съумѣетъ заработать какихъ нибудь 15 долларовъ въ мѣсяцъ. Но, прочитавъ внимательнѣе „Положеніе“ онъ открываетъ, что всѣ эти соображенія — мечты. Ему строго запрещается, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ доктора, учителя, фотографа, библіотекаря, литератора, переписчика, актора, адвоката, и пр. Ему закрыта общественная и государственная служба. Онъ не можетъ быть членомъ коммерческихъ, ученыхъ и иныхъ обществъ. Онъ не можетъ, наконецъ, заниматься „никакою общественною дѣятельностью“. Всѣ занятія, которыми онъ могъ бы заниматься въ качествѣ образованнаго человѣка и къ которымъ единственно приготовила его жизнь, для него безусловно закрыты. Шить сапоги, кузнечить, столярничать и т. д. — онъ не умѣетъ. Заниматься торговлею — не можетъ, хотя бы по отсутствію капитала. Единственное занятіе, которое, кажется, до нѣкоторой степени ему открыто — земледѣліе. „Положеніе“, къ счастью, не запрещаетъ ему садить картофель и капусту и пахать землю, — можно не опасаться, что его заступъ заразитъ почву „превратными толкованіями“. Но скоро онъ узнаетъ, что вся прилежащая къ деревнѣ земля раздѣлена между крестьянами-общинниками, онъ не найдетъ клочка земли ближе 4, 5 верстъ отъ деревни, т. е. тамъ, куда онъ не можетъ появиться, не нарушивъ „Положенія“ и не совершивъ преступленія. Въ такомъ положеніи ссыльный, связанный по рукамъ и по ногамъ, не можетъ дѣлать ничего, не можетъ существовать. Ему остается только обращаться къ губернатору, генералъ-губернатору и министру и просить ихъ, какъ милости, признанія за нимъ права на суще-

ствованіе и на работу изъ за куска хлѣба, которую ему запрещаетъ имъ-же созданное „Положеніе".

Въ 1883 г. ссыльные города Акмолинска обратились къ генералъ-губернатору степной области, генералу Колпаковскому съ просьбою разрѣшить имъ давать уроки музыки, ибо ни жить исключительно на казенное пособіе, ни заниматься тѣмъ, что разрѣшается „Положеніемъ", они не могли. Эта просьба, кажется,— по крайней мѣрѣ американцу, — самой естественной и скромной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, увидѣть въ урокахъ музыки что нибудь грозящее общественному спокойствію. Но генералъ Колпаковскій — не американецъ. Думалъ ли онъ, что просители намѣрены подавать лойяльность акмолинскихъ дѣтей, обучая ихъ революціоннымъ пѣснямъ, считалъ ли онъ нищету и голодъ естественными и приличными для ссыльныхъ условіями существованія? — не знаю, но онъ отказалъ въ разрѣшеніи и посовѣковалъ ссыльнымъ, если они нуждаются въ работѣ „наниматься поденщиками къ киргизамъ, которые платятъ отъ 5 до 7 центовъ въ день". Этотъ жестокій и нахально-цинничный совѣтъ таковъ же, какъ если бы американскимъ студентамъ Johns Hopkins университета, сосланнымъ безъ суда въ горы Сіеры-Невады (сдѣлаемъ на минуту это нелѣпое предположеніе) посовѣтовать заняться, какъ приличествующей имъ работою, ловлею кузнечиковъ для горныхъ пидѣйцевъ.

Приблизительно въ это же время Усть-Каменогорскіе политическіе ссыльные обратились къ генералу Колпаковскому за разрѣшеніемъ заняться обработкою близъ лежащаго куска казенной земли. Они предлагали улучшить землю, платить за нее аренду какъ скоро она начнетъ давать доходъ, и оставить безвозмездно свои улучшенія государству, когда срокъ ихъ ссылки кончится. Это опять таки было, на мой взглядъ, очень естественнымъ и, кромѣ того, выгоднымъ для государства ходатайствомъ, но генералъ Колпаковскій думалъ, очевидно, иначе и отвѣтилъ просителямъ тоже, что

акмолинцамъ: если они ищутъ работы, пусть нанимаются въ качествѣ поденщиковъ къ казакамъ *).

Положеніе о политическомъ надзорѣ далеко невсегда и не вездѣ примѣняется единообразно; его примѣненіе находится въ большой зависимости отъ личности губернатора. Напримѣръ, генералъ Цеклинскій, покойный семипалатинскій губернаторъ, относился къ подвѣдомственнымъ ему политическимъ ссыльнымъ прилично и гуманно, и не потому, конечно, что сочувствовалъ ихъ взглядамъ, а просто какъ джентельменъ и гуманный человѣкъ. Тоже само можно сказать о Нѣтуховѣ, въ Томскѣ. Зато въ Тобольской губерніи съ ссыльными обращались сурово, а временами — съ грубой жестокостью. Еще недавно, въ апрѣлѣ 1888 года, ссыльные города Сургута, въ числѣ 19 человѣкъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ почтительнымъ по формѣ заявленіемъ, въ которомъ они, протестуя противъ тобольскаго губернатора Тройницкаго и указывая на свое несносное положеніе, торжественно заявляютъ,, что, каковы бы ни были послѣдствія, они не могутъ и не хотятъ болѣе терпѣть.

Копія съ этого документа лежитъ у меня передъ глазами, и я надѣюсь въ близкомъ будущемъ опубликовать ее наряду съ другими подобными же. Въ какое отчаянное положеніе были приведены несчастные сургутяне видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ почти

---

*) Этимъ примѣрамъ, такъ ярко иллюстрирующимъ грубость и аффектированный индиферентизмъ по отношенію къ ссыльнымъ со стороны администраціи, я имѣю полное основаніе довѣрять. Мнѣ лично приходилось знакомиться въ Восточной Сибири съ оффиціальными актами еще болѣе невѣроятными и возмутительными, чѣмъ вышеприведенные, и хотя я не встрѣчался съ Колпаковскимъ непосредственно, его помощникъ, акмолинскій губернаторъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который вполнѣ способенъ приготовить для подписи генералъ-губернатору циркуляръ, подобный тому, который былъ посланъ ссыльнымъ въ отвѣтъ на ихъ просьбу о разрѣшеніи давать уроки музыки.

Прим. Кеннана.

кончили свои сроки и имъ оставалось потерпѣть немного, чтобы быть свободными, но они *не могли* терпѣть далѣе. Изъ „Сибирской Газеты“ я узналъ недавно, что „19 безстыдно дерзкихъ ссыльныхъ“ города Сургута „были удалены“, и что сургутскій исправникъ и городской полиціймейстеръ получили оффиціальную „благодарность“ отъ Тройницкаго за ихъ услуги въ дѣлѣ этого „удаленія“. Въ какіе ужасные уголки Сибири были заброшены эти 19 ссыльныхъ за ихъ „дерзкую“ попытку затронуть человѣческія чувства въ душѣ графа Толстаго, — я не знаю. Въ Сибири немного мѣстъ поселенія худшихъ, чѣмъ Сургутъ. Первое — Березовъ, городокъ у устья Оби въ 2,700 миляхъ отъ Петербурга; второе — Туруханскъ, „городъ“ въ 181 жителей, расположенный въ 4,000 миль отъ Петербурга, недалеко отъ сѣверно-полярнаго круга, и третье — страшная Якутская область.

Административно-ссыльный, попадая подъ власть губернатора, вродѣ Тройницкаго, естественно прибѣгаетъ къ защитѣ министра. У него нѣтъ собственныхъ средствъ существованія, онъ не можетъ жить на три доллара пособія, а „Положеніе“ въ рукахъ Тройницкихъ ставитъ передъ нимъ альтернативу, — или умирать съ голода, или идти въ тюрьму за неизбѣжныя нарушенія правилъ. При такихъ обстоятельствахъ, ссыльный, положимъ докторъ, обращается къ министру, рисуетъ ему въ настоящемъ видѣ положеніе вещей и, указывая на отсутствіе въ его городкѣ доктора и на необходимость въ немъ, проситъ для себя разрѣшенія практиковать. Это, очевидно, болѣе чѣмъ разумная просьба*). Американцы встрѣтили бы такую просьбу

*) Въ секретномъ донесеніи генералъ-губернатора Восточной Сибири 1881 года говорится, между прочимъ — „... число медиковъ въ странѣ крайне недостаточно, Я не уклонюсь отъ истины, если скажу, что только въ городахъ имѣется нѣкоторая возможность пользоваться медицинскою помощью. Въ другихъ мѣстностяхъ Восточной Сибири докторовъ нѣтъ почти совершенно, и населеніе остается безпомощнымъ въ борьбѣ съ дифтеритомъ и другими за-

не только съ разрѣшеніемъ, но съ удовольствіемъ и благодарнымъ чувствомъ. Какъ же встрѣчаетъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1883 году тверское медицинское общество обратилось къ министру съ запискою, въ которой, указавъ на недостатокъ врачебной помощи и на крайнюю нужду ней въ Сибири, и остановивъ свое вниманіе на массѣ врачей и студентовъ-медиковъ, живущихъ тамъ въ ссылкѣ, позволило себѣ почтительнѣйше спросить, не найдетъ ли правительство удобнымъ и полезнымъ, въ виду настоятельной необходимости, снять съ нихъ запрещеніе практиковать, наложенное 27 параграфомъ „Положенія“. Что, кажется, можетъ быть благоразумнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ такой вопросъ и изъ такого источника? Что-же встрѣтилъ этотъ вопросъ? Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что онъ встрѣтилъ быстрое и суровое наказаніе. За свою записку, за попытку вмѣшательства въ пользу „неблагонадежныхъ“ элементовъ, медицинское общество было закрыто, а два его члена, служившіе въ государственномъ госпиталѣ, были тотчасъ же удалены.

Если такую встрѣчу получаютъ лица, только намѣкающіе на возможность разрѣшенія практики ссыльнымъ, можно представить себѣ, что ожидаетъ самихъ ссыльныхъ, практикующихъ, несмотря на запрещеніе. Въ 1881 году въ Харьковскомъ Университетѣ имѣли мѣсто безпорядки, которые разрослись до того, что правительство нашло нужнымъ употребить войска. Нѣсколько сотень казаковъ окружили недозволенную студенческую сходку и, по данному приказу, бросились на безоружную толпу, раздавая на право и на лѣво

разительными болѣзнями, которыя опустошаютъ страну. О мѣрахъ въ предупрежденіе падежей скота нечего и говорить. Огромныя количества его гибнутъ ежегодно отъ чумы, причиняя неисчислимый ущербъ благосостоянію населенія. (Секретное донесеніе царю генералъ-губернатора Анучина).

Прим. Кеннана.

удары нагайками*). Одинъ студентъ, кончившій курсъ и не успѣвшій еще додержать послѣдняго экзамена, Долгополовъ, случайно проходившій по улицѣ, не могъ сдержать своего негодованія при видѣ дикой сцены расправы и, обращаясь къ какому-то чиновнику, воскликнулъ: „Какъ вамъ не стыдно?! Вѣдь это — позоръ: бить нагайками безоружныхъ людей!“ Долгополовъ былъ тутъ же задержанъ, брошенъ въ тюрьму, какъ участникъ въ безпорядкахъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ суда и слѣдствія, сосланъ административно въ городъ Курганъ, въ Западной Сибири. Въ мартѣ 1881 г., по восшествіи на престолъ Александра III-го, за отказъ дать присягу новому императору, онъ былъ переведенъ въ Тюкалинскъ, гдѣ исправникомъ былъ нѣкій Ильинъ, человѣкъ вспыльчивый, безцеремонный и грубый. При такомъ положеніи вещей столкновенія неизбѣжны. Онѣ и начались на почвѣ нарушеній „Положенія“. Долгополовъ, человѣкъ добродушный и честный, находилъ положительно невозможнымъ въ иныхъ случаяхъ уклоняться отъ обязанности помочь

*) Въ этомъ способѣ прекращенія студенческихъ сходокъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Въ то время онъ практиковался постоянно, да и теперь, время отъ времени практикуется. Онъ же былъ причиною (26 ноября 1 87 г.) извѣстныхъ студенческихъ волненій, начавшихся въ Москвѣ и кончившихся закрытіемъ почти всѣхъ русскихъ университетовъ. Мирная сходка студентовъ на Страстномъ бульварѣ въ Москвѣ была разогнана казацкими нагайками, при обстоятельствахъ, особенно возмутительныхъ. Пострадавшіе отправили циркулярный протестъ своимъ товарищамъ въ Петербургѣ, Казань, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессу. Возбужденіе начало расти и въ ширь и въ глубь и окончилось изгнаніемъ 10,000, и арестомъ и высылкою болѣе, чѣмъ 1000. Русское правительство относитъ распространеніе нигилизма въ имперіи къ винѣ нѣсколькихъ „безумныхъ фанатиковъ и злодѣевъ, стремящихся къ разрушѣнію всего существующаго“. Быть можетъ не будетъ слишкомъ дерзкимъ для насъ, безпристрастныхъ наблюдателей, спросить: не помогаетъ ли хоть нѣсколько и избіеніе студентовъ нагайками тому печальному явленію, которое заставляетъ столь снисходительное правительство ссылать въ Сибирь безъ суда своихъ заблуждающихся подданныхъ?

Прим. Кеннана.

страждущему, ищущему медицинской помощи. Онъ не искалъ практики и не дѣлалъ изъ нея средства къ существованію, но когда крестьянинъ, умирающій отъ тифа, молилъ у него спасенія, или кто-нибудь приходилъ къ нему съ катарактомъ, онъ подавалъ больному совѣтъ и совершалъ необходимую операцію, смотря на это, какъ на обязательный долгъ. Слухи о „докторѣ“ Долгополовѣ скоро, конечно, дошли до исправника. Онъ призвалъ къ себѣ преступника и строжайше воспретилъ ему заниматься практикою, грозя, въ противномъ случаѣ, тюрьмою и прочими ужасами. Послѣ горячаго разговора Долгополовъ рѣшилъ окончательно забыть, что онъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, но отношенія его съ исправникомъ стали очень натянутыми. Осенью 1883 года въ семьѣ мѣстнаго городскаго головы Балакина произошелъ несчастный случай: Балакинъ-сынъ, играя съ револьверомъ, нечаянно спустилъ курокъ и ранилъ въ ногу свою мать. Рана оказалась опасною, и для извлеченія пули потребовалась серьезная операція. Мѣстный врачъ, нервный и боязливый человѣкъ, на отрѣзъ отказался дѣлать операцію и посовѣтовалъ призвать Долгополова. „Онъ искустный врачъ, говорилъ онъ. Онъ сдѣлаетъ операцію гораздо удачнѣе, чѣмъ я; я положительно не рискую взять на себя отвѣтственность“. Балакинъ обратился къ Долгополову, умоляя его о помощи.

„Но я не имѣю права практиковать“ — отвѣчалъ молодой врачъ.

„Ради Бога. Вѣдь это вопросъ жизни и смерти.“

„Я не могу. Мои отношенія съ исправникомъ крайне натянуты. Я уже пострадалъ за практику безъ разрѣшенія, и мнѣ окончательно запретили ее подъ страхомъ тюремнаго заключенія.“

„Васъ сослали въ Сибирь, — въ отчаяніи воскликнулъ Балакинъ, — за ваше человѣколюбіе, за то, что вы выражали сочувствіе къ страдавшимъ. Неужели же вы не найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы

спасти умирающаго, даже подъ угрозою тюремнаго заключенія.

„Вы ставите вопросъ на такую почву? Хорошо, я сдѣлаю операцію и возьму на себя отвѣтственность за нее“ — отвѣчалъ Долгополовъ. Изслѣдовавъ больную, онъ, однако нашелъ, что еще есть время и предложилъ Балакину телеграфировать губернатору съ просьбой разрѣшить административно-ссыльному исполнить необходимую операцію, къ которой мѣстный докторъ не рѣшается приступить. Скоро былъ полученъ отвѣтъ. въ которомъ губернаторъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе столь важнаго вопроса и отсылалъ Балакина въ Медицинскій Департаментъ Министерства внутреннихъ дѣ ъ.

„Вы видите, какъ много заботятся ваши правители о жизни своихъ вѣрноподданныхъ“ — презрительно сказалъ Долгополовъ. Тотчасъ же была сдѣлана операція, была вынута пуля, перевязана рана, и больная была спасена. На слѣдующій день, однако, исправникъ Ильинъ распорядился о заключеніи Долгополова въ тюрьму и началъ слѣдствіе по дѣлу, озаглавленному въ тобольскомъ архивѣ какъ „дѣло о незаконномъ извлеченіи пули административно-ссыльнымъ Никопомъ Долгополовымъ изъ ноги жены городского головы города Тюкалинска, Балакина“. Пока это дѣло тянулось съ обычною сибирскою медленностью въ губернской Тобольской канцеляріи, Долгополовъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, гдѣ наконецъ онъ заболѣлъ тифомъ*). Этотъ случай съ Долгополовымъ не могъ, конечно, не вызвать въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ нѣкотораго волненія и сочувствія къ пострадавшему. При извѣстіи о его болѣзни многіе начали ежедневно посѣщать тюрьму, справляться о здоровіи заключеннаго, и приносить

*) По отчету тюремнаго департамента состояніе Тюкалинскаго тюремнаго замка въ 1884 году было таково, что 30% его обитателей лежало въ госпиталѣ.

Прим. Кеннана.

ему пищу и цвѣты. Подобныя манифестаціи подѣйствовали на исправника: онъ освободилъ Долгополова изъ тюрьмы, но въ тоже время отправилъ губернатору Лисогорскому оффиціальную бумагу, въ которой писалъ, что административно-ссыльный Нифонъ Долгополовъ производитъ чрезвычайно вредное вліяніе на горожанъ, которые не стѣсняясь показываютъ ему свое сочувствіе, пока выражающееся въ доставленіи ему пищи и цвѣтовъ, но могущее дойти до устройства ему побѣга. При такомъ положеніи дѣлъ онъ, исправникъ, не беретъ на себя отвѣтственности и проситъ перевода опаснаго ссыльнаго въ другой городъ. Сургутъ. Въ своей бумагѣ исправникъ позаботился ни словомъ не заикнуться о томъ обстоятельствѣ, что Долгополовъ боленъ тифомъ. Губернаторъ, ничтоже сумняшася, тотчасъ же отдаетъ по телеграфу распоряженіе: препроводить Долгополова по этапу въ Сургутъ. Даже конвойный офицеръ, которому исправникъ передалъ распоряженіе губернатора, отказался его исполнить, ссылаясь на законъ, запрещающій брать въ путь опасно-больныхъ арестантовъ, но мстительный Ильинъ и тутъ не успокоился. Онъ рѣшился взять на себя дѣло перевозки арестанта и отправилъ къ дому Долгополова крестьянскую телѣгу съ нѣсколькими своими городовыми въ качествѣ конвоировъ, и съ строгимъ приказомъ взять арестанта во что бы то ни стало, хотя бы силою. Жена Долгополова, пытавшаяся сопротивляться варварскому распоряженію была связана; Долгополовъ, лежавшій въ постелѣ и не могший еще стоять на ногахъ, былъ вытащенъ на улицу въ одной рубахѣ, брошенъ въ телѣгу и увезенъ. Это происходило 24-го октября 1883 года. Погода была холодная и дождливая, и, несомнѣнно, Долгополовъ не выдержалъ бы этого путешествія, если бы не какой то прохожій, который снялъ съ себя шубу и укрылъ ею больнаго. Въ такомъ положеніи несчастнаго Долгополова везли 126 миль, до Ишима. Въ Ишимѣ находилось тогда 11 политическихъ ссыльныхъ, между прочими — извѣстный писатель, Мач-

тетъ. Нѣкоторые изъ нихъ знали Долгополова лично, другіе знали его исторію, и какъ только до нихъ дошло извѣстіе, что его, больнаго, привезли въ Ишимъ, чтобы на завтра везти дальше, они явились къ исправнику и заявили ему, что, въ случаѣ нужды, они силою воспротивятся приведенію въ исполненіе этого варварскаго рѣшенія. Они добились медицинскаго освидѣтельствованія и составленія протокола, и затѣмъ телеграфировали Тобольскому губернатору, спрашивая его: онъ-ли распорядился, чтобы умирающаго, въ одной рубашкѣ, холодною осенью, перевезли изъ одного мѣста въ другое? Конечно, отъ Лисогорскаго тотчасъ же получено было распоряженіе остановить отправку Долгополова и до выздоровленія помѣстить его въ Ишимскомъ госпиталѣ. Разсказываютъ, что это обстоятельство послужило для губернатора поводомъ взять съ тюкалинскаго исправника 500-рублевую взятку, чтобы замять дѣло о нарушеніи имъ закона. Вѣрно это, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что губернаторъ Лисогорскій систематически торговалъ находящимися въ его распоряженіи должностями, — для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію *).

*) Во время моего путешествія, я зналъ многихъ исправниковъ, надъ которыми тяготѣло болѣе чѣмъ по десяти уголовныхъ обвиненій. Какими то таинственными путями, извѣстными лишь имъ, да ихъ начальству, они умудрялись изъ году въ годъ оттягивать грозившее имъ возмездіе. Я не сомнѣваюсь, что и теперь еще они благополучно сидятъ на своихъ мѣстахъ.

Прим. Кеннана.

Что практика „взятокъ“ пышно и откровенно цвѣтетъ въ Сибири — не тайна ни для кого, кто бывалъ тамъ. Въ этомъ отношеніи Сибирь напоминаетъ, только въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ, конечно, дореформенную Россію. Не только представители администраціи, начиная отъ низшихъ и кончая высшими, но и частные лица могутъ считать себя въ полной безопасности отъ всевозможныхъ законныхъ и незаконныхъ обвиненій, если только они могутъ и хотятъ прибѣгать къ „дарамъ“ для устраненія всякихъ недоразумѣній. Эти сдѣлки дѣлаются совершенно открыто и такъ сказать оффиціально. Еще очень недавно было обычнымъ явленіемъ, что

Долгополовъ оставался въ Ишимѣ до выздоровленія, а затѣмъ былъ отправленъ въ Семипалатинскую область, гдѣ условія существованія ссыльныхъ гораздо лучше, и гдѣ онъ занимался потомъ краніологическими изслѣдованіями среди Киргизовъ. Я такъ долго остановился на этомъ эпизодѣ потому, что онъ типиченъ по отношенію къ обращенію администраціи съ такъ называемыми „неблагонадежными“ элементами и можетъ служить хорошею иллюстраціею къ запискѣ сургутскихъ ссыльныхъ къ министру Внутреннихъ дѣлъ, посланной въ апрѣлѣ 1888 года, въ которой ссыльные протестуютъ противъ беззаконій, съ ними совершаемыхъ. Одинъ изъ нихъ, теперь умершій, Левъ Ивановъ, былъ буквально убитъ небрежностью и жестокостью мѣстной администраціи, а два другихъ были, если не убиты, то доведены до ужаснаго состоянія. Теперь, когда они, послѣ своего протеста, сосланы куда нибудь въ Березовъ или Туруханскъ, имъ не нужна, конечно, помощь и защита, потому что они, навѣрное, успокоились въ могилахъ.

Когда ссыльный успѣлъ такъ или иначе разрѣшить проблему своего существованія по отношенію къ питанію, крову, одеждѣ,— онъ начинаетъ ощущать на себѣ всю унизительную тягость полицейскаго надзора и контроля, охватывающаго всю его жизнь. Чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за нимъ, очень часто бываютъ людьми испорченными и, даже,

---

генералъ-губернаторы и губернаторы возвращались изъ объѣздовъ своихъ владеній во главѣ цѣлыхъ каравановъ, нагруженныхъ „естественными богатствами“ подвѣдомственныхъ имъ областей. И телѣги съ пищею, и дикіе бурятскіе кони и „золотишко“ съ пріисковъ и вышитыя полотенца, и вязанныя скатерти, и ковры... все находило себѣ мѣсто въ генералъ-губернаторскихъ хозяйствахъ. Сибирскіе сторожили не съ негодованіемъ, а съ добродушной насмѣшкою разсказываютъ объ этихъ объѣздахъ, сравнивая ихъ съ отъѣздомъ съ ярмарки какого-нибудь захолустнаго купца, запасшагося на цѣлый годъ товарами, и для торговли, и для своего домашняго обихода.

Прим. переводчика.

въ ихъ прошломъ — преступниками. Въ Сибири очень многіе изъ „засѣдателей“, „писарей“ и иныхъ мелкихъ чиновниковъ — просто окончившіе свои сроки наказанія уголовные ссыльные, попадающіе подъ чужими фамиліями на государственную службу по полиціи. Еще недавно инициалы и мѣста по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ дюжинъ подобныхъ господъ были напечатаны въ сибирскихъ газетахъ. И вотъ этимъ-то господамъ, часто самымъ грязнымъ мошенникамъ и негодяямъ, ввѣряется честь, здоровье и жизнь воспитанныхъ и образованныхъ политическихъ ссыльныхъ обоего пола! Не удивительно, что съ ними часто поступаютъ крайне оскорбительно и жестоко. Я лично зналъ полицейскихъ чиновниковъ въ Сибири, и особенно хорошо помню двухъ, съ однимъ изъ которыхъ — минусинскимъ полиціймейстеромъ — я не хотѣлъ бы встрѣтиться ночью безъ револьвера. Даже въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, исторія полиціи полна актами насилія, оскорбленій и преступленій, вродѣ арестовъ сотнями ни въ чемъ неповинныхъ людей, взятокъ отъ всѣмъ извѣстныхъ преступниковъ, пытокъ, побоевъ, которымъ подвергаются арестанты, даже женщины и пр. „Томскіе Губернскія Вѣдомости“ — оффиціальный журналъ — напечаталъ, что новый губернаторъ, въ первый визитъ свой въ городскую тюрьму, получилъ не менѣе 300 заявленій о незаконномъ заключеніи. 200 изъ нихъ оказались основательными, и ихъ податели были выпущены на свободу. Власть исправниковъ и полиціймейстеровъ въ провинціальныхъ сибирскихъ городахъ такъ безконечно-велика, что среди сибиряковъ существуетъ такая поговорка: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ — Кохъ“. Сколько такихъ Коховъ разсыпано по отдаленнымъ сибирскимъ городкамъ, знаютъ лишь богъ, крестьяне, да политическіе ссыльные. Характеръ надзора, который эти господа практикуютъ надъ ссыльными, въ разныхъ мѣстахъ различенъ, но до чего онъ можетъ доходить, — показываетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма одного ссыльнаго, помѣщенное въ „Юридическомъ Вѣст-

никѣ“ (Декабрь, 1882): „Надзоръ за нами самый безцеремонный. Полицейскіе стараются перещеголять другъ друга въ рвеніи, надѣясь за это на отличія и повышенія; они по нѣсколько разъ въ день являются въ наши квартиры, заглядываютъ во всѣ комнаты, чтобы удостовѣриться, что мы дома и что у насъ нѣтъ никого чужаго. Они постоянно ходятъ мимо нашихъ домовъ, заглядывая въ окна и подслушивая у дверей. Они ставятъ часовыхъ на углахъ нашихъ улицъ и заставляютъ нашихъ хозяевъ слѣдить за всѣми нашими движеніями....“

Одна молодая женщина, поселенная въ Тункѣ (у границы Монголіи) разсказывала мнѣ, что ей не рѣдко приходилось, возвращаясь домой послѣ прогулки, заставать полицейскаго, въ шапкѣ и ботфортахъ спящимъ на ея постели. Страхъ оскорбленій и насилій принуждалъ большинство ссыльныхъ женщинъ жить въ одныхъ домахъ съ ссыльными мужчинами. Г-жа Дическуло жила въ одномъ домѣ съ Лобановскимъ, Брешковская поселилась рядомъ съ Шамаринымъ... и такое же положеніе вещей я находилъ чуть не по всей Сибири. Да оно и неизбѣжно. Между сосланными женщинами есть 16-17 лѣтнія дѣвушки или молодыя женщины, мужья которыхъ поселены въ другихъ мѣстахъ и на Карѣ. Онѣ, естественно, не могутъ жить однѣ при такой системѣ надзора, который позволяетъ первому попавшемуся мошеннику и негодяю, только потому, что онъ въ полицейскомъ мундирѣ, входить къ нимъ во всякое время дня и ночи.

Другая сторона жизни, приводящая въ отчаяніе и вящее озлобленіе административно-ссыльныхъ — это подконтрольная переписка. Ссыльный не имѣетъ права ни получать, ни писать писемъ самымъ близкимъ людямъ, — женѣ, матери... — безъ просмотра этихъ писемъ исправникомъ. Исправникъ можетъ, по своей волѣ, передать письмо по назначенію, измарать его своими поправками, или совсѣмъ уничтожить. Онъ можетъ цѣлые мѣсяцы держать у себя письма полученныя на

имя нелюбимаго имъ ссыльнаго, и оставлять его такимъ образомъ безъ вѣстей о дорогихъ ему людяхъ, оставшихся тамъ, въ Россіи. Исправникъ города Тары имѣлъ обыкновеніе громко читать получаемыя имъ для просмотра письма въ мѣстномъ клубѣ и совѣтоваться на ихъ счетъ со своими пріятелями. Часто ссыльные узнавали о томъ, что для нихъ есть письма, отъ совершенно постороннихъ людей, которымъ исправникъ читалъ ихъ „по пріятельству". Читатель можетъ представить себѣ, безъ моихъ коментаріевъ, чувства человѣка, который знаетъ, что святыя слова любви и нѣжности, написанныя въ страданіяхъ и слезахъ несчастною женою, громко читаются и комментируются за стаканами водки полупьяною компаніею исправничьихъ друзей? Даже узнавъ случайно, что на его имя получены письма, ссыльный далеко не увѣренъ въ ихъ полученіи. Исправникъ имѣетъ право держать ихъ у себя цѣлые мѣсяцы; можетъ выдать ихъ наконецъ изорванными, перечеркнутыми и измаранными всякими химическими реактивами; можетъ не выдать ихъ совсѣмъ, найдя ихъ содержаніе „не законнымъ" или двусмысленнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ даже затѣять цѣлое дѣло и мучить ссыльнаго оскорбительными вопросами по поводу тѣхъ или другихъ, кажущихся ему подозрительными, выраженій и фразъ. Все это въ еще большей степени относится къ письмамъ, которыя посылаютъ ссыльные. У нихъ нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что эти письма отсылаются, а не служатъ для веселаго препровожденія времени полицейскихъ канцеляристовъ. Какъ мучительно должно быть въ этомъ отношеніи положеніе человѣка, который никогда не былъ обвиненъ ни въ какомъ преступленіи, который не лишенъ закономъ никакихъ правъ, и который уже достаточно убитъ и оскорбленъ — пусть судитъ самъ читатель!

Наконецъ, — и это послѣдняя, по недостатку мѣста, сторона вопроса, которой я здѣсь коснусь, — положеніе административно-ссыльнаго становится крайне тя-

желымъ и ненормальнымъ, вслѣдствіе его полной неопредѣленности. Ссыльный не есть ни свободный гражданинъ, живущій подъ защитою законовъ страны, ни осужденный преступникъ, лишенный правъ. На немъ лежатъ всѣ обязанности гражданина, но онъ не пользуется даже правами преступника; онъ находится подъ ничемъ неограниченнымъ произволомъ административной власти. Это положеніе очень ясно обрисовано въ ниже слѣдующей запискѣ, поданной въ 1881 г. административно ссыльнымъ Сидоратскимъ на имя Правительственнаго Сената:

Курганъ, Тобольской губ., Марта 21 дня 1881 г.

28-го Марта 1881 года я (административно-ссыльный) получилъ отъ полицейскихъ властей города Кургана извѣщеніе, съ требованіемъ явиться въ полицію для дачи присяги нынѣ царствующему императору, Александру Александровичу. Мнѣ кажется, что требованіе это находится въ противорѣчіи съ императорскимъ манифестомъ 1-го марта 1881 г. Основаніе, на которое ссылается этотъ манифестъ, требуя присяги также и отъ крестьянъ то, что они, со времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости, стали свободными гражданами Россійской имперіи и должны нести отнынѣ всѣ ихъ обязанности и пользоваться всѣми ихъ правами. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ словамъ, я нахожу совершенно вѣрными данныя, приводимыя въ манифестѣ, и послѣдствія, изъ нихъ логически вытекающія. Одно изъ такихъ послѣдствій, несомнѣнно, то, что если бы русскіе крестьяне (и всѣ прочіе русскіе) не были свободными гражданами и не подчинялись общимъ законамъ имперіи, — отъ нихъ не требовалась бы вѣрноподданническая присяга. Такая присяга требуется манифестомъ лишь отъ подданныхъ, обладающихъ всѣми правами русскаго гражданина. Но что же я такое? Свободный ли я гражданинъ? Мой отецъ — потомственный русскій дворянинъ; моя мать — его законная жена. Согласно

русскимъ законамъ, я долженъ наслѣдовать званіе моего отца и пользоваться всѣми, соединенными съ этимъ званіемъ, правами. Главныя права гражданина, обезпеченныя закономъ, — право на личную свободу (пока не совершено преступленіе, влекущее за собою ея лишеніе) и на защиту закономъ правъ семейныхъ и права собственности. Но я лишенъ свободы; моя семейная жизнь разбита; моя собственность конфискована третьимъ отдѣленіемъ. Мнѣ запрещено заниматься тѣмъ, къ чему я подготовленъ воспитаніемъ и прошлою жизнью; мнѣ запрещено выходить за предѣлы города Кургана; я насильственно перевезенъ за 3000 верстъ отъ своей семьи и не могу даже женѣ послать письмо, не передавъ его предварительно для пресмотра постороннимъ людямъ. Очевидно, — я не дворянинъ, и не свободный человѣкъ вообще. Насильственное задержаніе меня въ Сибири вызываетъ поэтому такой вопросъ: „не лишенъ-ли я правъ“ и не „сосланъ ли на поселеніе“? Я прочитываю законы имперіи, относящіеся къ поселенцамъ, лишеннымъ всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, и нахожу, что ихъ положеніе дѣйствительно похоже на мое, за исключеніемъ однако, одного чрезвычайно существеннаго пункта. Ссыльно-поселенецъ можетъ, по истеченіи извѣстнаго срока, возстановить часть правъ, отнятыхъ у него. Онъ можетъ получить право свободнаго перемѣщенія, сначала — въ предѣлахъ области, затѣмъ въ предѣлахъ всей Сибири даже. Я не могу надѣяться ни на что подобное. Я прикрѣпленъ къ Кургану на неопредѣленно-долгое время. Очевидно, что я — не ссыльно-поселенецъ, и это заключеніе подтверждается тѣмъ, что ссылка на поселеніе налагается, какъ наказаніе, только судомъ за опредѣленнаго рода преступленія. Что же я такое? Если я не дворянинъ, — высшая ступень гражданственной лѣстницы, и не преступникъ — ея низшая ступень, я, очевидно, нахожусь гдѣ-то внѣ ея; иными словами — я иностранецъ; въ самомъ дѣлѣ — я иностранецъ; несомнѣнно — я иностранецъ! Русское правительство не признаетъ меня

свободнымъ гражданиномъ, въ тоже время оно не низвело меня на положеніе преступника, лишеннаго правъ. Оно отказывается — и хуже, чѣмъ отказывается, — защищать своими законами мою свободу, мою семью, мою собственность. И такъ, я долженъ смотрѣть на себя какъ на иностранца. Но свободный ли я иностранецъ? Нѣтъ, я не свободенъ; если бы я былъ свободенъ, я могъ бы оставить Россію и найти другую цивилизованную страну — и я надѣюсь, что таковая бы нашлась, — которая согласилась бы признать меня честнымъ и лояльнымъ гражданиномъ. Я не могу этого сдѣлать. Приходится заключить, что я военно-плѣнный. Но тогда, къ какой же націи я принадлежу, и въ какой войнѣ я взятъ въ плѣнъ? Былъ ли заключенъ миръ, и, если да, то почему меня не возвратили въ мое отечество? Я не способенъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, но я знаю, что положеніе такого военно-плѣннаго невыносимо, и въ такомъ положеніи я уже нахожусь вотъ уже 5 лѣтъ.

Я прошу Правительствующій Сенатъ признать меня русскимъ подданнымъ, т. е. свободнымъ русскимъ гражданиномъ, живущимъ подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Получивъ всѣ гражданскія права, я съ радостью исполню и всѣ обязанности гражданина. Если правит. Сенатъ не желаетъ признать меня русскимъ подданнымъ, не разрѣшитъ ли онъ мнѣ оставить Россію, дабы я могъ найти себѣ другое отечество? Мнѣ кажется, что присяга не только налагаетъ на меня извѣстныя обязанности, но и предполагаетъ извѣстныя права. Поэтому требованіе ея отъ меня равнозначуще признанію меня свободнымъ гражданиномъ. Неужели это разсужденіе не правильно? Я жду отвѣта. Если Правительствующій Сенатъ, высшее юридическое учрежденіе въ Россіи покажетъ мнѣ, что я заблуждаюсь, иначе говоря, докажетъ мнѣ, что я долженъ исполнять всѣ обязанности русскаго подданнаго, не пользуясь никакими его правами, я, какъ военноплѣнный, долженъ буду подчиниться.

Василій Сидоратскій.

Авторъ этого полу-сатирическаго посланія зналъ, конечно, что оно не облегчитъ его положенія, но счелъ своимъ долгомъ отправить его по назначенію, мотивируя имъ свой отказъ отъ присяги. Я не знаю, къ какимъ результатамъ для него повело это „дерзкое“ прошеніе, я не знаю даже, живъ ли онъ еще. Но я вѣрю, что по ту-ли, по эту-ли сторону гроба онъ нашелъ наконецъ для себя „отечество“ *). Что касается до самаго прошенія, то Сенатъ, сославшись на неисполненіе кое-какихъ формальностей, въ засѣданіи 4-го іюня 1881 г. рѣшилъ возвратить его подателю безъ разсмотрѣнія.

Иркутскъ.

Путь отъ Томска до столицы Восточной Сибири, въ 1040 миль, былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе мучителенъ, чѣмъ даже отъ Тюмени къ Алтайскимъ горамъ. Продолжительные дожди испортили дорогу до невозможности: нашъ тарантасъ безостановочно прыгалъ по ухабамъ и гатямъ, вызывая въ насъ вѣчныя головныя боли и крайнее утомленіе, происходившее какъ отъ этой тряски, такъ и отъ безсонницы и плохаго питанія за все это время. По ночамъ мы терпѣли отъ холода (мы еще не успѣли запастись зимнимъ платьемъ); но наибольшее количество страданій доставляли намъ всевозможныя паразиты, которыми мы запасались по дорогѣ, — въ этапахъ и тюрьмахъ. Голодъ, холодъ, усталость я переносилъ съ надлежащимъ терпѣніемъ, но постоянная и безплодная борьба съ клопами, вшами и блохами съ „грѣшныхъ арестантскихъ тѣлъ“ приводила меня прямо въ от-

*) Сидоратскій нашелъ его въ Парижѣ, гдѣ онъ проживаетъ, бѣжавъ изъ ссылки и разрѣшивъ такимъ образомъ самостоятельно вопросъ о своемъ положеніи военнопленнаго.

Прим. переводчика.

чанніе. Старые этапы кишатъ насѣкомыми, и мы, всякій разъ послѣ ихъ осмотра, уносили въ своемъ платьѣ маленькую, но разнообразную энтомологическую коллекцію. Эта коллекція замѣчательно быстро осваивалась съ новыми условіями, находила себѣ убѣжища въ нашихъ подушкахъ, одѣялахъ, тарантасѣ, бѣльѣ, и тогда уже не было средствъ отъ нихъ избавиться. Я нѣсколько разъ выбрасывалъ все свое нижнее бѣльѣ, но никакихъ благопріятныхъ результатовъ не получалось; пришлось по возможности мириться съ неизбѣжнымъ зломъ. Въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ я носилъ съ собою насѣкомыхъ, и, когда, въ такихъ центральныхъ пунктахъ, какъ Иркутскъ напр., я перемѣняль всю одежду, мое тѣло было обыкновенно красно и покрыто пузырями, какъ послѣ крапивной лихорадки. Непріятно, конечно, пускаться въ такія подробности, но, надѣюсь, читатель извинитъ меня, Я хочу правдиво разсказать ему, какова жизнь въ сибирскихъ этапахъ и тюрьмахъ, и что значитъ для цивилизованнаго существа — сибирская ссылка*). Я не знаю, возможно-ли совершенно освободить отъ этого бича старые этапы и тюрьмы, черезъ которые ежегодно проходятъ десятки тысячъ грязныхъ оборванцевъ, но во всякомъ случаѣ кое-что можно сдѣлать и здѣсь, доставивъ возможность несчастнымъ арестантамъ мыться чаще въ баняхъ и мѣнять чаще бѣлье. Какъ это дѣлается теперь, я буду имѣть случай показать дальше.

Къ концу путешествія погода совершенно исправи-

*) Уголовные арестанты такъ свыкаются съ своими насѣкомыми, что пользуются ими какъ предметомъ развлеченія. Такъ, у нихъ въ ходу такая игра: на полу чертятъ два концентрическихъ круга и въ центрѣ ихъ оставляютъ одновременно каждый изъ игроковъ свою вошь. Ставки выигрываетъ тотъ, чье насѣкомое побѣдитъ на этихъ своеобразныхъ скачкахъ и прежде всѣхъ выползетъ изъ круга. Если арестанты и не играютъ въ карты (что запрещается), то нѣтъ, кажется, средствъ помѣшать имъ играть въ азартныя игры вышеописаннымъ способомъ.

Прим. Кеннана.

лась, и однажды, въ ясное утро, мы увидѣли далеко, далеко, на юго-западѣ, синѣющія туманныя очертанія Тункинскихъ горъ. Скоро Иркутскъ, наконецъ! Я не видѣлъ его 18 лѣтъ; за это время онъ выгорѣлъ почти весь, и былъ застроенъ заново. Узнаю-ли я его? Не измѣнился ли онъ къ худшему...? Верстъ за пять отъ города мы проѣхали мимо Вознесенскаго Монастыря, возлѣ воротъ котораго толпилась куча сѣдобородыхъ монаховъ, а затѣмъ начали на каждомъ шагу встрѣчать кучками и по одиночкѣ, всякаго рода оборванцевъ, возвращавшихся изъ города въ окрестныя деревни, и въ большинствѣ случаевъ ньяныхъ. Число кабаковъ, встрѣчавшихся по дорогѣ совершенно объясняло-если не оправдывало, это зрѣлище.

Переѣхавъ на паромѣ Ангару, мы въѣхали наконецъ въ улицы Иркутска. Онъ разочаровалъ меня. Съ той стороны рѣки, съ своими золоченными верхами церквей, бѣлыми стѣнами домовъ, зеленью, онъ очень красивъ, акъ большинство русскихъ большихъ городовъ съ ихъ полувосточною живописностью; но въ близи эта живописность изчезаетъ; остается обыкновенный, средней руки, грязный и безалаберно застроенный, русскій провинціальный городъ. Не найдя мѣста въ Московской гостиницѣ, мы остановились въ отелѣ Деко, гдѣ останавливались въ 1882 г. господа Хэрберъ и Шютце, во время ихъ проѣзда къ дельтѣ Лены. Пожилой и болтливый слуга, внесшій въ комнаты нашъ багажъ, не замедлилъ отрекомендоваться. Онъ сказалъ намъ, что имѣлъ счастье услуживать Хэрберу и Шютце, и что они его такъ любили, что называли Zahn'омъ (американское John въ его ушахъ стало Zahn). Онъ, казалось, думалъ, что Zahn у американцевъ есть ласкательное прозвище, и чрезвычайно дорожилъ имъ. Я сказалъ ему, что если онъ будетъ вести себя хорошо, — мы тоже станемъ его называть Zahn'омъ. Онъ такъ часто впослѣдствіе возвращался къ Хэрберу и его любви къ нему, выражавшейся въ имени Zahn, что я думаю, ни одна эпитафія, перечисляющая всѣ доблести нашего

Zahn'а не доставила бы большого удовольствія его витающему надъ могилою духу, какъ эта:

„Американцы
назвали его
Zahn'омъ".

Мы пріѣхали въ Иркутскъ къ вечеру, усталые до такой степени, что, вымывшись въ банѣ, переодѣвшись и пообѣдавъ, легли спать, отложивъ всѣ дѣла на завтра. На слѣдующій день, отправивъ наши паспорта въ полицію, мы отправились побродить по городу. Иркутскъ расположенъ на правомъ берегу Ангары, въ 40 миляхъ отъ ея истока изъ Байкала. Въ немъ считалось 36,000 жителей; имѣлась прекрасная еженедѣльная газета („Сибирь".—Теперь, послѣ долгой и героической борьбы съ цензурою, она закрыта), библіотека, отдѣленіе географическаго общества, театръ около 30 школъ; а торговые обороты доходятъ до 11,000,000 р. въ годъ. Городъ еще не вполнѣ оправился отъ страшнаго пожара 1879 г., который уничтожилъ 4,000 домовъ, лишилъ крова 15,000 народа и принесъ убытковъ на 20,000,000 рублей. Въ своемъ новомъ видѣ городъ много потерялъ въ смыслѣ красоты и оригинальности. Любопытнѣе всего показалось мнѣ старое, пощаженное пожаромъ зданіе пороховаго магазина, вросшее въ землю, съ крышою, покрытою густою растительностью, и находящійся тутъ-же базаръ, съ всевозможными товарами, начиная отъ тарантаса и кончая поношенными сапогами, и съ разношерстною, густою толпою покупателей и продавцевъ.

Дома, по возвращеніи съ прогулки, меня встрѣтилъ встревоженный и перепуганный Zahn. Оказалось, что во время нашего отсутствія у насъ былъ мѣстный полиціймейстеръ, который просилъ насъ на словахъ пожаловать къ нему. Жизненный опытъ Zahn'а, очевидно, говорилъ ему, что появленіе въ частномъ домѣ полиціймейстера столь же тревожный признакъ, какъ появленіе буревѣстника на морѣ, — и онъ смотрѣлъ на

меня съ безпокойствомъ и смущеніемъ. Въ своей комнатѣ я нашелъ карточку г. Маковскаго, иркутскаго полиціймейстера, съ которымъ впослѣдствіе намъ суждено было познакомиться довольно близко, и имя котораго было связано потомъ съ однимъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ ссыльной жизни — съ голоднымъ бунтомъ въ Иркутской тюрьмѣ.

Я никакъ не могъ понять, чему мы можемъ быть обязаны столь скорымъ визитомъ г-на полиціймейстера. Но я рѣшилъ разъ навсегда подчиняться всѣмъ требованіямъ русской полиціи, почему и отправился къ Маковскому тотчасъ послѣ того, какъ Фростъ возвратился изъ города. На квартирѣ мы его не нашли и оставили свои карточки; въ полиціи его тоже не было. Исполнивъ свою обязанность, мы возвратились домой. Не прошло и получаса, какъ Zahn, въ концѣ перепуганный, вошелъ ко мнѣ съ новою карточкой Маковскаго. Такая настойчивость полиціймейстера — два визита въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ — меня нѣсколько обезпокоила, хотя я и не могъ припомнить въ нашемъ поведеніи въ Иркутскѣ ничего „подозрительнаго“. Но появленіе Маковскаго меня тотчасъ успокоило. Вмѣсто суроваго полицейскаго лица, придирчиваго и подозрительнаго, я увидѣлъ передъ собою довольно красиваго мущину, съ голубыми глазами, коротко остриженными волосами и окладистой бородой, который приближался ко мнѣ съ сіяющей любезностью физіономіею и съ привѣтливо протянутою рукою: „Я здѣшній полиціймейстеръ. Я имѣю удовольствіе знать васъ заочно — я читалъ вашу книгу и считаю своею обязанностью помогать чѣмъ могу всякому извѣстному путественнику, пріѣзжающему къ намъ для изученія нашей страны“. И такъ, намъ не угрожалъ ни арестъ, ни штрафъ за нарушеніе какихъ нибудь полицейскихъ предписаній. Послѣ нѣсколькихъ минутъ обычнаго разговора на счетъ дороги, погоды, измѣнившагося вида Иркутска и пр., капитанъ Маковскій сказалъ мнѣ: „Несомнѣнно Васъ интересуетъ, между прочимъ, положеніе здѣш-

нихъ тюремъ и вообще ссылка. Надѣюсь, что вы найдете нашу городскую тюрьму въ хорошомъ состояніи. Я пришлю къ Вамъ какого нибудь чичероне для ея осмотра и, замѣтьтъ, не предупрежу о вашемъ визитѣ никого; Вы увидите такимъ образомъ тюрьму въ ея обычномъ видѣ„. „Вотъ каковы должны были бы быть всѣ полиціймейстеры!“ — подумалъ я въ восхищеніи.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ на счетъ ссылки г. Маковскій соглашался, что она — большая тягостъ для страны и зло — сама въ себѣ, но онъ не надѣялся на ея скорое уничтоженіе.— „Главная бѣда — говорилъ онъ — наши финансовыя затрудненія. Замѣна ссылки тюремнымъ заключеніемъ въ Россіи же потребовала бы 20 новыхъ большихъ тюремъ, т. е. болѣе 100,000.000 руб., но гдѣ же ихъ взять“. Послѣ оживленной и продолжительной бесѣды г. Маковскій распрощался и ушелъ взявъ съ насъ слово бывать у него безъ церемоній и почаще, и оставивъ послѣ себя какое-то неопредѣленное впечатлѣніе. Все его поведеніе было насквозь пропитано любезностью, но за нею чувствовалась натянутость, дѣланность и дипломатичность; чувствовалось это и въ его чрезмѣрно сіяющей улыбкѣ и въ преувеличенныхъ комплиментахъ и почтительности.

Въ четвергъ онъ явился къ намъ снова, чтобы вмѣстѣ визитировать тюрьму. Обѣ иркутскія тюрьмы, пересыльная и „содержающая“ расположены одна возлѣ другой, на краю города. Мы начали осмотръ съ пересыльной. Она оказалась по типу ничѣмъ инымъ, какъ обычнымъ этапомъ, отличаясь только величиною и большимъ количествомъ камеръ. Съ перваго взгляда было видно, что она находится въ очень скверномъ состояніи. Стѣны въ иныхъ мѣстахъ прогнили насквозь; окна почти всѣ были выбиты и заткнуты всякимъ старымъ тряпьемъ. Маковскій замѣтилъ, что я обратилъ на это вниманіе и поспѣшилъ объяснить, что тюрьма не ремонтируется въ виду ожидаемой постройки новаго зданія*). Въ первомъ корридорѣ насъ встрѣтилъ какой-

*) Съ тѣхъ поръ прошло три года, но это новое зданіе все продолжаетъ фигурировать только въ проэктахъ и планахъ. *П. К.*

то изъ низшихъ чиновниковъ, который поспѣшно подошелъ къ намъ и обращаясь къ смотрителю, скороговоркою и однимъ духомъ отрапортовалъ: „Ваше Высокоблагородіе: имѣю-честь-доложить,-что-состояніе-иркутской-пересыльной-тѣрьмы-сего-5-го-сентября-1885-года-благополучно,-и-что-въ-ней-находится-271-заключенныхъ". „Ладно" — кивнулъ ему въ отвѣтъ смотритель, и мы приступили къ осмотру. Камеры мало чѣмъ отличались отъ обычнаго типа камеръ сибирскихъ тюремъ. Вся мебель ихъ состояла изъ деревянныхъ наръ. Заключенные не имѣли никакихъ постельныхъ принадлежностей, кромѣ своихъ халатовъ и, въ немногихъ случаяхъ, маленькихъ, самодѣльныхъ очевидно, тюфячковъ, сдѣланныхъ изъ разной рвани. Ни одѣялъ, ни подушекъ,- конечно, не было. Въ каждой камерѣ находилось отъ 20-40 человѣкъ, и тяжелый воздухъ ясно говорилъ намъ, что тщетно было бы искать какой-нибудь вентиляціи. Полы, менѣе грязные, чѣмъ обыкновенно, были посыпаны бѣлымъ пескомъ, очевидно, въ виду ожидаемаго визита. Мужчины были совершенно отдѣлены отъ женщинъ и дѣтей, и камеры послѣднихъ были нѣсколько чище, свободнѣе и лучше.

Отсюда мы отправились въ городскую тюрьму, которая представляетъ собою большое двухъ-этажное каменное зданіе, очень напоминающее своимъ видомъ томскую пересыльную тюрьму, если бы не внутренній дворъ въ 75-100 квадратныхъ футовъ, обращенный въ садикъ для прогулокъ арестованныхъ. Тюрьма эта была построена въ 1861 г.; обошлась въ 62,000 руб. и была разсчитана на 450 человѣкъ. Во время нашего визита въ ней находилось 743 чел., а смотритель сказалъ мнѣ, что во время наплыва въ ней бываетъ и по 1500 ч. Результаты такого переполненія я уже разъ описывалъ раньше. Воздухъ въ камерахъ, хотя и не столь ужасный, какъ въ тюменской тюрьмѣ, былъ достаточно тяжелъ и испорченъ, и заключенные нѣсколько разъ жаловались на это Маковскому и мнѣ. Но въ госпиталѣ положеніе вещей въ этомъ отношеніи было поистинѣ ужасно, и хотя мы прошли только нѣ-

сколько камеръ и я старался сколько возможно задерживать дыханіе, я вышелъ изъ него разбитымъ и больнымъ*). Главныя болѣзни здѣсь, какъ и въ другихъ тюрьмахъ, были тифъ, цынга, ревматизмъ, бронхитъ — все болѣзни, обязанныя главнымъ образомъ крайне неблагопріятнымъ санитарнымъ условіямъ.

Изъ госпиталя мы направились въ такъ называемое секретное отдѣленіе, гдѣ, по словамъ Маковскаго, сидѣлъ въ это время и одинъ „политическій", нѣкто Фердинандъ Люстигъ, бывшій офицеръ, присужденный въ 1881 г къ четырехъ-лѣтней каторгѣ, отбывшій свой срокъ наказанія, и уже давно сидѣвшій въ Иркутскѣ въ ожиданіи отправки къ мѣсту причисленія. Я много слышалъ о тюремной жизни русскихъ революціонеровъ, но еще ни разу не приходилось мнѣ видѣть кого нибудь въ одиночномъ заключеніи. Пройдя нѣчто въ родѣ передней, мы вошли въ длинный корридоръ, по которому мѣрно шагалъ часовой вдоль камеръ, расположенныхъ рядомъ. Каждая камера была заперта солидною дверью съ маленькимъ оконцемъ для передачи пищи и наблюденія за заключеннымъ. Надзиратель загремѣлъ ключами, отперъ громадный висящій замокъ одной двери и мы вошли въ длинную, но узкую и темную камеру, въ которой съ убитымъ, апатичнымъ видомъ сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ быстро поднялся при нашемъ входѣ и на его лицѣ промелькнуло что-

*) Въ рапортѣ Медицинскаго Департамента за 1884 годъ такъ говорится о тюрьмахъ и тюремныхъ госпиталяхъ Томской, Енисейской, Иркутской и другихъ губерній: Судя по рапортамъ медицинской администраціи видно, что санитарное положеніе многихъ тюремъ какъ въ губерніяхъ, такъ и въ областяхъ крайне неблагопріятно. Большинство изъ нихъ слишкомъ малы по сравненію съ числомъ содержимыхъ въ нихъ обыкновенно заключенныхъ. Многія изъ нихъ не имѣютъ вентиляціи; въ нихъ плохо устроены ретирадныя мѣста; онѣ построены на низкихъ и сырыхъ мѣстахъ. Особенно относится это къ тюрьмамъ губерній — Енисейской, Иркутской, Томской и Забайкальской. Многія госпитали не снабжены въ достаточной мѣрѣ необходимыми принадлежностями и по своимъ малымъ размѣрамъ не могутъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ больныхъ. Во многихъ изъ нихъ нѣтъ достаточнаго врачебнаго персонала.

Прим. Кеннана.

то въ родѣ улыбки. надежды на хорошую вѣсть. „Здравствуйте, г-нъ Люстичъ, — весело обратился къ нему Маковскій, — мы пришли немно о развлечь васъ. Это американскіе путешественники, осматривающіе тюрьму; быть можетъ Вамъ доставитъ удовольствіе повидаться съ ними!“ „Только то“ — какъ будто бы сказало лицо заключеннаго, съ котораго изчезло минутное выраженіе надежды, когда онъ застѣнчиво и нервно пожалъ намъ руки. Мое положеніе было очень неловко. Если бы мы были съ Люстигомъ одинъ на одинъ, мы скоро поняли бы другъ друга и нашли бы, о чемъ говорить въ теченіи цѣлыхъ часовъ; но тутъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ я не могъ сказать ему того, что хотѣлъ бы сказать, и долженъ былъ казаться ему однимъ изъ тѣхъ любопытныхъ туристовъ, которые пришли смотрѣть на „нигилиста“, какъ приходятъ въ звѣринецъ смотрѣть на дикихъ звѣрей. Въ камерѣ г-на Люстига было одно небольшое окно, надъ самымъ потолкомъ, черезъ которое не видно было не только того, что происходило во дворѣ, но даже и неба. Глядя въ это окно, нельзя было бы сказать, какая на дворѣ погода, зима ли тамъ, или лѣто. Камера была темна, мрачна и, въ довершеніе, холодна. Кромѣ кровати въ ней не было другой мебели, если не считать стоявшаго въ углу ящика съ „парашею“ внутри. Не было ни стола, ни стула, ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей. Заключенному ничего не оставалось дѣлать, какъ часъ за часомъ сидѣть на своей кровати и думать, если онъ еще не потерялъ способности думать. На мой вопросъ, какъ долго уже онъ здѣсь, Люстигъ коротко отвѣтилъ: „Съ 1-го іюня; почти 4 мѣсяца“. Онъ ожидалъ разрѣшенія вопроса о выборѣ ему мѣста поселенія, но когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ, ни онъ, ни Маковскій, да и никто, вѣроятно, не зналъ. Пока, въ ожиданіи, положеніе его, кончившаго срокъ каторги, было хуже, чѣмъ на Карѣ. Мнѣ очень хотѣлось задать ему нѣсколько вопросовъ на счетъ Кары, въ присутствіи Маковскаго это было бы и безтактно и но безполезно. Ничего не оставалось, какъ поже-

лать ему скорѣйшаго освобожденія и уйти, что я и сдѣлалъ. Черезъ 10 минутъ я простился съ Маковскимъ и вернулся въ гостинницу. По чистой совѣсти я далеко не могъ согласиться съ нимъ, что состояніе Иркутской тюрьмы „хорошо", но, такъ какъ онъ самъ меня не спрашивалъ, то я могъ оставить для себя мое впечатлѣніе отъ осмотра.

Когда на слѣдующей недѣлѣ Маковскій былъ у насъ снова (послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія), онъ въ самомъ началѣ визита обратился ко мнѣ съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ: „Скажите мнѣ, пожалуйста, откровенно, г-нъ Кеннанъ, какъ вы нашли наши тюрьмы?" Я прямо отвѣчалъ ему, что всѣ сибирскія тюрьмы вообще произвели на меня ужасное впечатлѣніе и все, что я могу сказать о спеціально иркутскихъ, — это то, что онѣ, пожалуй, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, иначе говоря, не такъ скверны, какъ тюрьмы въ Тюмени и Томскѣ.

„Я спросилъ васъ объ этомъ потому, что графъ Игнатьевъ (только что назначенный генералъ-губернаторъ) и графиня, его жена, на дняхъ посѣтили тюрьму и остались очень недовольны. Графъ нашелъ, что тюрьма грязна и переполнена, что воздухъ въ ней тяжелъ и испорченъ, что бѣлье арестантовъ грязно и грубо, что, вообще, положеніе тюрьмы крайне неудовлетворительно. Я и самъ знаю, что воздухъ въ тюрьмѣ не хорошъ, но какъ вы будете поддерживать въ такой комнатѣ, напримѣръ, хорошій воздухъ, если вы набьете ее 30-40 человѣками? Также справедливо и то, что бѣлье арестантовъ дешево и грубо, но найдите лучшее на тѣ средства, которыя отпускаетъ на это правительство? Если вы платите въ своемъ отелѣ 2 рубля за обѣдъ, понятно, что вы можете требовать хорошій обѣдъ, еще бы... но если на обѣдъ вамъ выдаютъ 8 копѣекъ? Бѣлье грязно!—Конечно оно грязно! Правительство отпускаетъ арестанту одну рубашку на 6 мѣсяцевъ и одинъ халатъ — на годъ. Въ этомъ костюмѣ онъ живетъ и спитъ 24 часа въ сутки, 30 сутокъ

въ мѣсяцъ, снимая его только въ банѣ, — какъ же ему не быть грязнымъ?"

„Но если у арестанта не имѣется другой перемѣны бѣлья, какъ же онъ его моетъ — искренно изумился я. Или онъ его никогда не моетъ? Или онъ тогда ходитъ голый?"

„Въ банѣ онъ одновременно моетъ и свое тѣло и свое бѣлье — отвѣчалъ Маковскій. — Высушиваетъ его какъ нибудь на скоро и его же одѣваетъ. У него нѣтъ перемѣны".

Я вспомнилъ о страданіяхъ арестантовъ въ партіи, когда они, послѣ дождя, должны въ своемъ мокромъ бѣльѣ, ложиться спать въ холодныхъ этапахъ. Не это ли одна изъ причинъ, по которымъ госпитали такъ переполнены больными. Маковскій съ этимъ согласился. „Я знаю, — сказалъ онъ, — что положеніе арестантовъ въ дорогѣ ужасно, но что касается тюрьмы, я дѣлаю все, что могу. Я слѣжу за чистотою, не допускаю накопленія грязи, и санитарное положеніе тюрьмы, насколько возможно, — хорошо, лучше чѣмъ иныхъ частныхъ домовъ".

Чрезвычайно любопытно и поучительно было видѣть, до какой степени Маковскій простодушно не сознавалъ даже, чтобы въ его тюрьмѣ можно было найти что нибудь особенно скверное. Очевидно, онъ такъ привыкъ къ такому положенію вещей, что считалъ его почти нормальнымъ и искренно былъ пораженъ тѣмъ, что графъ Игнатьевъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. Впрочемъ недовольство графа Игнатьева онъ приписывалъ главнымъ образомъ графинѣ, о которой онъ отзывался, какъ о доброй, но неопытной дамѣ, ничего не понимающей въ такихъ дѣлахъ, какъ система тюремнаго управленія.

„Однако говорятъ, что графиня обладаетъ проницательнымъ и здравымъ умомъ — возразилъ я. Мнѣ недавно разсказывали одинъ эпизодъ, характерный въ этомъ отношеніи. Во время осмотра тюрьмы графиня выразила желаніе попробовать тюремный супъ. Ей принесли чистую тарелку хорошаго супа, но она поняла,

что это супъ „пробный“ и попросила зачерпнуть ложкою со дна котла. Зачерпнули какую-то гадость и подали ей. Она попробовала и спокойно сказала. „Я очень рада, что вы наконецъ моете вашъ котелъ; онъ очевидно давно не мытъ“. Вы понимаете? Такая особа должна кое что понимать и обладать нѣкоторою наблюдательностью“.

„Наблюдательностью.... наблюдательностью.... — воскликнулъ Маковскій, можетъ быть. Она очень добросердечна, но она непрактична. Она думаетъ, что преступники должны находиться въ такомъ же положеніи въ своей тюрьмѣ, какъ дѣвицы въ институтѣ, но мы съ вами знаемъ, что это немыслимо“.

Я отвѣтилъ на это, что состояніе тюрьмы еще много можно усовершенствовать, и она все таки будетъ безконечно далека отъ института. Кто-то вошелъ и разговоръ нашъ былъ прерванъ. Маковскій простился и уѣхалъ, очевидно очень обезпокоенный ведовольствомъ генералъ-губернатора.

Въ первый пріемный день гр. Игнатьева я съ Фростомъ отправились къ нему съ визитомъ въ тайкой надеждѣ познакомиться съ его взглядами на интересовавшіе насъ вопросы. Онъ принялъ насъ любезно, но формально. При первомъ удобномъ случаѣ я коснулся моихъ наблюденій въ тюрьмахъ и по дорогѣ, желая вызвать на разговоръ нашего хозяина. Онъ отвѣчалъ безъ всякихъ колебаній и высказалъ свое мнѣніе, что ссылка чрезвычайно погубно отзывается на всѣхъ сторонахъ сибирской жизни, и нуждается во многихъ реформахъ. Такъ, по его мнѣнію, ссыльныхъ гораздо раціональнѣе было бы утилизировать, какъ рабочихъ, чѣмъ держать ихъ въ полномъ бездѣліи по тюрьмахъ, или выпускать ихъ на лѣнивую, распущенную жизнь посоленцевъ. Система принудительнаго труда была бы много полезнѣе и для нихъ самихъ, и, главное, для страны, въ которой такъ много дѣла. Онъ началъ уже кое-что, — сказалъ онъ — въ этомъ направленіи, приказавъ употребить 100 каторжниковъ для работы на

улицахъ Иркутска*). Когда я въ разговорѣ коснулся переполненія этаповъ и тюремъ, онъ согласился съ моими замѣчаніями и прибавилъ, что теперь разматривается проектъ перевозки ссыльныхъ отъ Томска до Иркутска только лѣтомъ и въ телѣгахъ. Это освободило бы администрацію отъ тратъ на зимнее платье для перевозимыхъ арестантовъ, уменьшило бы массу страданій и, пожалуй, было бы даже экономнѣе настоящаго способа пересылки**). Въ это время вошла графиня и разговоръ прервался.

21-го сентября, почти черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ, насъ догналъ здѣсь лейтенантъ Шютце, ѣхавшій отъ американскаго правительства въ Якутскую область для раздачи подарковъ туземцамъ, принимавшимъ участіе въ спасеніи экипажа погибшей „Жанеты“. Онъ выѣхалъ изъ Америки гораздо позже насъ, и нечего говорить, какъ неожиданно пріятно намъ было встрѣтить соотечественника на другомъ концѣ свѣта, обмѣняться съ нимъ нашими сибирскими впечатлѣніями и узнать отъ него американскія новости.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего посѣщенія тюремъ, я былъ у Маковскаго и навелъ его на разговоръ по поводу политическихъ ссыльныхъ. Онъ говорилъ о революціонерахъ вообще съ озлобленіемъ и презрѣніемъ, смотря на нихъ, какъ на безумныхъ фанатиковъ, враждебныхъ не только современной русской, но всякой

*) Еще наши дѣды, при Николаѣ I, дѣлали это „кое-что“, но они не смотрѣли на свое дѣло, какъ на начало серьезныхъ „реформъ“. Щедринскій же помпадуръ даже въ уставѣ о печеніи пироговъ усматриваетъ признаки своей государственной мудрости и энергіи.

Прим. переводчика.

**) Три года прошло со времени этого разговора, а ссыльные все продолжаютъ измѣрять своими ногами тысячеверстныя сибирскія дороги, — и въ дождь, и въ снѣгъ, и въ пыль, и въ грязь, и въ жару, и въ холодъ. Быть можетъ теперь въ оправданіе сошлются на проектируемую желѣзную дорогу, которая имѣетъ быть построена черезъ десятки лѣтъ, а „пока“ ссыльныхъ, между которыми половина ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, оставляютъ мучиться по старому, также какъ оставляютъ безъ ремонта разрушающееся зданіе Иркутской пересыльной тюрьмы, въ виду того, что гдѣ-то въ канцеляріи лежитъ планъ новаго зданія.

Прим. Кеннана.

формѣ правленія, съ которыми надо было поэтому поступать сурово и безъ сожалѣнія. „Есть, впрочемъ, — продолжалъ онъ — среди нихъ нѣсколько категорій, къ которымъ я не могу не относиться съ жалостью и симпатіею. Таковы, напр., тѣ молодые люди, которые сами никогда не совершали никакихъ преступленій, но по несчастной случайности находились въ невинной перепискѣ или въ дружескихъ отношеніяхъ съ настоящими революціонерами. Имъ приходится страдать только за то,, что они находились въ скверномъ обществѣ. Таковы тѣ, которые, въ видѣ услуги пріятелю или знакомому, брали на сохраненіе разные узлы и пакеты, не зная ихъ содержимаго. Содержимое это оказывалось, были прокламаціи, динамитъ, или что нибудь еще въ этомъ родѣ. Въ такихъ случаяхъ оправданія и какія бы то ни было завѣренія въ незнаніи и невинности — безполезны; ссылка неизбѣжна. Таковы тѣ, которые передавали деньги революціонерамъ, но ничуть не для революціонныхъ цѣлей. Деньги эти шли потомъ на какое нибудь преступное предпріятіе, а ни въ чемъ не повинные жертвователи шли въ ссылку. Наконецъ, среди нихъ есть люди, отъ 18 до 23, 24 лѣтъ, полные энтузіазма, страстно желающіе блага своей странѣ, видящіе недостатки существующаго и стремящіеся не къ революціи, а къ реформамъ и измѣненіямъ. Они почти неизбѣжно попадаютъ въ тайные кружки, а затѣмъ высылаются въ Сибирь, хотя ихъ никакимъ образомъ нельзя назвать людьми нехорошими, а ихъ намѣренія — неблагонадежными. Мнѣ часто приходилось встѣчать людей всѣхъ этихъ категорій, и я всегда искренне жалѣлъ ихъ“.

Я привожу здѣсь слова Маковскаго не потому, конечно, чтобы я считалъ его авторитетнымъ въ дѣлѣ пониманія революціоннаго движенія; я привожу ихъ, какъ откровенное признаніе русскаго полиціймейстера, что русское правительство не только ссылаетъ въ Сибирь цвѣтъ своей молодежи, но не останавливается передъ ссылкою, по крайней мѣрѣ, трехъ категорій

людей, которые не только не совершили никогда никакого преступленія, но не имѣли и намѣренія совершить его.

Въ Иркутскѣ, во время нашего пребыванія тамъ, было очень мало ссыльныхъ, и мнѣ не легко было добраться до нихъ. Въ концѣ концовъ я успѣлъ въ этомъ, не прибѣгая къ содѣйствію Маковскаго; и хотя предполагается, что полиціймейстеоъ долженъ знать все происходящее въ городѣ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы ему когда нибудь снилось, что часто прямо отъ него я шелъ на свиданіе съ ссыльными, съ которыми я проводилъ половину моихъ вечеровъ. Особенно близко я познакомился съ четою Чернявскихъ, котарые были высланы въ Сибирь въ 1878 г. Къ г-жѣ Чернявской я чувсввовалъ глубочайшее уваженіе и жалость. Рѣдкія женщины, даже въ Россіи, имѣли до 30-лѣтняго возраста такую трагическую и сердце-разрывающую судьбу; и еще болѣе рѣдкія съумѣли сохранить послѣ такой жизни бодрость и мужество. Она была арестована въ Одессѣ и послѣ долгаго заключенія была отправлена административно въ Тобольскую губернію. По дорогѣ въ ссылку, въ Кіевѣ, ей пришлось быть свидѣтельницею убійства ея лучшаго друга. Молодой человѣкъ, англійскаго происхожденія, Беверлей, котораго она близко знала съ дѣтства, арестованный незадолго до ея проѣзда, рѣшилъ бѣжать изъ тюрьмы вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Избицкимъ, черезъ подкопъ, проведенный ими за тюремную стѣну. Начальство какъ то узнало объ этомъ проэктѣ и вѣроломно воспользовѣлось имъ для примѣра и устрашенія прочихъ. Къ отверстію подкопа приставили кучу солдатъ, въ ожиданіи побѣга. Поздно ночью, наканунѣ отъѣзда Чернявской въ Сибирь, Беверлей и Избицкій вылѣзли изъ подкопа и были тутъ же встрѣчены градомъ заранѣе приготовленныхъ пуль. Беверлей, смертельно раненный, былъ добитъ штыками, а Избицкаго, раненнаго и страшно избитаго, унесли назадъ въ тюрьму. На слѣдующее утро, когда Чернявская вышла съ партіею изъ

тюрьмы, она должна была пройти возлѣ окровавленнаго и изувѣченнаго трупа своего лучшаго друга, который оставили лежать здѣсь, передъ тюремными окнами!

„Я могу переносить свои совои собственныя страданія — сказала мнѣ Чернявская, заканчивая рыданіемъ свой разсказъ, — но такія вещи... о, онѣ разрываютъ сердце!“

Мнѣ нечего разсказывать здѣсь о всѣхъ лишеніяхъ, которыя пришлось перенести этой образованной и привыкшей къ иной жизни женщанѣ, во время этапнаго пути до мѣста своего назначенія. Какъ бы то ни было она добралась наконецъ до него съ своимъ мужемъ и жила здѣсь до 1881 года. За это время у нихъ родился ребенокъ. При вступленіи на престолъ Александра III, отъ Чернявскаго потребовали присяги, и за отказъ дать ее отправили въ Красноярскъ. Здѣсь вторично потребовали отъ него присяги и послѣ вторичнаго отказа выслали его съ женою еще дальше. Дѣло было зимою; Чернявскимъ, вмѣстѣ съ тринадцатилѣти-лѣтнымъ ребенкомъ пришлось ѣхать въ открытыхъ саняхъ, при 30-ти градусныхъ морозахъ. Не смотря на всѣ старанія предохранить ребенка отъ губительнаго дѣйствія стужи, недалеко отъ Иркутска, несчастная мать, открывъ одѣяло, въ которомъ онъ былъ завернутъ, нашла его.... мертвымъ! О! такія минуты не забываются! Чернявская, въ отчаяніи, потеряла разсудокъ. Она рыдала, укачивала на рукахъ мертвое тѣльце, напѣвая ему колыбельныя пѣсни, призывая и проклиная бога... Во дворѣ Иркутской тюрьмы, въ ожиданіи пріемки партіи, Чернявскій полъ-часа простоялъ на морозѣ, имѣя возлѣ себя безумную жену и держа на рулахъ свое мертвое дитя.

Оправившись и прійдя въ себя въ тюремномъ госпиталѣ, Чернявская должна была продолжать свой путь въ Якутскую область, куда былъ назначенъ ея мужъ, въ наказаніе за отказъ отъ присяги. Тамъ, послѣ невозможныхъ лишеній и мукъ, они пробыли до 1884 г., когда министерство разрѣшило имъ выбрать иное, бо-

лѣе цивилизованное мѣсто жительства. Когда я познакомился съ г-жею Чернявскою, она была блѣдною, хрупкою женщиною, здоровье и силы которой были въ конецъ разрушены ея жизненными испытаніями. Оба ея ребенка погибли при самыхъ трагическихъ условіяхъ; въ продолженіе семи лѣтъ она были тысячами верстъ отдѣлена отъ своихъ родныхъ и друзей; въ будущемъ у нея не было ничего, кромѣ любви мужа, которому она ни въ чемъ не могла помогать, въ его борьбѣ за существованіе. Когда я прощался съ нею, мнѣ казалось, что конецъ ея страданіямъ уже недалекъ. Я чувствовалъ къ ней безконечную жалость, — при ея разсказахъ мое лицо, въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, было мокро отъ слезъ, — и желая показать, какъ глубоко я ее уважаю, какъ искренне я ей симпатизирую, я предложилъ ей свою фотографическую карточку, единственное воспоминаніе, которое я могъ ей оставить. Къ удивленію. она съ сожалѣніемъ, но рѣшительно отказалась взять ее: „Много лѣтъ тому, — сказала она — у меня была карточка — единственная — моего умершаго ребенка. Разъ ночью полиція, дѣлая у меня обыскъ, забрала всѣ мои письма и карточки. Я говорила имъ, что эта карточка ребенка у меня одна, что она мнѣ дорога, что я не могу достать другой. Жандармскій офицеръ, производившій обыскъ честнымъ словомъ обязался возвратить мнѣ ее. Съ тѣхъ поръ я не видѣла этой карточки. Я поклялась, что второй разъ русское правительство не сдѣлаетъ мнѣ такого зла, и съ тѣхъ поръ у меня нѣтъ никакихъ карточекъ и воспоминаній, которыхъ меня могутъ лишить.“

Если г-жа Чернявская жива еще, я надѣюсь, что эти страницы дойдутъ до нея и покажутъ, что и на другомъ концѣ свѣта ее любятъ и ее вспоминаютъ съ искренней, горячей симпатіею.